

ISSN 2072-0297



МОЛОДОЙ[®] УЧЁНЫЙ

международный научный журнал



46

2017

Часть III

16+

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 46 (180) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрашилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хуснидин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор: Осянина Екатерина Игоревна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 06.12.2017. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

На обложке изображен *Марио Молина* (родился 19 марта 1943 г.), мексиканский химик, исследователь химии атмосферы Земли.

Марио родился в Мехико в семье адвоката. Окончил сначала частную школу Institut auf dem Rosenberg в Швейцарии, а затем получил степень бакалавра химической технологии в Национальном автономном университете Мехико. В 1972 году получил докторскую степень в Калифорнийском университете в Беркли.

Важнейшие исследования Марио Молины касаются химических явлений, которые происходят в атмосфере. Он исследовал химические и спектроскопические свойства соединений, имеющих значение для воздушной оболочки Земли. В 1974 году совместно с Ф. Роулэндом разработал теорию уменьшения озонового слоя в результате воздействия коротковолнового ультрафиолетового излучения на фреоны, вещества, которые поступают в нижние слои атмосферы в результате выбросов промышленного производства. Атомы хлора атакуют молекулы озона, разрушая их и давая оксид хлора ClO, который взаимодействует с атомарным кислородом, в результате чего вновь образуется активный хлор — важный компонент цикла разрушения озона. Эти исследования впоследствии легли в основу многочисленных работ по изучению проблемы разрушения

стратосферного озонового слоя. Для предотвращения этой медленной, но неизбежной экологической катастрофы потребовалось принятие на международном уровне политических решений, непосредственно затрагивающих жизненные интересы многих миллионов людей. Так, например, запрет на производство и использование фторхлоруглеродов привел к поиску его менее опасных заменителей.

В 1980-х годах Молина воссоздал в лабораторных условиях аналог стратосферных антарктических облаков, состоящих из микрокристалликов льда, изучил их влияние на атмосферу и доказал, что в полярных условиях разрушение озона протекает весьма успешно. Чтобы понять суть быстрых каталитических реакций над южным полюсом, проводились эксперименты с перекисью хлора, мало изученным до этого веществом.

В 1995 году за работу по изучению факторов, влияющих на образование и разрушение озонового слоя, ему была присуждена Нобелевская премия, которую он разделил со своим бывшим руководителем Шервудом Роулэндом и голландцем Паулем Круценом.

С 2004 года Молина преподает в Калифорнийском университете в Сан-Диего.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Баранников О. И.

Развитие научных представлений о сущности принципов уголовного права 185

Белова П. А., Белов Н. А.

К вопросу изменения процедуры государственной регистрации недвижимости с 2017 года 188

Беседина Т. Н.

К вопросу о финансово-правовом регулировании банковской системы в России 190

Голованов Н. С.

Понятие и виды преступлений экстремистской направленности 193

Гулиницкая Т. Н.

Неприкосновенность жилища — конституционное право человека 196

Давыдова Д. Р.

Общественное значение науки финансового права 198

Дегтярев С. М.

Проблемы проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля с применением видеозаписи или киносъемки 201

Корниленко Ю. А.

Коррупция в статистике современной России 203

Курбатова И. М.

Судебная система как один из источников формирования института медиации 205

Куренов И. В.

Основные отличия гражданских правоотношений от других смежных по законодательству Российской Федерации 207

Ларина Н. В.

Система нормативно-правового регулирования холдинговых компаний в Российской Федерации 209

Леонтьева В. В.

Принцип публичности уголовного процесса... 212

Мещерякова А. А.

Российская Федерация как частноправовой субъект в современной России: сущность, особенности правосубъектности и место в системе субъектов гражданского права 214

Мирямина Э. Р.

Правовой режим общеизвестных товарных знаков 216

Немятых М. В.

Уголовно-правовая характеристика полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста 218

Нургалеев М. С.

Особенности регулирования параллельного импорта лекарственных препаратов в Европейском Союзе 223

Панова Н. Е.

Понятие и система государственной службы в Российской Федерации 227

Пеньшин Н. В., Попова Е. В.

Лицензирование в сфере пассажирских автобусных перевозок как гарантия безопасности пассажиров 230

Пимаева О. А. Формы защиты прав потребителей в сфере дистанционной торговли.....	232	Ударова А. И. Квалификация преступления «Неисполнение обязательств налоговым агентом», предусмотренного ст. 199.1 УК РФ.....	249
Пимаева О. А. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере дистанционной торговли	237	Худякова О. С. Сокращённое дознание как одна из форм предварительного расследования	251
Полунин С. К. Налоговая система Российской Федерации	239	Черныш Д. В. Права и обязанности субъектов обязательного государственного страхования в России	254
Саломатова К. А. Профиль риска как основной элемент таможенного контроля при выявлении таможенных преступлений	241	Шушканов П. А. Взятка как неклассический реляционный подход к пониманию договора дарения	256
Саломатова К. А. Криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств	244	Юрина А. В. Ограничение и лишение родительских прав как меры юридической ответственности	258
Сергиенко А. А. К вопросу об административной ответственности за правонарушения в таможенной сфере.....	246		

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Развитие научных представлений о сущности принципов уголовного права

Баранников Олег Иванович, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются основные подходы к пониманию сущности принципов в доктрине уголовного права, делается вывод о двойственной природе принципов, раскрывающейся в их статистической (нормативной) и динамической (регулятивной) стороне. Дается авторское определение принципов уголовного права.

Ключевые слова: *принципы уголовного права, уголовный закон, задачи уголовного права, охрана прав и свобод личности*

До принятия Уголовного кодекса РФ 1996 года ни один отечественный уголовно-правовой акт не закреплял принципы уголовного законодательства, в результате чего возникало немало вопросов о том, какие же идеи для уголовного права являются основополагающими. Ныне действующий уголовный закон не только перечисляет принципы, на которых он базируется, но и раскрывает их содержание. Проблемам принципов в отечественной доктрине уголовного права посвящены труды таких отечественных ученых, как И.А. Гревнова, С.Г. Келина, Г.А. Кригер, В.Н. Кудрявцев, В.В. Мальцев, Н.А. Лопашенко, А.Н. Попов, Б.Т. Разгильдиев, И.С. Семенова, О.В. Стрилец, В.Д. Филимонов, Е.Е. Чередниченко и др. Однако, по-прежнему, дискуссионными являются вопросы о сущности принципов уголовного права, что актуализирует рассмотрение генезиса соответствующих научных представлений.

Как справедливо отмечает Г.О. Петрова, прежде чем законодательно закрепить принципы в УК РФ была проделана огромная научная работа, в литературе излагались разные мнения о месте принципов в системе категорий уголовного права [7; с. 78]. Спорным, к примеру, предстает вопрос о соотношении принципов и задач уголовного законодательства. В юридической литературе имеется несколько мнений, касаемо данного вопроса. Так, А.М. Васильев указывает на категорию «принципы права», которая входит в состав ведущего функционального понятийного ряда и занимает в нем первое место [5; с. 168]. Другого мнения придерживаются В.Н. Кудрявцев и С.Г. Келина, полагающих целесообразным поместить задачи данной правовой системы или отрасли права «на более высоком уровне в иерархии правовых понятий», поскольку «...именно цели и задачи определяют предна-

значение данной правовой отрасли или системы в целом. Принципы же указывают на то, как это предназначение должно осуществляться» [5; С. 178].

На наш взгляд, позиция В.Н. Кудрявцева и С.Г. Келиной будет более верна, так как специфика и содержание каждой отрасли права определены, в первую очередь, задачами, которые перед ней ставят. Так, Б.Т. Разгильдиев пишет о задачах уголовного права, как предусмотренные уголовным законом социально позитивные результаты, обеспечиваемые на определенной территории, в течение определенного времени всей отраслью уголовного права и обосновывающий ее социальное предназначение и уголовно-правовое содержание [11; с. 5].

Задачами уголовного права на сегодняшний день являются, в соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ, охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Для их реализации, в свою очередь, используется весь потенциал уголовно-правовых средств, закрепленных в нормах как Общей, так и Особенной частей УК РФ. В ч. 2 ст. 2 УК РФ сказано, что для исполнения перечисленных выше задач УК РФ устанавливает основания и принципы уголовной ответственности, определяет, круг каких опасных для личности, общества и государства деяний считается преступлениями, а также устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Вместе с тем одним из показателей эффективности такого выполнения служит соответствие уголовно-правовых норм принципам.

Г.А. Кригер писал, что «...принципы права — это вытекающие из социально-экономической природы общественного строя, закреплённые в праве политические, идеологические и нравственные начала (руководящие идеи), которые направляют регулятивную и охранительную функцию права и определяют основания, характер и объём применения государственного принуждения и иных мер воздействия, необходимых для обеспечения успешного развития господствующих общественных отношений» [4; с. 102]. Н.А. Лопашенко в своей работе указывает, что принципами уголовного права являются руководящие, политические, идеологические и нравственные идеи уголовного права, которые берут свое начало из природы общества и обусловлены им, выражают сущность уголовного права как специфического регулятора конкретной группы общественных отношений, а также направлены на обеспечение охраны общественного строя, его экономической и политической систем, личности, собственности, прав и свобод граждан и всего правопорядка от преступных посягательств и обеспечивают системность и единство уголовного права [6; с. 28].

И.А. Гревнова считает, что уголовно-правовой принцип — это обусловленное экономическими, историческими, социальными и нравственными закономерностями объективно-субъективное сущностное свойство права, которое имеет обличье формы закона, выражающееся в требовании общества к государству по обеспечению прав и свобод человека и гражданина при принятии уголовных законов и их реализации [3; с. 52]. В.Д. Филимонов указывает, что «...принципы уголовного права — это выраженные в уголовном законодательстве требования к законотворческой, правоприменительной деятельности и к поведению граждан, обусловленные указаниями международно-правовых актов о правах человека, Конституции Российской Федерации, а также задачами борьбы с преступностью и представляющие собой положения, определяющие содержание всей или значительной совокупности правовых норм и интегрирующие их в единую систему уголовного права» [13; с. 34]. Ю.Е. Пудовочкин и С.С. Пирвагидов характеризуют принципы уголовного права как «...основные начала, руководящие идеи, которые определяют содержание и направленность уголовного права, закреплёны в уголовно-правовых нормах и обязательны для законодателя, правоприменительных органов и граждан в сфере борьбы с преступностью» [9; с. 78].

Все вышеприведённые определения имеют право на существование, однако, требуют совершенствования и уточнения относительно динамической стороны принципов права. Нельзя не заметить, что принципы уголовного законодательства большинством авторов определяются через такие понятия, как «свойство», «идеи», «начала» и т. д. На мой взгляд, основополагающие начала не мертвые категории, служащие «украшением» нормативно-правовых актов, а, прежде всего, носят характер обязательных предписаний. Поэтому наиболее точно

определять понятие принципов через категорию «требования». Словарь русского языка раскрывает данный термин как «правило, условие, обязательное для исполнения» [8; с. 149].

И.Н. Сенякин считает, что «правотворчество представляет собой особую форму государственной деятельности по созданию, изменению и отмене правовых норм, основанную на познании объективных социальных потребностей и интересов общества» [12; с. 415]. Полагаю, что принципы, лежащие в основе тех или иных нормативно-правовых актов, в определенной степени отражают эти объективные социальные потребности и интересы общества. И при внесении изменений или дополнений в действующий нормативно-правовой акт законодатель должен опираться на требования тех принципов, которые уже заложены в основу того или иного закона. Таким образом, законодательные предписания, выражающие и закрепляющие принципы права, являются исходными нормами, которые занимают особое место в механизме правового регулирования.

Нельзя не согласиться с мнением М.И. Байтина в том, что такие правовые нормы служат ориентирами совершенствования системы права; определяют необходимость и целесообразность издания, равно как отмены или изменения отдельных юридических норм-правил поведения; в определенных случаях выступают в качестве нормативной основы решения юридического дела и как важнейшее условие правильного применения в соответствии с прямым действием Конституции РФ и т. д. [2; с. 242]. Так, Н.И. Архипцев утверждает, что «...правовые принципы имеют самостоятельное регулирующее значение. Будучи своего рода ступками правовой материи, они как бы направляют функционирование права, определяют линию судебной и иной юридической практики, помогают установить пробелы в праве, необходимость отмены устаревших и принятия новых юридических норм» [1; с. 55]. Отсюда нельзя не согласиться с мнением Е.Е. Чердниченко, определяющей принципы уголовного права, как требования нравственного, идеологического и политического характера, обусловленные потребностями и закономерностями общественного развития, направленные на выполнение задач уголовного законодательства, обязательные как для законодательных, так и для правоприменительных органов и выполняющие функцию непосредственного и опосредованного регулирования общественных отношений [14; с. 38].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному следует отметить двойственную природу принципов уголовного права. Статистическую сторону принципов характеризуют следующие признаки: во-первых, это требования нравственного, идеологического и политического характера; во-вторых, они обязательны для выполнения как законодательными, так и правоприменительными органами; в-третьих, они направлены на выполнение задач уголовного права и, наконец, в-четвертых, обусловлены потребностями и закономерностями общественного раз-

вития; в-пятых, они отличаются стабильностью и, как правило, не изменяются на протяжении всего периода действия закона. Принципы, как и всякая правовая категория, не «рождаются» и не «живут» сами по себе. Появление, изменение или прекращение их существования каждый раз зависит от потребностей и закономерностей развития общества на своем определенном этапе. Так, например, из-за изменения общественного строя потеряли свою актуальность такие принципы уголовного законодательства, как: интернационализм, участие общественности в борьбе с преступностью, всемерная охрана заведений трудящихся и др. Но в то же время с принятием Конституции РФ 1993 г., которой было закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита является обязанностью государства, центральное значение и содержание приобретает принцип гуманизма, который сформулирован в ст. 7 УК РФ. Следственно, можно сделать вывод, что принципы — прежде всего представляют собой динамическую категорию. Причем, как верно заявляют В. Н. Кудрявцев и С. Г. Келина, абсолютно любой исторической эпохе свойственны и характерны свои правовые принципы, к тому же, «...обычно выделяются и закрепляются в законе именно те основные начала правовой системы, которые имеют в данных социально-экономических и политических условиях наиболее важное, а подчас и решающее значение, как, например, принцип равенства граждан перед законом в борьбе с феодализмом или принцип защиты интересов трудящихся в период пролетарской рево-

люции». Полагаю, что во многом это обусловлено меняющимися потребностями в регулировании общественных отношений. Поэтому нормы-принципы, закрепленные в ст. 3–7 УК РФ, обладают следующими динамическими (регулятивными) особенностями: во-первых, носят императивный характер, т. е. требования не допускают отступлений и строго обязательны для исполнения; во-вторых, их действие распространяется на все нормы без исключения; в-третьих, для удобства их дальнейшего применения данные предписания достаточно обобщены, кратки и лаконичны; в-четвертых, требования, которые содержатся в нормах-принципах, отличаются ясностью, конкретностью, не допускают неоднозначного понимания и толкования.

С учетом вышеизложенного, можно сделать вывод, что принципы уголовного права — это требования нравственного, идеологического и политического характера, обусловленные потребностями и закономерностями общественного развития, направленные на выполнение задач уголовного законодательства, обязательные как для законодательных, так и для правоприменительных органов и выполняющие функцию непосредственного и опосредованного регулирования общественных отношений. Принципы уголовного права представляют собой систему, которая состоит из взаимосвязанных элементов, функционирующих как единое целое. Требования этой системы направлены только к одной цели — обеспечить наиболее эффективную охрану прав и свободы личности, интересов общества и государства.

Литература:

1. Архипцев, Н. И. Уголовно-правовое законодательство: проблемы и перспективы совершенствования // Журнал российского права. 2004. № 2. с. 55–59.
2. Байтин, И. М. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / Байтин И. М. — 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005. — 544 с.
3. Гревнова, И. А. Вина как принцип уголовного права Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 182 с.
4. Кригер, Г. А. Место принципов советского уголовного права в системе принципов права // Советское государство и право. 1981. № 2. с. 102–107.
5. Курс уголовного права: Учение о преступлении. Общая часть: учебник. Т. 1 / Борзенков Г. Н., Комиссаров В. С., Крылова Н. Е., Кузнецова Н. Ф., и др.; под ред.: Кузнецов Н. Ф., Тяжкова И. М. — М.: Зерцало, 1999. — 592 с.
6. Лопашенко, Н. А. Принципы кодификации уголовно-правовых норм. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. — 97 с.
7. Норма и правоотношение — средства уголовно-правового регулирования. Монография / Петрова Г. О. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1999. — 192 с.
8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Около 57000 слов / под ред. чл. — корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой, — 18-е изд., стереотип. М.: Русс, яз., 1986. — 795 с.
9. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств / Пирвагидов С. С., Пудовочкин Ю. Е. С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003. — 297 с.
10. Принципы советского уголовного права / Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. М.: Наука, 1988. — 176 с.
11. Разгильдиев, Б. Т. Уголовно-правовые принципы: понятие, реализация, юридическая природа // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни: материалы всероссийской научно-практической конференции (28–29 марта 2005 г.): в 2 ч. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов, 2005. Ч. 1. с. 5–7.

12. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.А. Воротникова; Кулапов В.Л., Матузов Н.И., Малько А.В. — 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2017. — 640 с.
13. Филимонов, В.Д. Принципы уголовного права / Филимонов В.Д. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. — 139 с.
14. Чередниченко, Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации / Чередниченко Е.Е.; отв. ред.: Лопашенко Н.А. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 192 с.

К вопросу изменения процедуры государственной регистрации недвижимости с 2017 года

Белова Полина Андреевна, студент;

Белов Никита Андреевич, студент

Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

В данной статье рассмотрены наиболее важные изменения, на наш взгляд, в Федеральном Законе от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» поскольку его положения и новые правила оформления права собственности и постановки на кадастр учитывают европейский опыт регистрации прав на недвижимое имущество и призваны улучшить систему учета недвижимого имущества в Российской Федерации.

Ключевые слова: регистрация недвижимого имущества, Единый государственный реестр недвижимости, постановки недвижимого имущества на учет

Новые правила государственной регистрации недвижимого имущества в Российской Федерации установлены с 1 января 2017 года Федеральным Законом от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Закон). Следует отметить, что Закон призван заменить федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество».

Новый порядок государственной регистрации недвижимости предусматривает нововведения, указанные ниже.

1. Создание нового Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН).

До 1 января 2017 г. оборот недвижимости в стране подчинялся двойному регулированию. Постановка объекта на учет в Государственный кадастр недвижимости требовала предоставление одного пакета документов,

а регистрация прав на недвижимость — другого. В этой связи гражданин или юридическое лицо вынуждены были обращаться сначала в кадастровую палату, а потом в Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). Помимо разных требований к документам и их оформлению у каждой из данных организаций был еще и свой срок совершения регистрационных действий. Это вынуждало заявителей участвовать в двух длительных процедурах.

Законом определено, что ЕГРН — это свод достоверных систематизированных сведений в текстовой форме (семантические сведения) и графической форме (графические сведения) о зарегистрированных объектах недвижимого имущества, учтенных правах на такое имущество, основаниях возникновения таких прав, собственниках и

других правообладателях имущества. ЕГРН объединил в себе ранее существовавшие Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРП) и Государственный кадастр недвижимости (ГКН). Произошло расширение реестра границ. В частности, добавятся границы лесничеств, игорных зон, охотничьих угодий и т. д.

Росреестр осуществляет ведение государственного реестра в электронной форме, за исключением реестровых дел, в которых содержатся письменные документы заявителя.

Создание ЕГРН призвано сократить время оформления документов и привести к единообразию в требованиях.

2. Законом внесены изменения в процедуру представления документов для осуществления процедуры государственной регистрации:

— Росреестр обязали самостоятельно запрашивать в налоговой инспекции учредительные документы юридического лица — заявителя.

— Появилась возможность направить документы через уполномоченное лицо органа регистрации при выездном приеме.

— С 1 января 2017 года Росреестр осуществляет прием заявлений на регистрацию прав на недвижимость по экстерриториальному принципу в каждом регионе страны. Ранее заявитель должен был обращаться в территориальный орган, соответствующий расположению недвижимости.

— Упрощен порядок государственной регистрации прав, возникших из публичных отношений. В случае воз-

никновения прав или установления обременений актами госорганов орган, принявший такой документ, самостоятельно направляет документы на регистрацию в срок не позднее 5 рабочих дней с момента возникновения права или обременения.

— На регистрацию передается только 1 оригинал документа, представленного на бумажном носителе, служащий основанием для возникновения, прекращения, перехода права. Второй экземпляр остается у заявителя, а не возвращается после регистрации, как было прежде.

— При представлении документов по почте кроме нотариального удостоверения подписи на заявлении требуется заверить у нотариуса доверенность и саму сделку.

— По окончании регистрационных действий документы могут быть доставлены заявителю курьером, но данная услуга является платной.

3. Общий срок осуществления учета объекта недвижимости в кадастре и государственной регистрации прав сокращен и составит, при подаче документов в Росреестр: 5 рабочих дней — для кадастрового учета; 10 рабочих дней — в случае одновременного проведения учета и государственной регистрации прав; 7 рабочих дней — для государственной регистрации прав.

В случае, если документы будут представляться через МФЦ, то сроки проведения кадастрового учета и государственной регистрации прав увеличиваются на два рабочих дня.

4. Государственная регистрация машино-мест.

С 1 января 2017 года в ГК РФ введено понятие «машино-место». Машино-место теперь включено в перечень недвижимого имущества. Чтобы приобрести статус недвижимости, подлежащей государственной регистрации, оно должно соответствовать предназначаться исключительно для размещения транспортного средства, располагаться в индивидуально-определенная части здания или сооружения, которая не ограничена либо частично ограничена строительной или иной ограждающей конструкцией, и иметь четко установленные границы.

Ранее машино-места самостоятельными объектами недвижимости по закону не были. На них регистрировалось право общей долевой собственности. Продать их было сложно: приходилось соблюдать преимущественное право покупки остальных долевых собственников.

5. Установлен единственный случай отказа в приеме документов — если не установлена личность заявителя, который непосредственно обратился с документами (например, не предъявлен паспорт или доверенность на представителя организации).

Кроме этого Законом уточнен перечень оснований для возврата заявления и документов без рассмотрения. В частности несоответствие формата заявления и документов, представленных в электронном виде, установленному формату; наличие в заявлении и документах, которые представлены в бумажном виде, подчисток, приписок, зачеркиваний и других неоговоренных исправлений, в том числе выполненных карандашом, а также наличие по-

вреждений, не позволяющих однозначно истолковать их содержание; отсутствие подписи заявителя в заявлении о кадастровом учете объекта или государственной регистрации прав; если в Государственной информационной системе о государственных и муниципальных платежах отсутствует информация об уплате госпошлины и не представлен документ, подтверждающий ее уплату; в ЕГРН имеется запись о невозможности регистрации перехода, ограничения права и обременения недвижимости без личного участия собственника или его законного представителя.

6. Установлены более продолжительные сроки приостановления государственной регистрации прав:

— 3 месяца по решению государственного регистратора (за исключением отдельных оснований, для которых предусмотрены иные сроки приостановления);

— шесть месяцев по инициативе заявителя, при этом в Законе уточнено, что по заявлению приостановление возможно только один раз увеличилось сроки приостановки с 1 месяца по инициативе регистратора и 3 по инициативе заявителя до 3 и 6 месяцев соответственно.

7. Государственная пошлина.

Размер государственной пошлины за совершение регистрационных действий остался не именованным, однако за выдачу выписок из реестра и копий документов существенно увеличился:

— государственная пошлина за выписку из ЕГРН на бумажном носителе, содержащую общедоступные сведения, составит 750 вместо 200 руб.;

— государственная пошлина за выписку из ЕГРН на бумажном носителе об установлении недееспособности правообладателя — 950 руб.;

— государственная пошлина за копию документа, содержащегося в регистрационном деле и выражающего содержание сделки, — 300 вместо прежних 100 руб.

8. Ответственности при осуществлении кадастрового учета и государственной регистрации.

Особый интерес у граждан вызывает вопрос ответственности при осуществлении кадастрового учета и государственной регистрации. Ответственность за действия (бездействие) при проведении кадастрового учета и государственной регистрации распределена между Росреестром, государственным регистратором и другими лицами.

Государственный регистратор несет ответственность за несоответствие внесенных им в ЕГРН сведений тем сведениям, которые содержатся в представленных документах (за исключением данных, внесенных из других информационных ресурсов), за необоснованное приостановление и отказ в кадастровом учете или государственной прав, или уклонение от их проведения.

Росреестр несет ответственность за ненадлежащее исполнение своих полномочий, в том числе за утрату и искажение сведений, которые содержатся в ЕГРН, полноту и достоверность предоставляемых сведений, незаконный отказ в кадастровом учете или государственной регистрации прав, установленный вступившим в законную

силу решением суда. При этом предусмотрены случаи, когда Росреестр имеет право регрессного требования к органам и лицам, по вине которых допущены нарушения.

Также нововведениями в Законе уточнены условия выплаты компенсации за утрату права на жилое помещение. Компенсация за жилое помещение — единственное пригодное для постоянного проживания — выплачивается однократно собственнику, который по независящим от него причинам не вправе истребовать его от добросовестного приобретателя, а также добросовестному приобретателю, от которого оно было истребовано. Согласно Закону

условием ее выплаты является невозможность получить от третьих лиц возмещение, установленное вступившим в законную силу решением суда, по причине прекращения взыскания по исполнительному документу, например, в связи с внесением записи об исключении должника-организации из ЕГРЮЛ. Однако положение Закона о компенсации за утрату права, зарегистрированного в ЕГРН, вступает в силу только с 1 января 2020 г.

Вышеуказанные нововведения предназначены упростить и ускорить процедуру государственной регистрации недвижимости.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 21.07.1997 N 122-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2017). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Приказ Минэкономразвития России от 10.05.2016 N 291 (ред. от 09.12.2016) «Об установлении размеров платы за предоставление сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Бурмакина, Н. И. Основные направления совершенствования учетно-регистрационной системы недвижимости в России // недвижимость: экономика, управление. — 2015. — № 4. — с. 6—10.

К вопросу о финансово-правовом регулировании банковской системы в России

Беседина Татьяна Николаевна, студент

Московский городской педагогический университет, Самарский филиал

Считается, что рубеж средних веков прошедшего тысячелетия является началом развития новых общественных отношений нормативного регулирования в сфере финансов.

В названный исторический период средневековому государству, как единственному эмитенту денежных средств, представлялось вполне достаточным наличие возможности реализации своей публичной власти путем приоритетного регулирования общественных отношений в сфере финансов. Однако монопольного регулирования в виде осуществления выпуска одних только денежных средств государству оказалось политически недостаточно, поэтому им были предприняты меры к расширению своей финансовой деятельности, как публичного органа власти.

Выводы современных ученых, по этому поводу следующие: в любом государстве, помимо выпуска денег, имеется единое (унитарное) и закономерное движение «денежных потоков». Объективные закономерности «движения единой массы денег» требуют создание монолитной унитарной системы участников «общественных отношений (финансов) создающих, распределяющих и

использующих фонды денежных средств», которые обеспечивают ее оборот. Такая унитарность (единство) «проявляется также в том, что оформляется некоторая совокупность профессиональных субъектов указанного рода деятельности в виде банков и иных кредитных учреждений» с неременным участием публичного субъекта власти.

При этом под создаваемой банковско-кредитной «системой» понимается совокупность кредитных отношений и институтов, организующих эти отношения» [12].

Соответственно «успех выполнения функций, созданной, кредитно-банковской системы зависит от наличия соответствующих правовых и институциональных условий, обеспечивающих доверие общества к этой системе и гарантирующих безопасность сбережений» [10]. Такой успех обеспечивается также достаточным и влиятельным участием публичного органа власти, государства, в процессе создания эффективно работающей банковской и кредитной системы.

С учетом аналогичных мотивов полагаем, началось в середине прошлого тысячелетия создание новых финан-

совых нормативно правовых средств регулирования общественных отношений.

Учеными полагается, что под финансами необходимо понимать совокупность всех денежных средств, находящихся в распоряжении хозяйствующих субъектов и обращающихся в государстве, а также система их комплектования (накопления), планирования распределения и размещения по предназначению и соответственно дальнейшего использования по спланированному предназначению.

Также ученые-правоведы к дефиниции финансов относят общественные экономические отношения, складывающиеся в процессе комплектования, перераспределения и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств.

Как известно развитие общественных отношений в историческом аспекте прошло путь от натурального товарного обмена к товарно-денежным отношениям.

В этих отношениях всеобщим эквивалентом товара признаны деньги, монополярный выпуск которых первоначально, как указано, принадлежал государству.

Вслед за этим постепенно сформировались полномочия государства по регулированию экономических и социальных отношений, по учету доходов и расходов в денежной форме, по образованию различных денежных фондов для финансирования устанавливаемых государством публично правовых обязанностей, через создание для этого, в том числе специализированных органов власти в виде банковской системы.

Из этого следует научный вывод, что финансы это не только сами денежные средства, а общественные отношения между их субъектами по поводу образования, перераспределения и использования фондов денежных средств с помощью системы создаваемых специализированных государственных органов [17].

Необходимо отметить, что расширение коснулось, и банковской сферы деятельности и ее системы, поэтому средневековое государство взяло на себя руководство «частью банковского дела, которым традиционно занимались до этого времени частные лица» [16]. Для этого оно распространило свои публичные интересы в сферу регулирования банковского дела, которое следуя установившимся давним традициям, принадлежало ранее только частным лицам и имело целью только удовлетворение частных интересов в получении прибыли.

В названное время впервые государством организовывается иная банковская система, которая включает в себя, наряду с частными и вновь созданные специализированные государственные банки. Созданной таким образом системе кредитования в виде коммерческих и государственных банков (центральных, национальных и др.) предусматривается исполнение двух монополярных направлений банковской деятельности: публично-правовое и частноправовое.

При этом в первом случае правовое регулирование продолжает осуществляться и в традиционной сфере деятельности государственной монополии по выпуску денег.

Одновременно появляются и новые государственные полномочия в области правового регулирования финансов, а именно: по управлению вновь созданной банковской системой государства, золотовалютными ресурсами (в том числе драгоценностями), находящимися в государственной собственности, а также по созданию условий обеспечения устойчивости единой национальной валюты.

Во втором случае государственное правовое регулирование распространяется на банковское дело в сфере кредитных операций, которые издавна традиционно считались частным занятием по извлечению прибыли.

Современная форма организации банковского дела — это своего рода «дуальная система» (то есть двойственная), представляющая одновременно: во-первых, «интересы всего общества»; во-вторых, частные «интересы коммерческих банков и их клиентов» [12].

Общественные отношения в такой организации банковского дела регулируются с одной стороны финансовыми нормами банковского права, так как основной субъект регулирования данных отношений — это государство, а с другой стороны нормами частного права (гражданского права).

Поэтому, с одной стороны нормами банковского права регулируются общественные отношения в сфере государственного надзора за банковской деятельностью и его организацией, а с другой нормами гражданского (частного) права регулирующего право банковских сделок и договоров.

Итак, изучив вопросы исторического возникновения банковской системы, а также некоторые теоретические научные формулировки и дефиниции, касающиеся объективной необходимости ее создания, ее содержания, характеристики, значения, определения и др., необходимо рассмотреть вопросы ее правового регулирования. Правовое регулирование банковской системы в России осуществляется нормами банковского (публичного) права, являющегося подотраслью отрасли финансового права.

Банковская система, начиная с 90-х годов современного тысячелетия, претерпевает кардинальные изменения, затрагивающие как структурную ее часть, так и функциональную.

Структура банковской системы нормативно установлена ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» [3].

Она включает в себя Банк России, кредитные организации, а также представительства иностранных банков.

Соответственно правовое регулирование банковской деятельности (функциональной ее части) входящих в банковскую систему органов и организаций осуществляется согласно ч. 2 ст. 2 указанного Закона, Конституцией РФ, рядом федеральных законов и нормативными актами Банка России [1, 4, 13].

Проблемы правового регулирования функциональной части банковской системы в данной работе не рассматриваются из-за установленного ограниченного объема публикации.

Как известно действующая двухуровневая банковская система была установлена в конце 80х — начале 90х годов прошлого столетия и заменила советскую одноуровневую монопольную банковскую систему [14].

Двухуровневая система рассматривалась при анализе учеными исходя из диспозиции ст. ст. 1 и 2 указанного Закона. Она состояла, по их мнению, из следующих структурных элементов:

Первый уровень: Центральный банк Российской Федерации (Банк России);

Второй уровень кредитные организации, подразделяющиеся на:

- сами банки, названные кредитными организациями;
- кредитные организации, имеющие право осуществлять банковские операции;
- небанковские кредитные организации трех видов;
- представительства иностранных банков.

В этот же список можно было бы добавить и филиалы иностранных банков, исключенных из банковской системы законодателем в 2013 году.

Такое официальное законодательное противоречие и отсутствие официального определения банковской системы породило научную дискуссию, которая продолжается до настоящего времени.

Большинство авторов сводит свои аргументы к законодательному определению структуры банковской системы

указанной выше [15, 11, 6, 9, 7], другие полагают, что в банковскую систему необходимо включить только банки, имеются и другие предложения, несущественно отличающиеся от указанных точек зрения [8]. В настоящее время дискуссия вышла на новый уровень с принятием новых изменений в ст. 1 указанного Закона [5]. В измененный Закон включены дополнения в виде добавления к понятиям «Банк — кредитная организация», еще двух определений банков: «Банк с универсальной лицензией» и «Банк с базовой лицензией». Основной аргумент дискуссии выдвинут в виде размещения на сайте Государственной Думы Российской Федерации короткого названия законопроекта как законопроекта многоуровневой банковской системы.

Полагаем, что все вопросы дискуссии касаются юридической техники и понятийного состояния дефиниции «банковская система». Поэтому предлагается признать за дефиницией «банковская система» следующее ее определение «Банковская система Российской Федерации включает в себя Банк России и систему финансовых органов и организаций, имеющих статус, установленный ст. 1 настоящего закона, а также представительства иностранных банков».

В целом, интенсивное развитие и реформирование банковской системы приводит к необходимости более детального и глубокого изучения вопросов нормативного регулирования и определения понятийного аппарата.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) СПС КонсультантПлюс.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 30.09.2017) СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 29.07.2017) «О банках и банковской деятельности» СПС КонсультантПлюс
4. Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2017) СПС КонсультантПлюс
5. Федеральный закон от 01.05.2017 N 92-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» СПС КонсультантПлюс
6. Братко, А. Г. Банковское право России. М., 2003.
7. Банковское право: Учебник для магистров / Под ред. Д. Г. Алексеевой, С. В. Пыхтина. М., 2013.
8. Городов, О. А. О понятии банковской системы России и ее компонентах // Юрист. 2014. N 12. с. 24–28.
9. Ефимова, Л. Г. Банковское право. Т. 1: Банковская система Российской Федерации. М., 2010.
10. Корриган, Е. Центральный и другие банки: размышления о путях создания банковской системы рыночного типа // Экономика и жизнь. 1990. N 46.
11. Олейник, О. М. Основы банковского права: Курс лекций. М., 1997.
12. Петрова, Н. А. Соотношение частных и публичных интересов в банковском праве «Юридическая работа в кредитной организации», 2005, N 4) СПС КонсультантПлюс
13. «Положение о порядке аккредитации Банком России представительств иностранных кредитной организации, аккредитации иностранных граждан, которые будут осуществлять трудовую деятельность в представительстве иностранной кредитной организации, и осуществления контроля за деятельностью представительств иностранных кредитной организации» (утв. Банком России 22.04.2015 N 467-П) (ред. от 05.04.2017) (Зарегистрировано в Минюсте России 28.08.2015 N 38732) СПС КонсультантПлюс
14. Самигулина, А. В. Эволюция банковской системы: проблемы теории и практики // Право и экономика. 2016. N 11. с. 58–64. СПС КонсультантПлюс

15. Тосунян, Г.А., Викулин А.Ю., Экмалян А.М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под общ. ред. Б.Н. Топорнина. М., 1999.
16. «Финансовое право: Учебник» (2-е издание, исправленное и дополненное) (отв. ред. С.В. Запольский) («КОНТРАКТ», «ВолтерсКлувер», 2011) СПС КонсультантПлюс
17. Серебрякова, Т.А., Таренкова О.А. Финансовое право: учебно-методическое пособие для бакалавров — Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2016. — 312 с.

Понятие и виды преступлений экстремистской направленности

Голованов Николай Сергеевич, магистрант
Тюменский государственный университет

В современных условиях продолжающегося построения демократических основ в Российской Федерации одной из центральных задач является противодействие экстремистским проявлениям. К числу основных проблем совершенствования законодательства в этой области является: что следует понимать под преступлениями экстремистской направленности и какие преступления к ним следует отнести?

При конструировании УК РФ законодатель использовал технико-юридический прием распределения норм закона по разделам и главам, где основанием их разделения служит родовая и видовой объект преступления. Исследователи предлагают различные подходы. Так, например, по мнению В.А. Бурковской, ст. ст. 282.1, 282.2, а также ст. 239 УК РФ содержат в себе трудно разграничиваемые составы преступлений, что предполагает необходимость их унифицирования путем устранения ст. ст. 282.1 и 282.2 УК РФ и внесения соответствующих изменений и дополнений в ст. 239 УК РФ [1, с. 344].

Павлинов А.В. предлагает следующий подход по наполнению содержания главы 29 УК РФ: статья должна включать в себя преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. ст. 205, 205.1, 205.2, 208, 278, 279, 280, 282 УК РФ [2, с. 275]. В целом, разделяя мнение автора о необходимости систематизации и унификации исследуемых деяний, следует отметить, что: во-первых, предлагаемый перечень не охватывает всех деяний, которые должны быть включены в эту группу (например, таких, которые предусмотрены в ст. 206, 207, 212, 239 УК РФ и иных, исходя из предложенного нами перечня); во-вторых, декриминализация ст. ст. 282.1 и 282.2 УК РФ не решит проблем борьбы с экстремизмом, а лишь усложнит их.

Исключая данные статьи из УК, целесообразно на их основе создать более совершенные унифицированные уголовно-правовые нормы.

Исследователь Узденов Р.М., поддерживая мнение о необходимости унификации норм, расположенных в главе 29 УК РФ, критикует излишнее выделение двух самостоятельных составов преступлений, закрепленных в ст. ст. 282.1 и 282.2 УК РФ [3, с. 183]. Автором данной кон-

цепции предлагается исключить из уголовного закона ст. 282.2 УК РФ, а на основе ст. 282.1 УК РФ создать единую норму, устанавливающую ответственность за организацию экстремистской организованной группы или экстремистского сообщества (организации).

По мнению А.В. Петрянина унификация норм, регламентирующих ответственность за преступления экстремистской направленности, представляет собой разновидность систематизации путем сокращения этих норм, через обеспечение определенного их тождества, в первую очередь основанного на особенностях объекта посягательства (общественная безопасность, конституционный строй, мир и безопасность человечества) и мотивации преступного поведения (совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы), в целях приведения их к единообразию и повышения эффективности их применения [4, с. 270].

Существующие сегодня системы этих деяний неоднозначны и порождают массу споров, так как носят разрозненный и бессистемный характер, направлены на непосредственное обоснование видения конкретной авторской позиции.

Нет ясности в этом вопросе и у законодателя. Так, например, в рамках действующего российского уголовного законодательства были реализованы два отличительных друг от друга подхода, определяющих содержание преступлений экстремистской направленности.

Первый из них нашел свое отражение в УК РФ в процессе криминализации преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества», диспозиция которой включала в себя исчерпывающий перечень преступлений экстремистской направленности. Такой подход породил массу дискуссий как среди ученых, так и правоприменителей.

Редакция ст. 282.1 УК РФ от 24 июля 2007 г. кардинально изменила существующий до этого подход к определению исследуемой группы преступлений.

Перечень деяний, входящих в рассматриваемую группу, был исключен из диспозиции статьи. Вместо этого в ст.

282.1 УК РФ появилось примечание 2, содержащее в себе легальное определение преступления экстремистской направленности, включившее в себя исключительно мотивацию преступного поведения.

Таким образом, круг преступлений экстремистской направленности стал практически неограниченным. В настоящее время к ним может быть отнесено любое деяние, закрепленное в Особенной части УК РФ, совершенное по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Многие исследователи поддерживают реализованный законодательный подход, отмечая, что это вынужденная мера законодателя, поскольку многообразные проявления экстремистской деятельности стали реальной угрозой для безопасности общества и государства в целом [5].

В рамках деятельности правоохранительных органов предпринимаются попытки определения четкого их перечня.

В соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 19 ноября 2009 года № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» к рассматриваемой группе преступлений предлагается относить закрытый перечень деяний, при условии, если они совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [6].

Кроме того, существует Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 1 февраля 2016 г. № 65/11/1 «О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», содержащее две самостоятельные группы, включающих в себя деяния, непосредственно относящиеся к экстремистским [7].

Анализ положений, закрепленных в Указании Генпрокуратуры и МВД России, позволяет констатировать, что, во-первых, система преступлений экстремистской направленности, изложенная в нем, является весьма условной; во-вторых, группы преступлений экстремистской и террористической направленности, входящих в нее, не соответствуют нормативным установлениям, отраженным в примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ и в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности». Все это дает нам основание сделать вывод о том, что предпринятая попытка определить систему экстремистских деяний и их исчерпывающий перечень является явно неудачной, так как не дает возможности оценить всего многообразия современного экстремизма.

Проблема систематизации преступлений экстремистской направленности на нормативном уровне, главным образом, связана с неопределенностью самого законодателя относительно содержания критериообразующих признаков рассматриваемой группы преступлений и от-

сутствием легального определения таких дефиниций, как «экстремизм» и «экстремистская деятельность». В доктрине также нет единства во мнениях в вопросе определения системы исследуемых деяний. В научных изысканиях существует бесчисленное количество предлагаемых классификаций, в основу которых положены различные критерии.

Первая группа ученых пытается обосновать выделение особой системы преступлений экстремистской направленности, основанной на критериях, заложенных в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», а также мотивации, закрепленной в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, на основании которых предлагается определенный перечень этих деяний [8].

Предлагаемая система основывается на комбинированном подходе, который учитывает не только деяния, указанные в авторском перечне, но и все иные, совершенные по соответствующим мотивам.

Полагаем, что потребность выделения конкретных видов преступлений экстремистской направленности в данном случае выглядит дискуссионно, поскольку они, как и вторая предлагаемая группа, основаны исключительно на экстремистской мотивации.

Вторая группа ученых предлагает альтернативные подходы при определении исследуемой нами системы преступлений и следующие классификации преступлений экстремистской направленности.

Первая должна включать такие из них, которые посягают на различные сферы общественных отношений: а) деяния, непосредственным объектом которых являются конституционные права и свободы человека и гражданина (ст. ст. 136, 148, 149 УК РФ); б) деяния, непосредственным объектом которых выступает общественная безопасность (ст. ст. 205, 205.1, 208 УК РФ); в) деяния, посягающие на общественный порядок (ст. ст. 212, 213, 214 УК РФ); г) деяния, направленные на общественную нравственность (ст. ст. 243, 244 УК РФ); д) деяния, непосредственным объектом которых выступают основы конституционного строя и безопасности государства (ст. ст. 278, 279, 280, 282.1, 282.2 УК РФ) [9, с. 9].

В отличие от изложенных выше точек зрения, в основу анализируемой систематизации положен не мотив, а объект посягательства. Однако дискуссионным представляется выделение в качестве основных непосредственных объектов экстремистских деяний таких общественных отношений, как общественная нравственность

Выделение лишь только объекта посягательства не будет являться достаточным основанием для формирования системы преступлений экстремистской направленности.

Это были два наиболее распространенных подхода, существующих в уголовно-правовой доктрине, в целом имеющие существенное значение в области дальнейшего формирования законодательной концепции в области противодействия экстремизму.

Исследовав законодательные и доктринальные подходы к определению преступлений экстремистской на-

правленности, с учетом нашего видения, полагаем, что в основу систематизации указанных деяний должны быть положены два неразрывных между собой критериообразующих признака, в целом и представляющих содержание антиэкстремистской концепции, — это видовой объект и мотив посягательства.

Это и будет отражать непосредственную сущность современного экстремизма.

На основании вышеизложенного, предлагаемая нами система должна выглядеть следующим образом: 1) преступления, причиняющие вред общественным отношениям, обеспечивающим охрану общественной безопасности России (ст. ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207, 208, 212 УК РФ); 2) деяния, посягающие на общественные отношения, регулирующие нормальное функционирование конституционного строя Российской Федерации (ст. ст. 239, 277, 278, 279, 280, 280.1, 281, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ); 3) деяния, наносящие ущерб общественным отношениям, устанавливающим легитимные условия сохранения мира и безопасности человечества (ст. ст. 354.1, 357, 360 УК РФ).

Наряду с этим предлагаем изложить примечание 1 ст. 282.1 УК РФ в следующей редакции: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, предусмотренные ст. ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280.1, 281, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 354.1, 357, 360 УК РФ».

Вышеизложенные аргументы позволяют утверждать, что преступления, основанные лишь на мотивации политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо на мотивах ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В связи с тем, что их непосредственный объект не связан с общественной безопасностью, конституционным строем, а также и миром и безопасностью человечества, не могут признаваться преступлениями экстремистской направленности. Это дает нам основание для выделения самостоятельной группы деяний, основанной на наличии в действиях виновного отягчающего вину признака, указанного в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ. Полагаем, что к данной группе могут быть отнесены следующие преступления, содержащие в себе соответствующий признак: п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ; п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ; п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ; п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ; п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ; п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ; ч. 2 ст. 119 УК РФ; ч. 4 ст. 150 УК РФ; п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ. К ней следует отнести и другие деяния, не имеющие закрепления в статьях вышеуказанных отягчающих признаков, но совершенные по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Поэтому считаем вполне обоснованным и аргументированным выделение двух самостоятельных групп преступлений, образующих самостоятельные системы: 1) преступления экстремистской направленности; 2) деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или

вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

В доктрине уголовного права на сегодняшний день не существует единого подхода к определению понятия «преступления экстремистской направленности».

Основная часть ученых высказывает мнение, что к данным преступлениям могут относиться деяния, основанные на соответствующей экстремистской мотивации, что в целом соответствует положениям, закрепленным в примечании к ст. 282.1 УК РФ. Сергун Е. П. исключает необходимость закрепления в уголовном законе данного понятия. Но, вместе с этим, дефиниция, по его мнению, обязательно должна использоваться в науке российского уголовного права [10, с. 129]. Ученый считает, что при квалификации рассматриваемой группы преступлений достаточно лишь мотива, непосредственно указанного в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

С нашей точки зрения, анализируемый подход критичен по причине того, что преступления экстремистской направленности должны определяться не только с учетом особой мотивации преступного поведения, но также с учетом значимости нарушаемых при их совершении общественных отношений, что и предопределяет их самостоятельную разновидность, указывающую на особый вид и уровень общественной опасности.

Наличие принципиально отличающихся друг от друга проанализированных дефиниций, по нашему мнению, обусловлено тем, что, во-первых, экстремистские преступления — это сравнительно новая разновидность общественно опасных деяний, во-вторых, сказалось неоднозначное отношение ученых и практиков к проблеме законодательного решения о круге таких преступлений.

Таким образом, считаем вполне обоснованным и аргументированным выделение двух самостоятельных групп преступлений, образующих самостоятельные системы: 1) преступления экстремистской направленности; 2) деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Преступления экстремистской направленности — это деяния, направленные на подрыв общественной безопасности, конституционного строя и мира и безопасности человечества, основанные на политических, идеологических, расовых, национальных и религиозных мотивах, предусмотренные ст. ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280.1, 281, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 354.1, 357, 360 УК РФ. В связи с чем, на наш взгляд, необходимо в новой редакции сформулировать примечание 1 к ст. 282.1 УК РФ, следующего содержания: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, предусмотренные ст. ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280.1, 281, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 354.1, 357, 360 УК РФ».

На основании вышеизложенного, предлагаемая нами система должна выглядеть следующим образом: 1) преступления, причиняющие вред общественным отношениям, обеспечивающим охрану общественной безопасности России (ст. ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207, 208, 212 УК РФ); 2) деяния, посягающие на общественные отношения, регулирующие нормальное

функционирование конституционного строя Российской Федерации (ст. ст. 239, 277, 278, 279, 280, 280.1, 28.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ); 3) деяния, наносящие ущерб общественным отношениям, устанавливающим легитимные условия сохранения мира и безопасности человечества (ст. ст. 354.1, 357, 360 УК РФ).

Литература:

1. Бурковская, В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия / В.А. Бурковская: дис... д-ра юрид. наук. — М., 2006. — 394 с.
2. Павлинов, А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты / А.В. Павлинов: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2008. — 584 с.
3. Узденов, Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия / Р.М. Узденов: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 220 с.
4. Петрянин, А.В. Аргументация ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности / А.В. Петрянин // Юридическая техника: Ежегодник. № 7, часть 1 «Юридическая аргументация: теория, практика, техника». Сборник статей. — Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. — с. 270–275.
5. См.: Вайле С.П. Экстремизм в современной России: тенденции и перспективы / С.П. Вайле // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2015. — Вып. 1 (19). — с. 59–62; Кряжев В.С. Взгляд на проблему борьбы с терроризмом и экстремизмом с учетом современных реалий / В.С. Кряжев // Российский следователь. — 2016. — № 2. — с. 35–39 и др.
6. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности: приказ Генпрокуратуры РФ от 19 ноября 2009 г. № 362 / Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения 11 апреля 2017 г.).
7. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 1 февраля 2016 г. № 65/11/1 / Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения 05 мая 2017 г.).
8. См.: Безроков А.О. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовой анализ и вопросы систематизации / А.О. Безроков: дис... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2014. — 234 с.; Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности / С.В. Борисов, А.В. Жеребченко: монография / Отв. ред. С.В. Борисов. — М.: Юриспруденция, 2015. — 264 с.; Гриненко А.В. Понятие и классификация преступлений экстремистской направленности / А.В. Гриненко // Российская юстиция. — 2012. — № 3. — с. 32–34.
9. Фридинский, С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование) / С.Н. Фридинский: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2011. — 42 с.
10. Сергун, Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве / Е.П. Сергун: дис. ... канд. юрид. наук. — Тамбов, 2009. — 235 с.

Неприкосновенность жилища — конституционное право человека

Гулиницкая Татьяна Николаевна, магистрант
Тюменский государственный университет

Построение правового государства предполагает наличие фундаментальной и стабильной системы законодательства, которая должна способствовать обеспечению защиты прав и законных интересов человека и гражданина. При этом недопустимо противопоставление интересов общества, интересам отдельной личности, даже

если это оправдано мотивами государственной необходимости. Несмотря на постоянное совершенствование и реформирование уголовного законодательства, одной из актуальных проблем современной России остается соблюдение и реализация гарантий, прав и законных интересов лица — участников уголовно-процессуальных отношений,

закрепленных в Конституции РФ. Таковым является принцип неприкосновенности жилища.

12 декабря 1993 года была принята Конституция Российской Федерации, которая провозгласила, что высшей ценностью является человек, его права и свободы. При этом Конституция Российской Федерации установила, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Существенно, что права и свободы человека и гражданина должны признаваться и гарантироваться не только в соответствии с Основным законом России, но и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Поэтому отражение в российской Конституции названных положений, с одной стороны, служит подтверждением вхождения нашей страны в сообщество цивилизованных государств, а с другой стороны, призвано стимулировать законотворчество по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, в том числе такого, как право на неприкосновенность жилища.

В важнейших международно-правовых актах — Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Конвенции Совета Европы «О защите прав человека и основных свобод» 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт о социально-экономических правах 1966 г., а также Конвенции Содружества Независимых Государств о правах человека 1995 г. — право на неприкосновенность жилища выделено особо.

Вступление Российской Федерации в Совет Европы налагает дополнительные обязательства по соблюдению европейских конвенций о защите личных прав и свобод граждан, включая право на неприкосновенность жилища.

Общепризнанно, что само по себе провозглашение идеи о приоритете прав человека мало что значит без надежного обеспечения, правовыми средствами. Методы различных отраслей права, в том числе уголовного права используются для защиты прав, свобод и законных интересов личности. В полной мере это относится и к такому личному естественному праву человека, каковым является право на неприкосновенность жилища, относящееся по своему содержанию к социально-экономическим правам, гарантирующим гражданину независимость и свободу. Данное право, как известно, закреплено в ст. 25 Конституции РФ, провозглашающей, что «никто не имеет права без законного основания войти в жилище против воли проживающих в нем лиц».

С учетом конституционного положения о неприкосновенности жилища в уголовном законодательстве за нарушение неприкосновенности жилища граждан предусматривается ответственность по ст. 139 УК РФ.

Непосредственным объектом состава ст. 139 УК РФ являются общественные отношения, охраняющие конституционное право граждан на неприкосновенность жилища. Данное право закреплено в ст. 25 Конституции РФ: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в

случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения».

Право на неприкосновенность жилища является важным правом человека и гражданина. Оно предполагает такое состояние жизнедеятельности человека, при котором в определенное пространство его личной жизни никто не имеет права проникать. Неприкосновенность жилища предполагает такое жизненное пространство, которое исключает нежелательное присутствие в нем посторонних лиц. Объективная сторона преступления состоит в незаконном проникновении в жилище. Незаконность проникновения предполагает следующие условия: 1) проникновение производится вопреки воле лиц, проживающих в жилище; 2) случай проникновения не предусмотрен федеральным законом; 3) проникновение производится при отсутствии судебного решения. Право на неприкосновенность в жилище ограничено рядом федеральных законов. Например, право на проникновение в жилище предоставляют ст. 12, 165, 182, 183 УПК РФ, ст. 38, 39 УК РФ, ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», ст. 25 Федерального закона от 22 августа 1995 г. № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателя», ст. 12 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах».

Под проникновением в жилище следует понимать вторжение в него. Оно может совершаться как тайно, так и открыто, с преодолением препятствий или сопротивлением людей, так и беспрепятственно. Проникновение возможно и без вхождения в него. Например, проникновение может осуществляться с помощью различных приспособлений. Преступление считается оконченным с момента незаконного проникновения в жилище. Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает, что проникает в жилище незаконно, нарушает конституционное право граждан и желает этого. Субъектом преступления может быть любое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. В ч. 2 ст. 139 предусмотрен квалифицирующий признак — нарушение неприкосновенности жилища, совершенное с применением насилия или угрозы его применения. Понятие насилия закон не конкретизирует. Такой прием часто используется при конструировании составов. В таких случаях вопрос о совокупности преступлений решается на основе сопоставления тяжести преступлений. Сопоставление показывает, что в содержание квалифицирующего признака включаются умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), побои и иные насильственные действия (ст. 116 УК РФ). Если насилие сопровождалось причинением умышленного вреда здоровью средней тяжести или тяжкого вреда здоровью или убийства, то содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений. Под угрозой применения насилия следует понимать психическое воздействие, свидетельствующее о реальном намерении нанести побои, телесные повреждения, убить. Дополнительным объектом данного квалифициру-

ющего признака являются общественные отношения, охраняющие неприкосновенность личности, ее здоровье и личную свободу. В ч. 3 ст. 139 предусмотрен особо квалифицирующий признак — совершение описанного в законе деяния лицом с использованием своего служебного положения. Данный признак предполагает наличие специального субъекта-служащего. Можно выделить следующие случаи использования лицом своего служебного положения: 1. Проникновение в жилище совершается лицом, которое не имеет на то полномочия. 2. Проникновение в жилище совершается хотя и лицом, которое имеет на то полномочия, но без законных к тому оснований.

В примечании к ст. 139 дается понятие жилища. Понятие является универсальным и распространяется на другие статьи закона, где оно употребляется. Согласно примечанию под жилищем «понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания».

Для раскрытия содержания права на неприкосновенность жилища принципиальное значение имеет правильное понимание термина «неприкосновенность». В

буквальном смысле он означает «нельзя трогать, или охраняемый в целом от всякого посягательства, от кого-нибудь, в нетронutom виде, защищенный от всяких посягательств, от кого-либо».

Именно этот смысл лежит и в основе понятия «неприкосновенность жилища». «Конституционный термин «неприкосновенность» (личности, жилища), — пишет Ф. М. Рудинский, — наполнен глубоким гуманистическим содержанием и выражает недопустимость неправомерного ущемления личного права человека».

В этом смысле неприкосновенность жилища есть определенное социальное благо. Оно заключается в наличии условий для уединения, пребывания в кругу семьи и близких людей, восстановления физических и духовных сил и т. д.

Сущность неприкосновенности жилища в конечном счете заключается в свободе человека от любого незаконного, необоснованного проникновения в обитаемое жилое помещение, которое он постоянно или временно на законных основаниях занимает.

С учетом того, что неприкосновенность жилища выступает конкретной формой индивидуальной свободы личности, можно утверждать, что это право относится к личным конституционным правам и свободам и обеспечивает индивидуальную личную свободу.

Литература:

1. Бархатова, Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Е. Ю. Бархатова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2015. — 272 с.
2. Малахова, В. Ю. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности жилища в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В. Ю. Малахова. — М., 2001. — 161 с.
3. Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. доктора юридических наук, профессора Л. В. Иногамовой-Хегай, доктора юридических наук, профессора А. И. Рарога, доктора юридических наук, профессора А. И. Чучаева. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. — 800 с.
4. Внуков, Н. А. Соотношение понятий «жилище» и «жилые помещения» в конституционном и жилищном праве / Н. А. Внуков, О. Е. Алексикова // Гражданское право. — 2009. — № 3. — с. 15–17.

Общественное значение науки финансового права

Давыдова Диана Руслановна, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

Окружающий мир — это в значительной мере созданный человеком мир информационных технологий, техники и научных достижений, который определяет уровень цивилизации человечества. XXI век — эпоха науки, ее стремительного движения вперед и влияния на социальное развитие.

Как известно, наука рассматривается в нескольких аспектах. Во-первых, наука — это динамичная система достоверных, наиболее существенных знаний об объек-

тивных законах развития природы, общества и государства. Знания являются продуктом науки и в то же время ее материалом, который вновь включается в научную деятельность для получения и обработки новых знаний.

Научные знания отличаются от обыкновенных последовательностью, систематичностью, а также тем, что они вытекают в новые понятия, законы и теории. Научные знания не только раскрывают и обосновывают новые явления в природе, обществе или экономике, но и позволяют

усовершенствовать человеческую деятельность, предвидеть ее результаты и последствия.

Наука — не только система научных знаний, которые объясняют окружающую действительность, но и средство её измерения и преобразования. Она влияет на познание природы, общества и государства человеком не через эмоциональное восприятие, а путем систематизированной логической взаимосвязи и плотного взаимодействия интеллекта, природы и общества.

Во-вторых, наука представляет собой особо организованную профессиональную деятельность людей. Как отрасль человеческой деятельности, наука является сложным социальным институтом, который сформировался в процессе разделения труда, постепенного разделения умственного труда и физического, преобразования познавательной деятельности в специфический вид занятий отдельных лиц, коллективов и учреждений [1].

Значение науки было велико во все времена. Например, первыми материализованными продуктами научной деятельности были еще в древнем мире. Первые древние письмена, первые переписки между исследователями, которые, спустя века, переросли во второй половине XVII века в научные журналы. Но окончательное становление науки как сферы деятельности произошло тогда, когда начали создаваться специализированные научные учреждения, часть из которых финансировало государство [2].

Финансы — всепроникающая в социально-экономическую и политическую жизнь страны категория, в той или иной мере она находит свое отражение в ней и воздействует на нее, а также сигнализирует о ее состоянии. В этом плане финансы можно сравнить с воздухом в земном мире.

По своему материальному выражению финансы представляют собой денежные фонды государства, его территориальных подразделений, а также предприятий, организаций, используемых для потребностей общества. Точнее, **это финансовые ресурсы страны**. Однако такой характеристики недостаточной. Рассмотрение **финансов как экономической категории** требует уяснения сущности отношений, возникающих при ее функционировании.

При таком подходе — это экономические отношения по созданию, распределению и использованию фондов денежных средств государства, его территориальных подразделений, а также предприятий и организаций, необходимых для обеспечения расширенного воспроизводства и социальных нужд, в процессе которых происходит распределение и перераспределение общественного продукта и контроль за удовлетворением потребностей общества.

Общественное значение науки, в том числе науки финансового права, раскрывается в ее функциях. Познавательная функция науки отражает огромное стремление человеческого разума к познанию и оправдывает само существование человека на земле. Познавательная функция науки — это проявление наиболее существенных знаний

о законах развития природы, общества и мышления и их взаимосвязь.

Критическая функция науки проявляется в оценке познанных закономерностей, свойств, тенденций с целью усиления положительных сторон явлений, процессов и устранения негативных.

Практическая функция заключается в совершенствовании окружающего мира, особенно системы материального производства и общественных отношений.

Можно назвать три функции, выполняемые наукой финансового права по отношению к действующему финансовому закону: аналитическую, критическую, конструктивную. Аналитическая функция состоит в комментировании, классификации финансово-правовых норм, в приведении всех этих норм в стройную понятную систему.

Критическая функция заключается в выявлении недочетов в действующем финансовом законодательстве, фиксации несоответствия правовой нормы требованиям жизни.

Конструктивная функция способствует образованию новых финансово-правовых норм и институтов. По словам О. С. Иоффе данная функция предшествует изданию нового закона и используется в процессе нормотворческой деятельности государства [3]. Анализ действующих финансово-правовых норм и практики их применения позволяет науке финансового права выполнять активную роль в совершенствовании финансового законодательства.

В современном постиндустриальном обществе наука, знания информация занимают особое место и имеют огромное значение. Современное общество требует новых научных исследований в сфере финансов и финансовой деятельности, переосмысления прежних целевых установок науки и поиска их новых вариантов. Достичь целей, поставленных постиндустриальным обществом, наука финансового права может путем решения следующих задач.

Первой задачей является пересмотр советской науки финансового права, базирующейся на партийности и превращение ее в российскую науку на основе развития рыночных отношений, демократии, гражданского общества и правового государства. Такая постановка вопроса вызвана тем, что необходимо сохранить интеллектуальный потенциал прежней финансово-правовой теории и направить его на иную мировоззренческую основу при новых подходах к формам собственности, финансовой системе, экономическим потребностям рыночного механизма, финансовому федерализму и т. д., и т. п.

Новое осмысление и создание правового механизма для российских финансов и финансовой деятельности, функционирующих в условиях рыночной экономики. Это, прежде всего, обоснование новых подходов к правовому обеспечению отрасли финансового права, освобождение от старых догм, реабилитация финансово-правовых теорий конца девятнадцатого начала двадцатого столетия и осмысление их применительно к современным условиям.

Новые теории в финансовом праве назрели для предмета и системы отрасли финансового права, для новых

подходов к институту эмиссионной деятельности государства и местного самоуправления, а также для кодификационной работы в сфере финансового законодательства.

Общественное значение науки финансового права проявляется в том, что наука исследует и разрабатывает вопросы становления и развития финансово-правовой ответственности, определения ее места в системе государственного финансового принуждения, а также проблемы финансового процесса и финансовой юрисдикции.

Немаловажное значение имеют новые подходы к согласованному развитию правовых и финансово-экономических исследований, обогащение взаимным научным опытом и нахождение общих целей [4]. Это касается теории управления финансами, финансового контроля, бюджетно-налоговых отношений и других финансовых институтов.

Финансово-правовая наука оказывает влияние на общество путем внедрения в его традиционные устои положительного зарубежного опыта. Этот вопрос стал как никогда доступен и требует серьезного изучения и переосмысления, поскольку зарубежный опыт правового регулирования финансовой деятельности развитых рыночных государств немаловажен и для отечественной науки. Зарубежный опыт подвергается научному осмыслению и оценке его возможности для использования в российской законодательной практике и правовой теории с учетом традиций, обычаев и иных, в том числе экономико-политических условий нашей страны [5].

Развитие науки финансового права невозможно без соответствующего организационно-правового обеспечения и создания материально-технических условий. Такими предпосылками, по справедливому замечанию К. С. Бельского [6], являются создание специальных ка-

федр финансового права, обеспечение контактов с зарубежными учеными, перевод иностранной литературы и зарубежного законодательства по финансовому праву на русский язык.

Общественное значение науки финансового права проявляется еще в том, что наука формирует научные законы. Научные законы — это утверждения (с использованием принципов, понятий и категорий), которые отражают необходимые, существенные, устойчивые и повторяющиеся объективные явления и связи в общественных отношениях, в финансово-правовых отношениях. Законы науки финансового права носят объективный характер, существуют независимо от воли и сознания людей. Познание научных законов и законов финансового права — задача науки, которая становится основой преобразования профессиональными учеными и практиками уже существующей финансово-правовой действительности.

Научная теория — высшая степень обобщения и систематизации знаний. Под теорией понимают систему основных идей, положений, законов в той или иной области знаний, которая дает целостное представление о закономерностях и классификацию. Так, в науке финансового права существует множество научных теорий.

Таким образом, наука финансового права, как и любая современная наука, имеет огромное общественное значение. Финансово-правовая наука вычленяет и интегрирует финансово-правовые законы, разрабатывает новую финансовую теорию на постсоветском пространстве, ориентируясь на новое постиндустриальное общество с учетом традиций и обычаев России, внедряет в отечественную финансово-правовую действительность зарубежный опыт, что положительно сказывается на финансово-правовых отношениях и институтах.

Литература:

1. Финансовое право: учеб. для бакалавров / отв. ред. Е. М. Ашмарина. — М.: Юрайт, 2013
2. Финансовое право России: учеб. пособие для бакалавров / отв. ред. М. В. Карасева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2011.
3. Янжул, И. И. Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах. М.: Статут, 2002.
4. Грачева, Е. Ю., Соколова Э. Д. Финансовое право: Учебное пособие. М.: Юриспруденция, 2000.
5. Петрова, Г. В. Международное финансовое право. Учебник для магистров. — М.: Издательство Юрайт, 2011.
6. Бельский, К. С. Финансовое право. М.: Юрист, 1995.

Проблемы проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля с применением видеозаписи или кино съемки

Дегтярев Сергей Михайлович, магистрант
Тюменский государственный университет

Развитие гражданского общества и нашего государства не стоит на месте. А каждое гражданское общество должно функционировать, руководствуясь действующим законодательством, которое, в свою очередь, должно отвечать требованиям современного общества и соответствовать действующей обстановке в государстве на тот или иной период.

Именно поэтому законодательство не стоит на месте и развивается наряду с обществом, создавая новые законодательные нормы, нормативно — правовые акты, отменяя или редактируя старые.

Не стало исключением и уголовно — правовое законодательство. Бесспорно можно заявить о том, что оно, как никакое другое законодательство требует особого внимания со стороны законодателя, что обуславливается его императивностью, а также значительным ограничением прав и свобод человека и гражданина, ставшего субъектом уголовно — процессуального отношения (особенно, если речь идет о подозреваемых, обвиняемых или подсудимых).

В данной статье хотелось бы остановиться на относительно новом изменении уголовно-процессуального законодательства, которое касается проведения некоторые следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Конкретно речь пойдет о таких следственных действиях с участием вышеуказанных лиц, как допрос, опознание, проверка показаний на месте, очная ставка с применением видеозаписи или кино съемки.

Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», вносит существенные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, которые, в том числе, коснулись рассматриваемой в статье темы.

Вышеуказанным федеральным законом введена новая норма для статьи 191 Уголовно — процессуального кодекса под номером 5 следующего содержания: «Применение видеозаписи или кино съемки обязательно в ходе следственных действий, предусмотренных настоящей главой, с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает. Материалы видеозаписи или кино съемки хранятся при уголовном деле» [2].

Анализируя данное изменение в полной мере, необходимо пронаблюдать действие данной нормы и последствия ее действия на всех стадиях уголовного судопроиз-

водство. И федеральным законом, о котором говорилось ранее, была также изменена статья 281 Уголовно — процессуального кодекса Российской Федерации, которая была дополнена частью 6, которая гласит: «Оглашение показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и видеозаписи, кино съемки допросов осуществляются в отсутствие несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля без проведения допроса. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд выносит мотивированное решение о необходимости допросить несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля повторно» [2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодатель, обязывает должностных лиц органов предварительного расследования применять кино съемку или видеозапись при проведении допроса, очной ставки, проверки показаний на месте и опознания с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. При этом тот же законодатель усматривает целью такой обязанности — возможность проведения судебного разбирательства без участия несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, при этом не ущемляя доказательственную базу по тому или иному уголовному делу.

По нашему субъективному мнению, тем самым законодатель хотел ограничить несовершеннолетних потерпевших и свидетелей от психологического травмирования. Поскольку любое преступление является отклонением от общепринятых норм в обществе (особенно, если речь идет о тяжких и об особо тяжких преступлениях, в том числе преступлениях против половой свободы и неприкосновенности), свидетелю, ставшему, например, очевидцем преступления, и тем более потерпевшему, при проведении тех или иных следственных действий, приходится воспроизводить картину преступления в своей памяти, испытывая при этом психологические переживания, так как для нормального вменяемого человека, совершение преступления на его глазах, а также в отношении него, послужит причиной такого переживания. В этой связи, можно сразу же перенести эти умозаключения в отношении несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, и вывод напрашивается сам: ввиду неокрепшей психики несовершеннолетнего, становления личности, и в целом всей совокупности особенностей его организма, преступление окажет пагубное воздействие на формиро-

вание его психического состояния и безусловно оставит след в его развитии. Поэтому предоставление возможности законодателем исключения участия несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего в судебном заседании без ущерба для достижения истины по уголовному делу, безусловно является прогрессивным изменением уголовно — процессуального законодательства.

Наряду с этим, в очередной раз, правоприменительная практика пошла по пути наименьшего сопротивления.

Анализ правоприменительной практики, в частности реальных уголовных дел, показал, что большая часть правоприменителей даже не задумывалась о действительной цели данного нововведения, поскольку для него (правоприменителя) проведение следственных действий с использованием видеозаписи или киносъемки, накладывает очень большой пласт обязанностей, заставляет вести себя определенным образом, не позволяя ему ни малейшего отступления от формализма следственного действия. Безусловно, и в этом, законодатель очень правильно поступил себя, поскольку далеко не всегда правоприменитель соблюдает установленную законом форму проведения следственных действий.

Однако тот же законодатель оставил для правоприменителя возможность для злоупотребления формулировкой в части 5 статьи 191 Уголовно — процессуального кодекса Российской Федерации «...за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает». Именно это, по нашему мнению, является большим изъяном нововведенной нормы, и перечеркивает весь ее высокий замысел, поскольку на практике, правоприменитель, в прямом смысле, уговаривает законных представителей написать заявление об отказе от применения киносъемки или видеозаписи, аргументируя это увеличением времени проведения следственного действия, сложности его проведения и т. д. Таким образом, почти в каждом уголовном деле (за редким исключением), приходится наблюдать картину следующего рода: перед протоколом допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего имеется заявление законного представителя об отказе от проведения видеозаписи или киносъемки.

Рассматриваемые изменения были внесены в декабре 2013 года и к настоящему времени уже в полной мере продемонстрировали свои изъяны, проявившиеся на практике, в связи с чем, они требуют глубокого и кропотливого переосмысления со стороны законодателя.

Как отмечалось нами ранее, преступление оставляет след на психике несовершеннолетнего лица. Но на

ряду с этим, на наш взгляд, не все преступления могут вызвать психологическое потрясение для несовершеннолетнего. Так, например, часть 1 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, кража — то есть тайное хищение имущества, предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет, и является преступлением небольшой тяжести, а также не обладает высокой степенью общественной опасности. И такие примеры носят не единичный характер. Сюда же можно отнести и статью 158.1, часть 1 статьи 167 и др.

Вместе с тем, преступления тяжкие и особо тяжкие, такие как убийство (статья 105 Уголовного кодекса Российской Федерации), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (часть 4 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации), преступления против половой свободы и неприкосновенности, явно выбивающиеся из нормального жизненного уклада законопослушного человека, будут создавать психологическую травму и эмоциональные потрясения для несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего.

Таким образом, мы приходим к следующему выводу: внесение рассмотренных норм в уголовно — процессуальное законодательство носит очень позитивный характер, преследуя прогрессивные цели на пути к развитию гражданского общества, однако, правоприменительная практика заставляет вновь пересмотреть данные нормы и подвергнуть их значительному изменению.

Так, на наш взгляд, необходимо отменить требование применения видеозаписи и киносъемки при допросе, опознании, очной ставке, проверке показаний на месте с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести, за исключением преступлений против половой свободы и личной неприкосновенности, а также преступлений, последствием которых явилась смерть человека.

Наряду с этим, обязать должностных лиц предварительного расследования обязательно применять киносъемку или видеозапись при допросе, опознании, очной ставке, проверке показаний на месте с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, а также всех преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности. Поскольку именно эти преступления, являются наиболее тяжелыми для восприятия человека и для его психики.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 — ФЗ.: по сост. на 10 ноября 2017 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — с. 4921.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: федеральный закон от 28.12.2013 N 432-ФЗ: по сост. на 10 ноября 2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации — 2013. N 52 (часть I) — ст. 6997

Коррупция в статистике современной России

Корниленко Юлианна Александровна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Коррупция, как социально-правовое явление, включает в себя все области социальных взаимоотношений между обществом и государством. Данное явление крайне отрицательным образом сказывается на существующей системе государственно — властных отношений, так как помимо правовых, она затрагивает целый ряд других проблем: психологических, культурных, межличностных, и, как следствие, вызывает трудности в выработке каких-либо конкретных мер борьбы с ней.

Коррупция, в соответствии с Федеральным законом «О противодействии коррупции», является «злоупотреблением служебным положением, дачей взятки, получением взятки, злоупотреблением полномочиями, коммерческим подкупом либо иным незаконным использованием физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества <...>, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц <...>, а также совершение данных деяний от имени или в интересах юридического лица». [1, ст. 1]

По нашему мнению, коррупционная деятельность способствует необоснованному увеличению объема прав и свобод одних лиц перед другими. В результате данной деятельности происходит несправедливое распределение материальных и иных ценностей, которые сосредотачиваются в руках небольшой группы людей, провоцируя остальные слои населения на социальные возмущения. Таким образом, грубо нарушается принцип равенства всех перед законом, гарантируемый Конституцией РФ, и образуется «дискриминация», которая способствует недоверию граждан, как к самому государству, так и к государственным и муниципальным служащим.

По мнению Председателя Конституционного Суда Российской Федерации Зорькина В. Д.: «коррупция, как система подкупа должностных лиц, нарушает основные конституционные права и свободы человека и гражданина. Например, принципы равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции), свободы и личной неприкосновенности граждан (ст. 22), неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, защиты своей чести и доброго имени (ст. 23), свободного передвижения, выбора места пребывания и места жительства (ст. 27), права частной собственности (ст. 35 и 36), на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), на образование (ст. 43) и так далее. То есть речь идет о нарушении самых насущных прав граждан». [2]

Сегодня на пути к реализации задачи по противодействию коррупции был принят ряд нормативно-правовых актов в данной сфере: Федеральный закон «О противодействии коррупции» N 273-ФЗ, Федеральный

закон N 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» N 115-ФЗ и др. Административно-правовой механизм противодействия коррупции также закреплен в Кодексе об административных правонарушениях РФ в ст. 19.28 «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица».

Таким образом, коррупция в современной России — это не некое абстрактное правонарушение, а глубоко укорененная и тотально детерминированная система взаимоотношений общества, власти и государства, обусловленная не только и не столько моральным разложением представителей власти и бизнеса, сколько несовершенством существующих систем обеспечения функционирования всех государственных механизмов.

Несмотря на то что уровень раскрытых дел о взяточничестве и подкупе не отражает всей картины коррупционной деятельности в Российской Федерации, он тем не менее показателен в аспекте численных соотношений развита коррупции.

Неправительственная международная организация по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру Трансперенси Интернешнл (Transparency International) начала рассчитывать Индекс восприятия коррупции для России с 1996 года. В 1996 году индекс рассчитывался для 54 стран, для России его значение составило 2,6 балла (46—47 места). В 2015 году Россия заняла 119-е место, набрав 29 баллов. В 2016 году Россия заняла 131-е из 176 мест в Индексе восприятия коррупции. [3]

Главным ведомством по выявлению, сбору и регистрации информации о коррупционных проявлениях в России выступает Министерство внутренних дел Российской Федерации. До 2012 г. статистика МВД информировала только о взяточничестве, а с 2012 г. добавился показатель о преступлениях коррупционной направленности в несколько десятков их составов.

По данным статистики МВД России с января по сентябрь 2017 года выявлено 18969 преступлений коррупционной направленности, из которых 5596 совершены в крупном и особо крупном размерах, что на 13,6% больше, чем на 2016 год. [4, с. 26]

Согласно этой же статистике с января по сентябрь 2017 года МВД было выявлено 5298 преступлений, связанных со взяточничеством (1287 — в крупном или особо крупном размерах), из которых 2730 — получение взятки, 1900 — дача взятки и 668 — посредничество во взяточничестве. [4, с. 12]

В соответствии с показателями Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2015 году 91,1% осуждённых за преступления коррупционной направленности (по количеству составов преступлений) осуждены за дачу или получение взяток до 50 тысяч рублей., 7,6% составляют дела с взятками от 50 тыс. до 1 млн руб. И только в 1,3% дел взятки превысили 1 млн руб. [5]

Если суммировать эти данные с данными о среднем размере взяток (145,4 тыс. руб. по данным МВД), можно сделать вывод, что главный фокус работы правоохранительных органов бытовая коррупция, а это не тот уровень коррупции, от которого исходит наибольшая угроза.

Нужно также учесть, что, по статистике Генеральной прокуратуры, в период с декабря 2009 года — по настоящее время в Российской Федерации всего зарегистрировано преступлений коррупционной направленности в количестве 89849. [6]

По статистическим данным Генеральной прокуратуры в январе — июне 2016 года было выявлено 21359 преступлений в сфере коррупции. Из них количество выявленных преступлений по ст. 290 УК РФ (получение взятки) увеличилось на 19,7% (с 3884 до 5027); предусмотренных ст. 291 УК РФ (дача взятки), — на 4,4% (с 4000 до 4176). [6]

Согласно данным портала правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ, с января по октябрь 2016 года в России было зарегистрировано 5570 случаев получения взяток. Лидером в этой области стала Москва (249 таких преступлений). Второе место занимает Краснодарский край (216 случаев), третье — Забайкальский край (207).

В Оренбургской области на сентябрь 2017 года выявлено 989 преступления коррупционной направленности, что на 28,78% больше, чем в 2016 году (976), но нужно учитывать, что это состояние цифр на сентябрь 2017 года, то есть отчетный год еще не завершен.

Также следует отметить, что Оренбургская область находится на 25 месте среди 85 возможных (по состоянию на январь-сентябрь 2017 года), что является неутешительным результатом. Однако на 1 месте находится г. Москва с показателем 8626 выявленных преступлений коррупционной направленности, на втором месте Краснодарский край с показателем 3653, и на третьем Московская область с показателем 3436. [6]

По данным независимого годового доклада Всероссийской антикоррупционной общественной приёмной «Чистые руки» на период с 01.09.2015 г. — 31.08.2016 г. общее количество обращений составляет 9125.

Литература:

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ
2. (ред. от 29.07.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.11.2017).
3. В. Зорькин. «С чиновников снимут порчу» // Российская газета. Федеральный выпуск № 3418(0). URL: <https://rg.ru/2004/03/02/zorkin.html> (дата обращения: 15.11.2017).

Средний размер взятки в России на душу населения составляет на данный отчетный период 809158 рублей, 12500 долларов США. Для сравнения, за прошлый отчетный период средний размер взятки составлял 613718 рублей. То есть, произошел рост среднего размера взятки на 25%. [7, с. 18–19]

Таким образом, можно считать обоснованной оценку уровня коррупции в современной России как недопустимо высокого и угрожающего национальной безопасности России.

Коррупция также создает угрозу перспективам развития правового государства и общества, то есть основанных на верховенстве закона, прав и свобод человека и гражданина. Она в большей мере проявляет себя на стадии правоприменения (на стадии применения нормы права к конкретному обстоятельству посредством принятия акта императивного характера), в меньшей степени коррупция имеет место на уровне нормотворчества. В связи с этим был Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 N 172-ФЗ.

Данный механизм противодействия коррупции начал активно действовать на территории России, но небольшие показатели этих экспертиз наталкивают на мысли о том, что-либо нормативные правовые акты и их проекты действительно не содержат коррупциогенных факторов, либо данные экспертизы проводятся не тщательно и не по всем критериям, определенных законодательством. Так, по данным МВД РФ с 1 января по 30 июня 2017 года среди 63 нормативных правовых актов и 86 проектов нормативных правовых актов, в отношении которых проведена антикоррупционная экспертиза, выявлен и устранен всего 1 коррупциогенный фактор.

На законодательном уровне признано, что в России коррупция стала системной проблемой, решение которой требует такого же системного подхода. Вопрос эффективного предотвращения и противодействия коррупции остается одним из важных, который пытается решить современное российское государство.

По нашему мнению, цель борьбы с коррупционной преступностью в Российской Федерации состоит не в том, чтобы искоренить ее, а в том, чтобы добиться минимально возможного уровня коррупционной преступности при существующих параметрах данной общественно-государственной реальности. И именно в этом случае коррупция перестанет быть угрозой национальной безопасности Российской Федерации.

4. Официальный сайт Трансперенси Интернешнл Россия (Transparency International). // URL: <http://transparency.org.ru/research/v-rossii/> (дата обращения: 15.11.2017).
5. Доклад «Состояние преступности в России за январь — сентябрь 2017 года» ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел РФ. — М. — 2017.
6. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. // URL: <http://www.sdep.ru/corruption> (дата обращения: 14.11.2017).
7. Официальный сайт Правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. // URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 14.11.2017).
8. Независимый годовой доклад Всероссийской антикоррупционной общественной приемной «Чистые руки». Коррупция в России. — М. — 2016. — с. 18–19.

Судебная система как один из источников формирования института медиации

Курбатова Ирина Михайловна, магистрант
Астраханский государственный университет

Крешению о легитимизации института медиации, с целью придания импульса интеграции и развитию его как одного из наиболее демократичных, гуманистических инструментов урегулирования споров и доступа к справедливости, отвечающего вызовам и требованиям современного социально-экономического развития, Россия продвигалась поступательно на протяжении последних нескольких лет.

Сегодня термин «медиация» становится все более популярным и узнаваемым. В современном общеупотребительном понимании медиация — это разновидность примирительной процедуры. Само слово произошло от латинского «mediare» — посредничать, занимать середину между двумя точками зрения либо сторонами, предлагать средний путь, держаться нейтрально, беспристрастно. Отсюда особенность медиации — она осуществляется с помощью нейтрального, беспристрастного третьего лица — медиатора или посредника. Это лицо, которое избирается участниками конфликта, они доверяют посреднику урегулирование своего спора. Сущность деятельности медиатора и самой процедуры медиации состоит в том, что посредник оказывает сторонам содействие в достижении соглашения по спору, в примирении на основе определенной техники ведения переговоров, навыков и знаний.

Значимость применения несудебных способов защиты нарушенных прав подчеркивал в своем выступлении на IX Всероссийском съезде судей В. В. Путин, отмечая необходимость всемерного развития методов, широко зарекомендовавших себя в мире, таких как: альтернативные способы разрешения конфликтов с помощью третьей стороны, разбирательства, досудебного и судебного урегулирования споров посредством переговоров, обращения к посредникам, заключения мировых соглашений [6, с. 43].

Признание российским государством приоритета прав и свобод человека и гражданина обусловило принципиально новые подходы к пониманию и способам реализации конституционного принципа государственной (судебной) защиты. В правовых системах государств всего

мира прослеживается четкая тенденция, направленная на упрощение и облегчения доступа к правосудию.

В России все же есть потенциал для развития медиации, однако для ее эффективного функционирования совершенно недостаточно принятого Закона. Внедрение медиации в нашей стране должно поддерживаться дополнительными экономическими, правовыми и организационными мерами.

Судебная система функционирует в условиях реализации реформ в сфере гражданского, процессуального законодательства, проведена реформа самой судебной системы. Данные изменения продиктованы запросом времени и необходимы для поддержания и совершенствования правосудия, в том числе в части сроков судопроизводства, эффективности исполнения судебных актов и др. В целом нагрузка на судебную систему РФ, на одного судью, а также нагрузка на систему принудительного исполнения судебных решений сохраняется на высоком уровне или растет, однако этот рост не является пропорциональным для разных судов и различается по видам рассматриваемых дел. Можно констатировать, что рекомендуемые нормы нагрузки на судей в настоящее время превышены в несколько раз.

В Российской Федерации назрела настоятельная потребность в создании новых и развитии имеющихся механизмов, способных разгрузить судебную систему, а также способных повысить эффективность отправляемого правосудия [7, с. 113].

До настоящего времени, как свидетельствует проведенные исследования, медиативная практика в России развита достаточно слабо, неравномерно и часто фрагментарно. Сегодня все еще подавляющее большинство российских граждан до сих пор видят в суде единственный способ разрешения любых противоречий, прежде всего из-за отсутствия доступа к информации о медиации.

В условиях имеющихся сложностей и вызовов, перед которыми стоит судебная система, именно суд может и

должен стать основным проводником формирования культуры мирного урегулирования споров. Преодолеть проблему низкой информированности граждан о медиации возможно путем распространения информации и просвещения о возможности досудебного урегулирования с помощью медиации, опираясь на обязанность судей содействовать примирению сторон, попытаться урегулировать спор с помощью медиации — в соответствии с действующим процессуальным законодательством на суд возложена обязанность по принятию мер для примирения сторон спора.

При этом возможность суда разъяснить право на урегулирование спора с помощью медиации, предлагать или направлять на процедуру медиации, информирование о сути процедуры, а также использование судьями знаний о медиации и навыков медиации являются одними из наиболее действенных инструментов содействия примирению сторон [7, с. 114].

Мировой опыт показывает, что судебная система играет ключевую роль в вопросах распространения и популяризации медиации. Предложение или направление суда на процедуру медиации, разъяснение сторонам сути данной процедуры, позволяет решать сразу несколько задач. С одной стороны, информируя стороны о праве обратиться к процедуре медиации, и разъясняя ее суть, особенности и преимущества, суд выполняет информационно-просветительскую функцию, которая сама по себе является важной социальной миссией судьи и судебной системы в целом, как наиболее авторитетного института государственной власти, являющегося гарантом правосудия и справедливости.

С другой стороны, в случае предложения провести процедуру медиации или направления/предписания суда на медиацию, стороны спора более склонны обратиться к данной процедуре в силу уважения к суду, опасения понести негативные процессуальные последствия. Одновременно с этим частично решается задача по стимулированию сторон к обращению к процедуре медиации в случае, когда они потенциально заинтересованы разрешить спор без судебного вмешательства, но по субъективным причинам не инициируют данный процесс самостоятельно.

Судебная система, предоставляющая гражданам наряду с судебным способом защиты прав возможность выбора медиации и иных способов урегулирования, тем самым предоставляет заявителям возможность осознанного выбора способа урегулирования спора и защиты своих прав, наиболее адекватного и подходящего конкретной ситуации.

Медиация содействует обеспечению такого фундаментального права человека, как право на доступ к справедливости, так как процедура начинается только по воле

сторон и строится, исходя из их потребностей (то есть обеспечивается справедливая процедура), а все решения по ее итогам принимаются только в случае, когда стороны сочтут результат справедливым и исполнимым (справедливое решение).

Имеющийся отечественный опыт интеграции медиации и медиативных навыков в деятельность судов, на примере регионов, где проводились соответствующие правовые эксперименты, показывает, что у обученных судей растет число обращений сторон к медиации, а также значительно возрастает процент дел, прекращенных из-за примирения сторон, по отношению к общему числу рассмотренных; увеличивается число дел, завершившихся заключением сторонами мирового соглашения, отказа истца от иска либо признания иска ответчиком. При этом владение навыками медиации позволяет более эффективно содействовать примирению сторон и тем самым снижает трудозатраты судьи [5, с. 152].

Обращение к процедуре медиации наиболее вероятно после компетентного разъяснения суда о существовании такой возможности, а не только формального предложения сторонам попытаться примириться или прибегнуть к процедуре медиации для урегулирования спора, что в соответствии с законодательством является обязанностью суда (п. 5 ч. 1 ГПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 135 АПК РФ).

Чтобы квалифицированно разъяснить сторонам право на применение процедуры медиации, предложить провести или направить на процедуру медиации, применить знания о медиации и навыки медиации для содействия примирению сторон в суде и при этом соблюсти нормы процессуального законодательства и законодательства о судах и о статусе судей, судьи должны пройти специальную подготовку, так как проблема информированности о медиации, ее сущности, принципах проведения актуальна и для судебной среды. Кроме того, для обеспечения эффективного, качественного, компетентного выполнения судьями указанной выше задачи необходимо приобретение ими особых практических навыков [7, с. 115].

У российской судебной власти нет отрицания медиации, хотя в самом начале и присутствовала доля недоверчивости к принятому закону. Судейское сообщество в большинстве своем после принятия Закона стало присматриваться к новому институту, понимая, что с вступлением Закона в силу придется этот институт интегрировать и в повседневную работу судов. Чаще всего недоверчивость присутствует лишь до тех пор, пока сами судьи не познакомятся, а еще лучше не познают основные принципы медиативного подхода и не убедятся в его результативности. А есть судьи, которые не только лояльно относятся к медиации, но и стараются применять медиативный подход, содействуя примирению сторон.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 30.12.2008 г., 05.02.2014 г.) // «Российская газета». 25.12.1993 г. № 37.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.12.2015 г.) // «Собрание законодательства РФ». 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
3. Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2015) // «Собрание законодательства РФ». 29.07.2002. № 30. Ст. 3019.
4. Федеральный Закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ред. от 23.07.2013) // «Собрание законодательства РФ». 02.08.2010. № 31. Ст. 4162.
5. Азарнова, А. Н. Медиация: искусство примирять: технология посредничества в урегулировании конфликтов. — М.: Инфотропик Медиа, 2015. — 288 с.
6. Бюллетень Федерального института медиации. 2016 год / науч. ред. Ц. А. Шамликашвили. — М.: Изд-во ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2013. — 126 с.
7. Тюльканов, С. Л. Роль судебной системы в развитии медиации // Медиация: теория, практика, перспективы развития. Сб. материалов Первой всероссийской научно-практической конференции (23–24 апреля 2015 г., Москва) / Отв. ред. О. П. Вечерина. — М.: ФГБУ «ФИМ», 2015. — с. 113–120.

Основные отличия гражданских правоотношений от других смежных по законодательству Российской Федерации

Куренов Иван Викторович, магистрант
Астраханский государственный университет

В гражданском праве закреплён принцип равенства участников гражданских правоотношений. Так, если, например, в административных правоотношениях органы государственной или муниципальной власти могут навязывать свою волю другим субъектам, то в гражданских правоотношениях публичные образования не наделены властными полномочиями. В соответствии со ст. 124 ГК РФ Российская Федерация, ее субъекты, а также муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений — гражданами и юридическими лицами.

Согласимся с высказыванием А. В. Турбанова, что гражданские правоотношения крайне разнообразны, а законодательство, регулирующее эти правоотношения, отличается диспозитивностью [9, с. 4]. В отличие от публичных правоотношений (конституционных, административных и т. д.) гражданские правоотношения возникают в большей своей части по воли своих участников, как и ответственность сторон.

Публичные правоотношения, возникающие в связи с установлением, а также реализацией правовых норм, носят, как правило, вертикальный характер, т. е. данные отношения, являются отношениями власти-подчинения. В отличие от них гражданско-правовые отношения характеризуются равноправием сторон, в том числе в вопросе выбора мер гражданско-правовой защиты нарушенных прав. В отличие от гражданско-правовых отношений, участники которых наделены равными правами и обязанностями, специфика административно-правовых отношений заключается в том, что в них, как правило, стороны между собой

не равны: один является властным субъектом, а другой невластным. Как гласит ч. 3 ст. 2 ГК РФ, к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством.

При этом, административно-правовые споры, возникающие в связи с реализацией правовых запретов, могут разрешаться как в судебном, так и в досудебном порядке. Как отмечал Ю. М. Козлов, административно-правовые споры между сторонами административных правоотношений решаются преимущественно путем реализации полномочными субъектами исполнительной власти принадлежащих им юридически властных полномочий [7, с. 48].

Гражданские отношения могут возникать между различными субъектами (гражданами, юридическими лицами, публичными образованиями). Между тем, обязательным участником отношений, возникающих в связи с реализацией административных норм, является орган публичного управления, то есть данные административные отношения протекают с участием органов государства или органов местного самоуправления или их должностных лиц. Связано это с тем, что обеспечивать правопорядок, устанавливать те или иные правила поведения могут только специально уполномоченные на то субъекты. В отличие от норм уголовного права, реализация которых происходит в форме правообеспечительной деятельности, для гражданского права правоустановительная деятельность является в качестве преобладающей, характеризу-

ющаяся следующими особенностями: основополагающую роль в ней отведена юридически значимыми действиями самих субъектов гражданских правоотношений; основывается на началах равенства и т. д. Смежными с гражданскими правоотношениями являются семейные правоотношения. Однако, как верно говорит Н. Ф. Звенигордская, в семейном праве в сравнении с гражданским правом более значительным является объем запрещений, оказывающих влияние на усмотрение сторон при определении условий договора [5, с. 5].

Гражданско-правовые отношения существенным образом отличаются и от трудовых отношений, возникающих между работодателем и работником в связи с исполнением последним трудовых обязанностей. Отдельные положения ГК РФ, например, в части регулирования возмещения затрагивают сферу трудовых правоотношений. Трудовые отношения характеризуются фактическим неравенством сторон трудового договора, где работник, как более слабая сторона, в значительной большей степени защищается трудовым законодательством. Как писал Н. Г. Александров, всякий неединоличный труд нуждается в управлении, всякое трудовое отношение содержит признак авторитарности. Авторитарный характер трудового правоотношения выражается понятием дисциплины труда. Именно благодаря такому своему характеру трудовые отношения в системе права отличаются от гражданско-правовых обязательственных отношений. В качестве другого принципиального отличия трудовых правоотношений и гражданско-правовых отношений С. Н. Еремина называет решение законодателем с помощью приемов регулирования, которые выгодны для сторон, как в сфере трудовой деятельности, так и в иных сферах общественно полезной деятельности [4, с. 33]. Нередко материальную ответственность смешивают с другим видом юридической ответственности гражданско-правовой. Однако, если гражданско-правовая ответственность наступает в связи с неисполнением обязательств и причинением вреда в рамках гражданско-правовых отношений, то наступление материальной ответственности связывается с причинением вреда в процессе трудовых отношений.

Как верно замечает В. Ф. Яковлев, нет другой такой отрасли, в которой, как в гражданском праве, в установлении правоотношений решающая роль отводилась бы правомерным целенаправленным действиям всех, любого и каждого субъект [10, с. 97]. Не случайно, ГК РФ в качестве одного из принципов гражданских правоотношений закрепляет добросовестность сторон. Гражданское законодательство неоднократно упоминает о принципе добросовестности, но не раскрывает его понятия. Данный пробел законодательства восполняется в юридической литературе. Можно утверждать, что предназначение принципа добросовестности в страховых правоотношениях заключается в правомерном поведении субъектов данных отношений, противодействии с противоправными и злонамеренными действиями в отношении условий договора личного страхования, необходимости выплаты страхового

возмещения в случае наступления страхового случая и т. д. Часть 3 статьи 1 ГК РФ гласит, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно.

По мнению А. В. Микрюкова, принцип добросовестности требует исполнения прямо не предусмотренных в обязательстве, но неких подразумеваемых (основанных на представлениях о честном и конструктивном поведении) обязанностей [8, с. 19]. В юридической литературе можно также встретить точку зрения о том, что принцип добросовестности вытекает из гражданско-правовых принципов, отвечающих за сохранение первоначальных системных устоев всего гражданского законодательства [3, с. 4]. Собственно говоря, принцип добросовестности (или, точнее, принципы добросовестности), а равно и презумпция добросовестности широко применялись в российском гражданском праве и в судебной практике и до 1 марта 2013 года. Теперь для их использования появились соответствующие юридические обоснования.

Д. Н. Кархалев подчеркивает, что недобросовестное осуществление гражданских прав, в том числе при ведении переговоров о заключении договора, можно рассматривать в качестве злоупотребления правом, последствием которого является применение такой преддоговорной санкции, как отказ в защите права [6, с. 30].

В заключение отметим, что для отечественного гражданского законодательства характерным является продолжение практики советского периода о неоднозначности понимания сущности и правовой природы гражданских правоотношений. Выяснение правовой природы и содержания гражданских правоотношений являются фундаментальными теоретическими вопросами всего гражданского права. Неоднозначность рассматриваемого вопроса вызывает дискуссии в юридической науке относительно понимания данного правового института, что обуславливается его сложностью и неоднозначностью.

Сущностными признаками гражданских правоотношений являются имущественная и организационная обособленность субъектов правоотношений, независимость, самостоятельность, равноправие субъектов, диспозитивность правоотношений, возможность защиты. Права и обязанности образуют содержание гражданских правоотношений. Диспозитивность гражданского права позволяет сторонам гражданских правоотношений самостоятельно определять содержание договорных обязательств.

В науке гражданского права существуют различные концептуальные подходы к рассмотрению гражданских правоотношений: с точки зрения сущностного содержания, субъектного состава правоотношений, субъективных прав и обязанностей, объектов правоотношения, соотношения гражданских правоотношений с нормой права и т. д. Каждая из научных концепций приводит сущностные характеристики гражданских правоотношений, но ни одна из них отдельно не раскрывает в полной мере содержание данного правового феномена.

Специфичность гражданских правоотношений обуславливает существование различных критериев их классификации. Наиболее распространенной является классификация гражданских отношений на абсолютные и относительные, вещные и обязательственные, имуще-

ственные и неимущественные. Субъективные права и обязанности образуют содержание гражданских правоотношений. Диспозитивность гражданского права позволяет сторонам гражданских правоотношений самостоятельно определять содержание договорных обязательств.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 30.12.2008 г., 05.02.2014 г.) // «Российская газета». 25.12.1993 г. № 37.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.12.2015 г.) // «Собрание законодательства РФ». 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
3. Волков, А. В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом // Юрист. 2013. № 8. — с. 3–7.
4. Еремина, С. Н. Договорное регулирование в сфере трудовой деятельности // Юрист. 2015. № 6. — с. 32–37.
5. Звенигородская, Н. Ф. Свобода выбора партнера в семейно-правовом договоре // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. — с. 5–7.
6. Кархалев, Д. Н. Принцип добросовестности в гражданском праве // Гражданское право. 2013. № 5. — с. 30–32.
7. Козлов, Ю. М. Административное право Российской Федерации. — М.: Зерцало-М, 2010. — 322 с.
8. Микрюков, В. А. Принцип добросовестности — новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 6. — с. 17–24.
9. Турбанов, А. В. Реформа гражданского законодательства: новые подходы и правовые механизмы // Банковское право. 2014. № 4. — с. 3–7.
10. Яковлев, В. Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012. — 976 с.

Система нормативно-правового регулирования холдинговых компаний в Российской Федерации

Ларина Наталья Викторовна, магистрант
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В данной статье рассмотрена проблема отсутствия системного нормативно-правового регулирования при формировании и функционировании холдинговых компаний на территории Российской Федерации. Проанализированы действующие нормативные акты, на предмет их соответствия в части надежного функционирования и развития современного корпоративного рынка. Автором предложен вариант построения системы нормативно-правового регулирования в стране и инструменты по координации взаимоотношений между основным и дочерним обществами.

Ключевые слова: холдинг, основное общество, дочернее общество, взаимозависимые лица, группа лиц, консолидированная группа налогоплательщиков

Степень разработанности темы. В настоящее время, в российском законодательстве отсутствует единое понимание понятия «холдинг» и соответственно единое систематизированное регулирование данной сферы предпринимательской деятельности. Основная часть диссертационных работ, посвященных холдинговым компаниям, рассматривает проблемы их внутреннего управления, влияния деятельности компаний на внутренний рынок и экономику, оставляя без внимания вопросы правового регулирования и контроля вышеуказанных органи-

заций со стороны действующего законодательства и государства.

Методологическая основа исследования. В процессе исследования использовались такие методы научного познания, как: диалектический, логический, исторический, функциональный и системный методы исследования.

Объект исследования. характеристика действующего законодательства, на предмет эффективности развития, регулирования и контроля деятельности холдинговых компаний

Предмет исследования. существующие нормы корпоративного, антимонопольного, налогового законодательства, регулирующие деятельность холдингов на территории Российской Федерации

Цель исследования. анализ проблем действующего законодательства, влияющих на эффективность развития холдингов на территории Российской Федерации,

Выводы. В действующем российском законодательстве, регулирующем формирование и деятельность холдинговых компаний, отсутствует системность, последовательность и единообразие правовых механизмов. Оно не содержит норм и механизмов, способствующих эффективному функционированию и развитию холдингов в стране.

На фоне рыночных отношений роста количества объединений в Федерации, становится очевидной необходимость наличия в стране устойчивой нормативно-правовой базы холдинговых компаний данного типа.

Особенностью правового обеспечения деятельности холдингов в Российской Федерации является то, что только отдельные законодательные акты посвящены правовому регулированию организации и деятельности холдинговых объединений. Действующие нормативные акты регламентируют отношения экономической зависимости между формально самостоятельными участниками, посредством регулирования правового положения основного и дочерних хозяйственных обществ (гражданское законодательство), взаимозависимых лиц (налоговое законодательство), группы лиц (антимонопольное законодательство), консолидированной группы налогоплательщиков (законодательство о бухгалтерском учете). При этом, эти документы противоречивы, непоследовательны и не имеют единого понятийного аппарата.

Кодифицированными федеральными законами, регулирующими холдинговые отношения, являются Гражданский (ст. 67.3) [1] и Налоговый (ст. 20, 40, 251) [2,3] Кодексы Российской Федерации. Так же, упоминание о холдингах содержится в Федеральном законе «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ, где вопрос об участии в холдинговых компаниях наряду с другими объединениями предпринимателей — финансово-промышленными группами, ассоциациями (союзами) — отнесен к компетенции общего собрания акционеров (пп. 18 п. 1 ст. 48). [4] Помимо этого, холдинговые объединения упоминаются в п. 3 ст. 64 ФЗ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в соответствии с которым, органы управления должника не вправе принимать решения об участии в объединениях коммерческих организаций и, в частности, в холдинговых компаниях. [5]

До настоящего времени, единственным документом, в котором предпринята попытка системного регулирования холдингов, является Временное положение о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества (далее — Положение), утвержденное Указом Президента РФ от 16 ноября 1992 г. N 1392 «О мерах по реализации про-

мышленной политики при приватизации государственных предприятий». Изначально, подразумевалось, что данное Положение будет носить временный характер и со временем будет заменено другим, более масштабным и юридически проработанным документом. Однако, до сих пор этого не произошло, и тот факт, что существующее Положение имеет ограниченную зону влияния и распространяется только на холдинговые компании, доля капитала которых, находящаяся в государственной собственности в момент создания превышает 25% [8], говорит о том, что действующее корпоративное законодательство в России имеет существенный пробел и не отвечает требованиям и тенденциям современного рынка, связанного с развитием в стране рыночной экономики и предпринимательства.

Правовое обеспечение холдингов осуществляется также иными отраслевыми нормативно-правовыми актами, такими как: Указ Президента РФ от 28 апреля 1997 г. N 426 «Об основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий», Указ Президента РФ от 23 октября 2000 г. N 1768 «О мерах по обеспечению концентрации и рационализации оборонного производства в Российской Федерации», ряд указов Президента РФ о создании оборонных холдингов, Постановление Правительства РФ от 11 июля 2001 г. N 526 «О реформировании электроэнергетики Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 18 мая 2001 г. N 384 «О программе структурной реформы на железнодорожном транспорте», Распоряжение Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом от 30 мая 1995 г. N 749-р, Российского фонда федерального имущества от 30 мая 1995 г. N 140 «О приватизации холдинговых предприятий лесопромышленного комплекса. Вышеуказанные документы носят ведомственный характер, как правило, не имеют последовательный понятийный аппарат и, зачастую, касаются только процедурных вопросов.

Законодательство об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью содержит общие положения о дочерних и зависимых обществах (статья 6 Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и статья 6 Федерального закона от 08 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»), однако прямо не регулирует порядок создания и деятельность холдингов и групп компаний.

Согласно указанным нормам:

Общество признается дочерним, если другое (основное) хозяйственное общество или товарищество в силу преобладающего участия в его уставном капитале, либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом;

Общество признается зависимым, если другое (преобладающее) общество имеет более 20 процентов голосующих акций первого общества. [4,6]

Налоговое законодательство Российской Федерации также не оперирует понятиями «холдинг» или «группа компаний», но регулирует деятельность «взаимосвязанных лиц». Согласно статье 20 Налогового кодекса Российской Федерации взаимозависимыми лицами для целей налогообложения признаются в том числе организации, отношения между которыми могут оказывать влияние на условия или экономические результаты их деятельности или деятельности представляемых ими лиц, а именно когда одна организация непосредственно и (или) косвенно участвует в другой организации, и суммарная доля такого участия составляет более 20 процентов. 18 июля 2011 года в Налоговый кодекс был введен раздел, полностью посвященный взаимозависимым лицам.

Антимонопольным законодательством холдинг и группа компаний рассматривается как группа лиц. Статья 9 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» определяет понятие группы лиц в том числе как хозяйственное общество (товарищество, хозяйственное партнерство) и юридическое лицо, если такое юридическое лицо имеет в силу своего участия в этом хозяйственном обществе (товариществе, хозяйственном партнерстве) либо в соответствии с полномочиями, полученными, в том числе на основании письменного соглашения, от других лиц, более чем пятьдесят процентов общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале этого хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства). При этом группа лиц рассматривается как самостоятельный и единый хозяйствующий субъект.

Говоря о нормативном регулировании холдингов, нельзя не упомянуть проект Федерального закона «О холдингах», который около трех лет обсуждался в государственной думе, был принят в декабре 1999 г., одобрен Советом Федерации в июле 2000 г., после чего отклонен Президентом РФ 20 июля 2001 г. по той причине, что при его разработке четко не были определены экономическая и юридическая цели создания и регламентации холдингов, а его отдельные положения противоречат Гражданскому кодексу РФ и другим федеральным законам. Законопроект не учитывал вопросы взаимоотношений и контроля холдинговых компаний со стороны антимонопольных и налоговых органов, не содержал норм, регулирующих вопросы корпоративного управления и корпоративного контроля, имел слишком общий, рамочный характер. В последней редакции проекта было всего 12 статей.

Для построения системы нормативно-правового регулирования деятельности холдинговых предприятий, предлагается последовательная реализация шагов по внесению изменений в действующее законодательство, разработка и утверждение нормативных актов, регулирующих внутренние и внешние отношения (взаимодействие с государственными органами в части налогового, антимонопольного законодательства и др.) холдингов.

Так, предлагается внести в Гражданский кодекс РФ прямую ссылку на холдинг, как форму предприниматель-

ского объединения, установить общие нормы, определяющие его правовое положение, а так же утвердить перечень оснований и условий ответственности участников холдинга по гражданско-правовым и публично-правовым обязательствам друг друга. [9, с. 120]

Далее, необходимо принятие единого системообразующего федерального закона «О холдингах», содержащего частноправовые и публично-правовые методы правового регулирования, которые будут:

- определять цели, задачи и основные принципы организации холдингов;
- регулировать холдинговые объединения с различным составом участников (а не только образуемые хозяйственными обществами);
- определять особенности правового статуса основного и дочернего юридического лица, в том числе для целей антимонопольного, налогового и другого публично-правового регулирования;
- регулировать различные основания холдинговой зависимости — наряду с имущественной также договорную и организационную, приводя примерный перечень оснований установления договорной и организационной типов зависимости.

Последним шагом является разработка и утверждение других нормативных актов (Постановлений Правительства, Приказов и т. д.), которые позволят:

- установить особенности внутрихолдинговых отношений — между основным и дочерними юридическими лицами по вертикали, а также между самими дочерними организациями по горизонтали;
- урегулировать вопросы управления в холдинговом объединении, в том числе в части взаимодействия органов управления основного и дочерних юридических лиц;
- установят требования к осуществлению консолидированного учета и отчетности участников холдинга;
- устанавливать по инициативе участников холдингового объединения возможность унитарного принципа налогообложения, когда налогооблагаемой базой признается оборот предпринимательского объединения в целом;
- предусмотреть особенности совершения сделок с заинтересованностью между участниками холдинга. [10, с. 182]

При разработке нормативно-правового регулирования отношений между основным и дочерним обществами, особое внимание следует уделить совершенствованию норм правового регулирования, для обеспечения защиты интересов основных и дочерних компаний. С этой целью, предлагается:

- установить презумпцию ответственности основного общества по долгам дочернего, возникающую по итогам исполнения указаний основного общества, независимо от того, закреплено ли данное право в уставе и (или) договоре;
- разработать механизм привлечения к имущественной ответственности основное общество по долгам

дочернего, при наличии факта косвенного контроля или контроля через третьих лиц дочернего общества;

— утвердить типовую форму договора (соглашения), подтверждающую статус Дочернего общества, устанавливающая направления взаимодействия между сторонами и порядок урегулирования споров и типовой порядок дачи основным обществом указаний дочернему, содержащий требования к форме, оформлению, регистрации вышеуказанных указаний.

Оценивая действующее нормативно-правовое регулирование холдинговых компаний в России, хочется еще раз подчеркнуть, что оно не соответствует текущим потреб-

ностям корпоративного рынка. Со стороны государства, представляется необходимым как можно скорее упорядочить систему, выработать единую стратегию, политику и подход по формированию холдинговых объединений и оценке их деятельности в стране.

Наличие в нормативно-правовых актах императивных норм прямого действия и механизмов для их реализации, позволит существенно облегчить принятие решений при рассмотрении разногласий как внутри холдингов между ее участниками, так и между холдинговыми объединениями и органами государственной власти, при выполнении последними контрольно-надзорных и иных функций.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. (с изм. и доп. на 31 января 2016 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2007. № 41. Ст. 4845;
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. (с изм. и доп. на 15 февраля 2016 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2007. № 22. Ст. 2564;
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. (с изм. и доп. на 9 марта 2016 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; 2007. № 50;
4. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ Об акционерных обществах (с изм. и доп. на 29 июня 2015 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1; 2008. № 18. Ст. 1941;
5. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ О несостоятельности (банкротстве) (с изм. и доп. на 1 января 2016 г.) // СЗ РФ. 2002. № 43. ст. 4190; СЗ РФ;
6. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ Об обществах с ограниченной ответственностью (с изм. и доп. на 29 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 1998. № 7. ст. 785; 2008. № 18;
7. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ О защите конкуренции (с изм. и доп. на 10 января 2016 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434; 2008. № 18;
8. Указ Президента Российской Федерации от 16 ноября 1992 г. № 1392 «О холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных» (с изм. на 26 марта 2003 г.);
9. Корпоративное право: учебник / Е. Г. Афанасьева, В. Ю. Бакшинская, Е. П. Губин и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2015.
10. Холдинги: Правовое регулирование экономической зависимости. Управление в группах компаний / И. С. Шиткина. — М.: Волтерс Клувер, 2008. — 552 с.

Принцип публичности уголовного процесса

Леонтьева Виола Васильевна, студент

Научный руководитель: Смахтин Евгений Владимирович, доктор юридических наук, профессор

Тюменский государственный университет

Публичное начало характерно проявляется в ряде важнейших принципов уголовного процесса. Однако это вовсе не означает, что оно «растворяется» в других основных положениях и не имеет права на самостоятельное существование. Содержание некоторых процессуальных норм выражает совокупное действие ряда принципов. В комплекс совместно действующих основных положений процесса в таких случаях часто входит принцип публичности. Исследование особенностей его проявлений, естественно, требует специального рассмотрения других принципов. Вместе с тем для уточнения сферы действия

начала публичности достаточно рассмотрения его связей с рядом принципов уголовного процесса, а именно с теми, с которыми у него наиболее тесная и характерная связь, в частности с принципами законности, независимости судей и народных заседателей и подчинения их только закону, гласности, объективной истины [1].

Отождествлять принципы законности и публичности или утверждать, что принцип публичности есть выражение принципа законности, что он целиком поглощается принципом законности, неправильно потому, что речь в данном случае идет, по сути, о разноплановых подходах к направ-

ленности этих положений. Так, если смысл принципа законности заключается в строгом и непреклонном соблюдении всех правовых предписаний, то смысл принципа публичности заключается прежде всего в неуклонном официальном исполнении государственного интереса. Безусловно, при этом нельзя не учитывать, что принцип законности и принцип публичности взаимосвязаны между собой. Причем эта взаимосвязь самая тесная, «взаимопроникающая». Объясняется это, в частности, тем, что оба принципа являются наиболее общими, действуют во всех стадиях производства, выражаются в других принципах уголовного процесса.

Необходимой предпосылкой соблюдения законности и обеспечения задач уголовного судопроизводства служит четко разработанная система уголовно-процессуальных норм, создающая эффективный, рациональный порядок

судопроизводства. Но наличие такой системы нельзя отождествлять с режимом законности. Практически ее недостаточно, чтобы говорить о надлежащем обеспечении соответствующими государственными органами производства по уголовному делу. Закон действует, когда он исполняется. Публичность уголовно-процессуальной деятельности проявляется тогда, когда органы предварительного расследования, прокуратуры и суда на основе неукоснительного соблюдения уголовно-процессуальных норм осуществляют производство по уголовному делу, действуя при этом строго в интересах государства, обеспечивая полную реализацию задач уголовного судопроизводства [2].

Если требование законности в уголовном судопроизводстве касается всех государственных органов, должностных лиц и граждан, участвующих в уголовно-процессуальной деятельности, то принцип публичности осуществляют только правоохранительные органы, должностные лица.

Различие между этими двумя принципами заключается и в том, что если обязанность соблюдать законность в уголовном судопроизводстве является, прежде всего, обязанностью соблюдать конкретные правовые предписания, направленные на обеспечение правильного и справедливого разрешения уголовного дела, то обязанность руководствоваться в своей деятельности интересами общества и государства, демонстрировать осуществление государственного правосудия в равной мере может быть связана с соблюдением и других положений.

Осуществление принципа публичности в отдельных случаях может быть и не связано с соблюдением каких-то конкретных уголовно-процессуальных норм. Так, известно, что многие положения, относящиеся к судебному этикету,

не регулируются законодательством. Между тем правила судебного этикета являются, на наш взгляд, одним из выражений принципа публичности. Ведь ритуальность судебной процедуры призвана подчеркнуть отправление правосудия органом государственной власти, органом, постановляющим приговор именем государства, способствовать правильному восприятию всего судебного процесса, а, следовательно, и осуществлению судом воспитательных задач.

С другой стороны, принцип публичности в своем основном содержании просто не может быть выражен, если не соблюден принцип законности. Ведь несоблюдение закона есть действие (или бездействие), противоречащее интересам государства, публичным интересам. Важно указать и на следующее. Уголовно — процессуальный закон часто предоставляет возможность принятия альтернативного решения, исходя из соображений целесообразности. Каждое из этих двух решений не противоречит закону. Однако «подлинно законным» оно, очевидно, может считаться лишь тогда, когда при принятии решения в наибольшей степени учитывался государственный, публичный интерес, интерес правосудия.

Представляется неверной точка зрения некоторых авторов, считающих, что отдельного принципа законности в уголовном процессе не существует, а то, что известно под этим названием, объединяет все принципы процесса. Так, например, М. С. Строгович утверждает, что «принцип законности в уголовном процессе — это совокупность всех принципов процесса в их взаимной связи, а не отдельный принцип наряду с другими, это основа всех принципов процесса и каждого принципа в отдельности, а не нечто отличное от них, это то, что выражено и в каждом отдельном принципе, а не одно лишь звено системы принципов». [3]

Главное в идее публичности то, что в основе публично — правового начала лежат интересы общества и государства. Действуя в этих интересах в области уголовного судопроизводства, соответствующие органы осуществляют, как правило, безусловные, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством обязанности. Осуществление этих обязанностей предполагает в конечном итоге установление не только объективной истины, правильное разрешение дела, но и достижение ряда других задач органами, действующими от имени государства. Проведение уголовного процесса в интересах государства, вытекающие отсюда функции органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, их обязанность совершать все процессуальные действия, требуемые для реализации задач правосудия по уголовным делам, — все это определяет основное содержание принципа публичности.

Литература:

1. Курс уголовного процесса / Под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. — 2 — е изд., испр. — М.: Статут, 2017. — 1280 с.
2. Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам: Материалы IV Между народной научно-практической конференции 5–6 апреля 2016 г. (г. Москва). — М.: РГУП, 2016. — 492 с.
3. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. — М., — Т. 1. — 470 с.

Российская Федерация как частноправовой субъект в современной России: сущность, особенности правосубъектности и место в системе субъектов гражданского права

Мещерякова Альбина Александровна, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

Дискуссия касательно участия государства в гражданских правоотношениях наравне с другими субъектами таких отношений ведется долгие годы.

Очевидно, что государство является субъектом гражданских правоотношений, но многие вопросы остаются спорными. Например, какие рычаги ему использовать для участия в гражданских правоотношениях, как обеспечить исполнение норм Гражданского кодекса РФ являясь участником гражданских правоотношений, с помощью каких правовых инструментов обеспечить сбалансированность публичного и частного регулирования в сфере гражданских правоотношений.

В современной литературе функции государства определены как основные направления его деятельности по решению стоящих перед ним целей и задач [1].

Исследователи отмечают, что перечень функций государства достаточно широк, в связи с чем классифицируют их по различным критериям и выделяют в зависимости от того или иного основания: функции, вытекающие из классовых противоречий или функции, вытекающие из общих дел [2], функции внутренние и внешние [2], функции постоянные и временные, основные и неосновные [1] (в иной терминологии — производные или вспомогательные [3]), функции правотворческие, управленческие и судебные; некоторые авторы еще выделяют так называемую генеральную функцию [4].

Не углубляясь в активную дискуссию по этому поводу, стоит принять, что все функции современного Российского государства подразделяются на внутренние (охраны прав и свобод человека и гражданина, экономическая, налогообложения, социальной защиты, экологическая, культурная) и внешние (обороны страны, содействия по обеспечению международного мира, сотрудничества).

Некоторые исследователи в области теории государства и права концентрируют свой интерес на немаловажных обстоятельствах, и в частности на том, что содержание любой функции государства составляет ряд взаимодействующих элементов.

В числе таких элементов называют методы, способы (средства) и формы осуществления функций государства.

Под методами теория понимает разнообразие способов и средств, с помощью которых государство осуществляет контроль над общественной жизнью. Например, «при реализации правоохранительной функции преобладают обязывающие средства достижения целей, а экономической — договорные способы взаимоотно-

шений». В литературе выделяют несколько способов реализации функций государства: убеждение, принуждение и стимулирование.

Некоторые ученые-теоретики права утверждают, что для реализации своих функций государство может использовать частноправовые нормы. И в большинстве случаев это наиболее эффективно. Действительно, государству, реализуя некоторые функции в различных сферах жизни общества, следует прибегнуть к использованию гражданско-правовых инструментов, например: защита прав и свобод человека и гражданина, защита собственности и многое другое.

Таким образом, государство, используя в результате осуществления своих функций гражданско-правовые средства, выступает в качестве участника гражданских правоотношений.

Конечно же, для государства быть участником гражданских правоотношений необходимо, так как это служит способом осуществления некоторых его функций.

Государство, будучи участником гражданских правоотношений и являясь при этом субъектом публичной власти, обязано гарантировать другим участникам гражданских правоотношений отсутствие привилегий для своей стороны, дабы не нарушать их законные права и интересы.

Подобные отрицательные явления могут быть ликвидированы только в результате наличия гарантий, устанавливающих равенство для всех участников гражданских правоотношений. Но чаще всего подобные гарантии не реализуются, либо вступают в противоречие с другими нормами законодательства.

Платформу таких гарантий, конечно же, должны возглавлять в первую очередь гарантии конституционные. Они охватывают большую часть норм права и сфер их реализации, т. е. они более универсальные.

Система конституционных гарантий должна состоять из положений, адресованных к разработчикам правовых норм, направленных на предупреждение правонарушений в отношении прав и свобод, а также на защиту прав и свобод участников гражданских правоотношений.

Такую конструкцию обязаны пополнить юридические гарантии других отраслей права.

Например, Гражданский кодекс Российской Федерации определяет государство как субъект гражданских правоотношений. Приемлемое количество норм характеризуют государство как участника рыночных отношений. Таким образом, политический суверен становится участником имущественных отношений. Но также следует отметить,

что пункт 2 статьи 124 Гражданского кодекса Российской Федерации используя композицию «особенности данных субъектов» определяет государство как особый субъект.

Исследуя специфику государства в первую очередь, стоит определить его правовую природу как субъекта частного права, а также место среди других участников гражданских правоотношений.

Нет в юридической литературе однозначных высказываний на этот счет, напротив, много нестандартных и сомнительных теорий.

Таким образом, именуя государство субъектом гражданского права, следует различать понятия государство и субъект гражданского права, каковым государство не является, так как мы имеем дело с двумя субъектами права.

Иными словами, субъектами гражданского права являются специально созданные обществом организации или юридические лица, задачей которых является создания благоприятных условий для жизни и достижение общественно полезных целей. То есть получается, что публичные организации созданы самим обществом, а государство служит организацией для этого самого общества.

Д.В. Пятков, пытаясь отделить от государства его гражданскую правосубъектность пришел к выводу, что Российская Федерация в целом, как субъект публичной власти, должна принимать участие только в отношениях, построенных по схеме «власть и подчинение», а организации, созданные обществом, будут участвовать в отношениях гражданских. В результате этого, по его мнению, можно устранить противоречие между публично-правовой сущностью государства при его выступлении в гражданском обороте и необходимостью соблюдать основополагающий частноправовой принцип обеспечения равенства участников гражданских правоотношений. Преследуя свои идеи, он заявлял — «Лишь как недоразумение следует рассматривать содержание статьи 582 ГК РФ, согласно которой пожертвования могут делаться государству и другим субъектам гражданского права. Это же возможно отнести и к статьям 239.1, 240 ГК РФ, согласно

которым государство может выкупить недвижимость и культурные ценности». Следовательно, «...термин «государство», который крайне редко встречается в Гражданском кодексе РФ, следует расценивать как техническую ошибку законодателя».

Очевидно, что такая теория многократное количество раз страдала от критики ученых. Например, академик О.Е. Кутафин подчеркивал, что «с правовой точки зрения, преследуемой Д.В. Пятковым, в нашей стране существуют, как минимум, два Алтайских края, две Свердловские области и т. д. С этим трудно согласиться даже в интересах создания новой, самой прогрессивной теории участия государства в гражданских правоотношениях». Кроме того, он отмечал: «Представляются абсурдными попытки Д.В. Пяткова доказать, что общие положения гражданского законодательства о лицах сегодня не позволяют вообще вести речь о государстве как о субъекте гражданского права».

Исследовав нормы законов и изыскания ученых относительно правовой сущности государства, его публичных образований при участии в гражданских правоотношениях, напрашиваются следующие выводы:

— для осуществления своих функций, государство, используя нормы гражданского законодательства, становится полноправным его участником наравне с другими субъектами гражданских правоотношений;

— став участником гражданских правоотношений Российская Федерация сознательно ограничивает свой иммунитет, но при этом остается политическим сувереном;

— правовая сущность Российской Федерации и её субъектов в целом не сводится к понятию «юридическое лицо» в результате истории становления законодательства о субъектах гражданских правоотношений;

— для реализации своих функций государству необходимо использовать гражданско-правовые средства, а также систему правовых гарантий, если имеется возможность нарушений прав и свобод других участников гражданских правоотношений.

Литература:

1. Матузов, Н.Н., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. 57 с.; Общая теория государства и права / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. 385 с.; Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В.Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. 69 с.
2. Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В.Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. 73 с.
3. Общая теория государства и права / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2007. 386 с.
4. Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2003. 73 с.

Правовой режим общеизвестных товарных знаков

Мирьяминова Эльвира Ралифовна, студент
Тюменский государственный университет

В статье дается характеристика объема правовой охраны общеизвестных товарных знаков. Проводится анализ специфики зарегистрированных товарных знаков во взаимоотношении с различными правовыми концепциями и судебной практики.

Ключевые слова: закон, Гражданский кодекс РФ, конкуренция, регулирование, товарный знак, РФ, торговая марка, фирменное наименование

Данная статья посвящена такой актуальной проблеме современного общества, как правовое регулирование и правовое положение товарных знаков. Данная проблема рассматривается не только российским законодательством, но и международным правом, что делает данную тему весьма значимой.

Хорошо известные торговые марки были признаны в качестве одного из наиболее важных видов товарных знаков в системе регулируемых национальным законодательством, так и международными нормативными правовыми актами. Правовой режим охраны товарного знака непрерывно усиливается и развивается с течением определенного периода времени. Связано это с тем, что возрастает значение известных торговых марок, которые становятся известными во всем мире, их возрастающей роли в международной торговой системе. Юридические вопросы изучения правового режима общеизвестных торговых знаков, являются актуальными для многих зарубежных государств, особенно в развивающихся и развитых странах.

Для того, чтобы определить правовой режим товарных знаков, необходимо определить, что же такое в целом товарный знак. Товарный знак указывает потребителям на источник происхождения товаров и услуг, формирует их представление о свойствах продукта конкретного производителя либо исполнителя. По моему мнению, товарный знак также стимулирует конкурентоспособность, что в свою очередь приводит к улучшению качества товаров и услуг.

Товарный знак находится под серьезной защитой государства. С точки зрения международного права, необходимо отметить, что согласно ст. 6-bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. государства обязаны отклонять или же признавать недействительной регистрацию, запрещать использование товарного знака, сходного с общеизвестным знаком, если подобные действия способны вызвать смешение, а соответствующие обозначения используются для идентичных или подобных продуктов. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности определило критерии относимости товарных знаков к общеизвестным: участники Соглашения должны принимать во внимание известность товарного знака в соответствующих кругах общества, включая известность в стране-члене, которая была достигнута в результате рекламы товарного знака (п. 2 ст. 16).

В сентябре 1999 г. была принята совместная Рекомендация Ассамблеи Парижского союза по охране промышленной собственности и Генеральной ассамблеи Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) «О положениях в отношении охраны общеизвестных товарных знаков». Объем правовой охраны общеизвестного знака был уточнен. В ст. 3 Рекомендации указано, что государство — член Союза обеспечивает охрану общеизвестного товарного знака от конфликтующих знаков, указаний деловых предприятий и названий доменов. Конкурирующими знаками были признаны обозначения, зарегистрированные и (или) используемые в отношении как однородных товаров (услуг), так и неоднородных. В отношении неоднородных товаров конфликт обозначений будет иметь место при наличии одного из следующих условий:

1) товары, маркируемые конкурирующим знаком, могут быть связаны с обладателем прав на общеизвестный знак, нарушая его интересы;

2) использование конкурирующего знака приведет к ослаблению различительной способности общеизвестного знака;

3) использование конкурирующего знака влечет получение несправедливых преимуществ.

Таким образом, на международном уровне нарушением прав и законных интересов обладателей общеизвестных товарных знаков было признано не только намеренное введение потребителей в заблуждение путем использования обозначения, сходного с известным знаком, для маркировки однородных и неоднородных товаров, но также действия, приводящие к ослаблению различительной способности обозначения и (или) получению несправедливых преимуществ.

Касаемо Российской Федерации, следует отметить, что товарный знак следует признать общеизвестным в том случае, если он приобрел обширную известность путем интенсивного использования. Правовая защита данных товарных знаков распространяется на однородные и неоднородные товары. Для того, чтобы можно было бы применить меры правовой защиты, необходимо лишь чтобы потребитель ассоциировал обозначение, которое используется другим лицом, с общеизвестным товарным знаком. Одной из существенных особенностей российского права является необходимость формального признания Роспатентом товарного знака в качестве общеиз-

вестного. На сегодняшний день, в Реестре общеизвестных товаров зарегистрировано более 200 товарных знаков. К ним относятся такие общеизвестные бренды, как «Лукойл», «Reebok», «Коркунов», «Арагат» и так далее.

Помимо этого мне хотелось бы обратить внимание на сложившуюся судебную практику российских судов. Очень интересным является тот факт, что российское правосудие нередко квалифицирует в качестве правонарушений действия, которые в других странах признаются нарушениями прав обладателей общеизвестных товарных знаков.

В качестве яркого примера, хочу привести дело, связанное со спором о товарном знаке Vacheron Constantin. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации установил, что товары истца, который является обладателем известного так называемого, «старшего» товарного знака и товары ответчика, который зарегистрировал на себя сходный товарный знак, не являются однородными. Вместе с тем, несмотря на мнение нижестоящих судебных инстанций, Высший Арбитражный Суд РФ признал противоправной регистрацию сходного «младшего» знака, поскольку она направлена на получение необоснованного преимущества за счет использования сложившейся деловой репутации широко известного знака и создает угрозу возникновения заблуждения потребителя относительно товара или его изготовителя. Следует отметить, что в отношении товарного знака Vacheron Constantin суд использовал формулировку «широко известный». Думается, что термин «общеизвестный» относится только к обозначениям, признанных таковыми Роспатентом. Основанием аннулирования регистрации товарного знака и пресечения его последующего использования послужило злоупотребление правом. Наконец, суд посчитал важным указать на вероятность введения потребителей в заблуждение.

Очевидным является тот факт, что практика российских судов также направлена против ослабления различной способности известных товарных знаков.

Способами защиты от нарушений служат: признание недействительным предоставления правовой охраны обозначению, сходному до степени смешения с общеизвестным товарным знаком; аннулирование регистрации и запрет на его использование.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод, что на данный момент времени, законодательная база, связанная с реализацией механизма защиты интересов правообладателя известного товарного знака, требует значительных изменений.

Литература:

1. Совместная рекомендация о положениях в отношении охраны общеизвестных знаков: принята Ассамблеей Парижского союза по охране промышленной собственности и Генеральной ассамблеей Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) на 34-й серии заседаний Ассамблей государств — членов ВОИС 20–29 сентября 1999 г.
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)

Во-первых, использование чужого общеизвестного товарного знака в отношении неоднородных товаров при наличии заблуждения потребителей и его использование при отсутствии такого заблуждения представляют собой принципиально разные правонарушения, требующие выбора адекватного способа защиты.

Использование общеизвестного знака при введении потребителей в заблуждение представляет собой традиционное нарушение исключительного права. В данном случае поражается индивидуализирующая функция товарного знака. Страдают интересы потребителей. Правообладатель при этом несет характерные для подобного нарушения потери.

Если использование известного товарного знака сопровождается введением потребителей в заблуждение, убытки обладателя бренда оказываются весьма существенными. Напротив, недобросовестный владелец «младшего» знака нередко получает сверхприбыль от эксплуатации известного бренда.

Представляется необходимым связать факт нарушения исключительного права на товарный знак с введением потребителей в заблуждение, а не с однородностью товаров. Между тем презумпция того, что если товары (услуги), в отношении которых используется товарный знак и сходное с ним обозначение, однородны, то потребители будут введены в заблуждение, должна сохраниться. В отношении неоднородных товаров введение потребителей в заблуждение должны обосновывать дополнительные аргументы, в том числе о широкой известности товарного знака. Недобросовестная регистрация обозначения, сходного до степени смешения с известным товарным знаком, должна аннулироваться. После чего правообладатель может обратиться в суд с иском о нарушении исключительного права на товарный знак и взыскании компенсации на основе ст. 1515 ГК РФ.

Таким образом, нормы законодательства о правовом регулировании общеизвестных товарных знаков, требуют дополнительно разработки правовых подходов, критериев в законодательстве, для того чтобы быть готовыми к появлению новых видов обозначений и обеспечить его согласование с другими областями интеллектуальной собственности.

Необходимо постоянно проводить анализ и сравнение систем товарных знаков в международно-правовой сфере, для выявления всеобъемлющих правовых рамок, предназначенных для повышения охраны товарных знаков в соответствии с мировыми стандартами.

3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017)
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 N 16912/11 по делу N А40—73286/10—143—625

Уголовно-правовая характеристика полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста

Немятых Мария Викторовна, студент
Тюменский государственный университет

Одним из сексуальных преступных посягательств является половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

Чрезвычайно важным представляется анализ объекта полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Выявляя содержание объекта преступления, уголовное законодательство, с одной стороны, раскрывает содержание тех или иных общественных отношений, интересов и благ, а с другой — строго очерчивает круг тех личных и общественных интересов и благ, которые могут стать объектом уголовно-правовой защиты.

Данное преступление нарушает половую неприкосновенность лиц, не достигших определенного возраста, поскольку раннее начало половой жизни нарушает нормальное физиологическое и психически нравственное формирование личности. [Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/Отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт-Издат, 2013. с. 236.]

Вследствие этого разумно будет растолковать категории: половая неприкосновенность и половая свобода.

Представляется, что вопрос о соотношении понятий половой свободы и половой неприкосновенности носит дискуссионный характер. Ряд авторов рассматривают эти определения в соотношении как части и целого, некоторые как два разных понятия. В свою очередь, это имеет важное значение для определения объекта преступления.

По мнению Степича Г.С. «... свобода сексуального самоопределения человека есть право самостоятельно и без принуждения выбирать половых партнеров, форму интимных отношений. В отличие от половой неприкосновенности понятие половая свобода применимо только к лицам, достигшим половой зрелости...». [Цит по: Степич Г.С. Половая неприкосновенность. Закон., 2011. № 9. с. 27.]

Следовательно, согласно приведенной формулировке, в основу разграничения понятий «половая неприкосновенность» и «половая свобода» необходимо заложить именно возрастной критерий по цензу совершеннолетия, из чего следует, что понятие половая неприкосновенность применимо только к лицам, не достигшим совершеннолетия,

а понятие половая свобода — к совершеннолетним. В этой связи возникает казуистичная ситуация, лишаящая, таким образом, защиты половой неприкосновенности лиц в возрасте 18 лет и старше, что представляется, недопустимым с точки зрения общих начал российского уголовного законодательства.

Отмечая некоторые вопросы толкования в соотношении половой свободы и половой неприкосновенности, Макаров Д. А. придерживается мнения Рарога А. И. о том, что «половая неприкосновенность является составляющей половой свободы, поэтому нарушение половой неприкосновенности всегда означает нарушение половой свободы». [Цит. по: Макаров Д. А. Педофилия в современном обществе. Законность. 2007. № 3. с. 31.]

Попробуем посмотреть на данные понятия шире, т. е. как на блага, гарантированные Конституцией РФ и охраняемые уголовным законодательством. В этом случае половая свобода — это неотъемлемая составляющая конституционного права на свободу, заключающаяся в возможности каждого человека самостоятельно выбирать себе сексуального партнера, вступать с ним в сексуальные отношения при самостоятельном выборе всех сопутствующих таким отношениям обстоятельств либо не вести половую жизнь вообще. Здесь речь идет о столкновении как минимум двух свобод. Поэтому линия свобода может быть ограничена только при вторжении ее в объем самоопределения свободы другого. Именно поэтому сексуальные взаимоотношения по сути — действия взаимосогласованные, построенные как минимум на определенной доле доверия.

Считается, что лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, не обладают половой свободой. В то же время ненасильственное половое сношение или иные действия сексуального характера могут быть совершены в отношении несовершеннолетних лиц, возраст которых соответствует возрасту, установленному в уголовном законе (ст. 134 УК РФ), но состоящих в браке, что дает им полное право на реализацию половой свободы. Имеется также категория несовершеннолетних лиц, которые в браке не состоят, хотя являются родителями, т. е. сами имеют детей. Полагаем, что такие несовершеннолетние не могут быть признаны потерпевшими от преступлений, предусмотренных ст. 134 УК РФ, следовательно, нет оснований,

распространяя на половую свободу таких несовершеннолетних, расширять объект ненасильственных сексуальных посягательств.

Таким образом, разделение половой свободы и половой неприкосновенности в уголовном праве не согласуется с трактовкой этих понятий в Конституции РФ, где свобода и неприкосновенность закреплены как единое личное право. Половая свобода и половая неприкосновенность являются однопорядковым и взаимосвязанными правовыми категориями, неразрывными элементами одного права — пассивным (неприкосновенность) и активным (свобода).

Данные категории не могут быть обусловлены возрастом. Каждая личность, как считает Авдеев М. В., имеет право на личную неприкосновенность и свободу, а также на половую неприкосновенность. Однако необходимо заметить, что половая свобода возможна при наличии условий, определяемых УК и достижении человеком определенного возраста. Половая неприкосновенность, как известно, это право человека не подвергается сексуальному насилию. Это право является приемлемой как для взрослых людей, так и для несовершеннолетних. [Авдеева М. В. Об усилении уголовной ответственности за сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних. Журнал российского права, 2011. № 4. с. 123.]

Подводя итог, можно прийти к выводу, что непосредственным основным объектом посягательства, предусмотренного ст. 134 УК РФ, являются общественные отношения в сфере обеспечения половой свободы или половой неприкосновенности несовершеннолетнего, т. к., по сути, эти понятия не делимы. Непосредственный основной объект, кроме того, включает общественные отношения в сфере обеспечения нормального психофизиологического, в том числе полового, и морально — нравственного развития несовершеннолетних.

Объективная сторона анализируемого преступления заключается, прежде всего, в действиях, которые, вопреки наименованию ст. 134 УК РФ, согласно диспозиции этой нормы состоят в половом сношении, мужеложстве или лесбиянстве виновного, достигшего совершеннолетия. Как правило, указанные действия являются проявлением состояния, именуемого в сексологии педофилией, т. е. сексуальным отклонением, выражающимся в стремлении взрослых к сексуальным действиям с подростками. В этом смысле пол несовершеннолетнего не имеет значения, поскольку именно тело ребенка с признаками половой незрелости составляет для виновного истинный сексуальный стимул. Иные, кроме указанных в диспозиции статьи, действия сексуального характера, совершенные с лицом, не достигшим указанного возраста, не могут преследоваться по ст. 134 УК РФ, и при наличии к тому оснований квалифицируются по ст. 135 УК.

При анализе названия и диспозиции рассматриваемой статьи обнаруживается существенный пробел в законодательстве в части обозначения признаков объективной стороны данного преступления, который заключается в том, что название ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные

действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» шире ее содержания, обозначенного в диспозиции как половое сношение, мужеложство или лесбиянство, совершенные лицом, достигшим восемнадцати лет, с лицом не достигшим шестнадцати лет.

Очевидно, что «иные действия сексуального характера» включают себя множество разнообразных действий, помимо полового сношения, лесбиянства и мужеложства, направленных на удовлетворение половой страсти. По мнению ученых, мужеложством и лесбиянством иные действия сексуального характера действительно не ограничиваются. По существу, половое сношение — это естественное совокупление мужчины и женщины. Мужеложство, напротив, можно определить как половое сношение мужчины с мужчиной, а лесбиянство (женский гомосексуализм), соответственно, охватывает разнообразные действия, направленные на удовлетворение половой страсти женщиной путем физических контактов с половыми органами женщины, т. е. потерпевшей. [Гусева Ю. Н. Уголовно-правовая сущность и объекты половых преступлений. Актуальные проблемы российского права, 2008. № 4. с. 274.]

Таким образом, иные, помимо полового сношения, мужеложство и лесбиянства, действия сексуального характера в статье 134 УК РФ не криминализованы.

Правомерность этого вывода подтверждается также тем, что в ст. 132, 133 УК РФ законодатель отличает понятия полового сношения, мужеложства и лесбиянства от иных действий сексуального характера. Этой точки зрения придерживается Анощенко С. В., полагающая, что название ст. 134 УК РФ являются более широким по сравнению с содержанием диспозиции данной статьи, ибо термин «иные действия сексуального характера» включает себя множество разнообразных действий, направленных на удовлетворение половой страсти, помимо полового сношения, лесбиянства и мужеложства.

Рассматривая термин «иные действия сексуального характера» в контексте ст. 134 УК РФ, Побегайло Э. Ф. формулирует определение, согласно которому ими являются «...разнообразные формы удовлетворения половой страсти между мужчиной и женщиной или между мужчинами кроме естественного полового акта и мужеложства. К иным действиям сексуального характера следует также отнести некоторые виды имитации полового акта...».

Анализируя приведенное Э. Ф. Побегайло определение, нужно отметить, что оно хотя и является удачным, но также не отражает всей полноты термина «иные действия сексуального характера», т. к. указанный автор в качестве субъектов определения не называет лицо женской гомосексуальной ориентации. Таким образом, с учетом данного замечания представляется необходимым определить «иные действия сексуального характера» как действия, совершаемые для достижения сексуального удовлетворения, сопряженные с проникновением либо связанные с любым манипулированием виновным обнаженными половыми

органами потерпевшего или принуждением потерпевшего к аналогичным действиям в отношении виновного. Проникновение может осуществляться как с использованием полового органа, так и какого-либо предмета, вводимых в естественные полости человеческого тела с целью имитации полового акта.

В качестве меры преодоления подобного несоответствия предлагается диспозицию нормы, предусмотренной частью 2 статьи 134 Уголовного кодекса РФ, дополнить признаком «иные действия сексуального характера».

Таким образом, представляется разумным и, более того, необходимым, установление уголовной ответственности за иные ненасильственные действия сексуального характера по отношению к несовершеннолетним лицам путем внесения соответствующей формулировки в диспозицию ч. 2 ст. 134 УК РФ.

Для более удобного использования правоприменителем статьи 134 УК РФ, в дальнейшем нужно ограничить её только половым сношением. Действия которые не входят в половое сношение, а это: мужеложство, лесбиянство и (по смыслу введенного выше изменения) иных действий сексуального характера, отнести к развратным действиям. И внести соответствующие изменения в часть 1 статьи 135 Уголовного кодекса РФ.

В связи с этим предлагаем часть 1 статьи 134 УК РФ изложить в следующей редакции: «Половое сношение, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста».

Изменить название статьи 134 УК РФ: «Половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста».

Анализ объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, позволяет обнаружить ряд других недостатков, недоработок относительно объективной стороны данного преступления. В объективную сторону преступления в качестве факультативных признаков входит способ, орудия, средства, место, время, обстановка совершения преступления. В диспозиции ст. 134 УК РФ не приведено ни одного из указанных признаков. В то время как часть их оказывает существенное влияние на внутреннее эмоциональное состояние потерпевшего, а также в конкретной ситуации может значительно увеличить тяжесть причиненного ему вреда.

Поэтому целесообразно использовать такие факультативные признаки, как способ, орудие, средство, место, время, обстановка совершения преступления и, исходя из этого дифференцировать ответственность за совершение преступления.

Анализ признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, свидетельствует о сложностях при разграничении насильственных и ненасильственных сексуальных посягательствах на половую неприкосновенность несовершеннолетнего.

Название статьи значительно шире, чем ее содержание. Данное обстоятельство не позволяет во многих случаях

правильно квалифицировать те или иные действия виновного. Мы считаем, что для более удобного использования правоприменителем статьи 134 УК РФ. Ограничить её только половым сношением. Действия, которые не входят в половое сношение, а это: мужеложство, лесбиянство и (по смыслу введенного выше изменения) иных действий сексуального характера, отнести к развратным действиям. И внести соответствующие изменения в часть 1 статьи 135 Уголовного кодекса РФ.

В связи с этим предлагаем часть 1 статьи 134 УК РФ изложить в следующей редакции: «Половое сношение, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста».

Изменить название статьи 134 УК РФ: «Половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста».

Мы считаем, что целесообразно будет изложить часть 2 статьи 134 УК следующей редакции: «Мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста».

В науке уголовного права является дискуссионным вопросом о соотношении возраста наступления уголовной ответственности и брачного возраста. Согласно УК РФ, уголовная ответственность за общественно опасное деяние по общему правилу является 16 лет, в исключительных случаях 14 лет. Но, что касается преступлений, связанных с ненасильственными посягательствами на половую свободу и неприкосновенность личности, то установлен специальный возраст, с которого наступает уголовная ответственность — 18 лет.

Как отмечает Васильевский А.Г., «...такое понижение возраста наступления уголовной ответственности, обусловлено повышенной опасностью большинства данных преступлений, осознанием несовершеннолетними их сущности в достаточно раннем возрасте, а также распространенностью этих видов преступлений именно в среде несовершеннолетних. На сегодняшний день существует несколько условностей, которые обязаны соблюдать суды при рассмотрении уголовных дел виновными, по которым выступают несовершеннолетние лица. Так достижение возраста уголовной ответственности происходит не в день рождения виновного лица, а в ноль часов следующего дня. В случаях, когда отсутствуют документальные данные о возрасте несовершеннолетнего нарушителя, установлением его возраста занимается судебно-медицинская экспертиза...». [Цит по: Васильевский А.Г. Возраст как условие уголовной ответственности. Законность, 2000. № 11. с. 32.]

В данной связи возникает вопрос: если лицо, виновное в совершении насильственного преступления и не достигшее совершеннолетия, будет признано с психологической точки зрения «пригодным» для вступления в брак, то будет ли оно признано с той же самой психо-

логической точки зрения лицом, которое в должной мере будет осознавать тяжесть совершенного деяния, чтобы понести уголовную ответственность? В настоящее время на поставленный вопрос ответа не существует.

Как отмечает Нека Л.И., возрастная граница уголовной ответственности — 16 и 14 лет, установленная законодательством, обусловлена способностью человека в таком возрасте, осознавать опасность совершенных действий и руководить своим поведением. При этом п. 3 ст. 20 УК РФ гласит, что несовершеннолетнее лицо, достигшее возраста шестнадцати или четырнадцати лет, но отстающее в психическом развитии, если это отставание не связано с психическим расстройством, не может быть привлечено к уголовной ответственности, в силу непонимания характера своих действий или невозможности руководить ими.

Таким образом, становится очевидным, что возраст наступления уголовной ответственности с позиции градации возрастного ценза повторяет градацию возраста вступления в брак, отмечая одинаковые годовичные уровни: общий возраст — 18 лет, при наличии особых обстоятельств — 16 лет, а при исключительных, согласно СК РФ, — и ранее, в то время, как УК РФ закрепляет предел в 14 лет. Все это свидетельствует о схожести подхода определения готовности лица нести уголовную ответственность и готовности вступления в брак и несения супружеской ответственности, а равно о унификации теоретического подхода разработок методики освидетельствования.

Но решения Конституционного суда РФ Определении от 21.10.2008 № 568-О-О, видимо, осталось незамеченным законодателем, Федеральный закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ дополнил ст. 134 УК РФ примечанием, согласно которому «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренного частью первой настоящей статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи вступлением в брак с потерпевшим». Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» оставил содержание примечания в неизменном виде.

Ранний сексуальный опыт очевидно вреден для психосоциального развития ребенка. Заключение брака с потерпевшей формально легализует лишь дальнейшие с ней интимные отношения, но никак не уменьшает того вреда, который уже причинен нормальному психосоциальному и физиологическому развитию несовершеннолетней. [Интернет издание «Юридическая газета» [Электронный ресурс] / URL.: <http://www.yur-gazeta.ru/article.php?n=281> (дата обращения 17.10.2017)].

В ходе проведенного общения были изучены уголовного дела за 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015 годы. Всего изучено 20 уголовных дел в отношении 20 лиц, при-

влеченных к уголовной ответственности и совершивших преступления в отношении 34 потерпевших лиц женского и мужского пола.

Из общего количества привлеченных к уголовной ответственности 20 человек — это лица мужского; потерпевшими 32 лица женского пола и 2 — мужского пола.

Виновные, как правило, посторонние лица, но трех случаях таковым был родной отец, в двух — неродной дед, в одном — сожитель сестры и в четырех случаях — преподаватель в школе.

В отношении 5 человек уголовные дела были прекращены, причем в отношении 2 — за примирением сторон, в отношении 1 — в связи с деятельным раскаянием, в отношении 1 — за непричастностью к совершению преступления и в отношении 1 — в связи с недостижением им возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Обобщение материалов судебной практики свидетельствует о необходимости введения квалифицированного состава: полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, находящимся в зависимом положении от виновного.

Субъектом данного преступления должно быть совершеннолетнее лицо, являющееся родственником по восходящей линии или имеющее какую-либо власть над потерпевшим в силу своего положения (воспитательное, педагогические, медицинские работники и т. д.).

Российское уголовное законодательство не предусматривает в качестве квалифицирующих признаков полового сношения и иных действий сексуального характера совершение указанных действий педагогом, родителем, лицом с использованием служебного положения, т. е. тех лиц, на которых возложены обязанности по воспитанию детей. В этой связи представляется необходимым дополнить статью 134 УК РФ квалифицирующим признаком, который будет предусматривать положения об уголовной ответственности за половое сношения и иных действий сексуального характера специальных субъектов — лиц, на которых возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетних.

Видим правильным включить в ч. 3 статьи 134 Уголовного кодекса РФ квалифицирующей признак: «Деяние, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в отношении двух и более лиц, а равно совершенные родителем или иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинского учреждения, организации оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанной осуществлять надзор за несовершеннолетним».

Подводя итог анализу признаков субъекта полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, целесообразно сформулировать следующие выводы.

Обобщение материалов судебной практики свидетельствует о необходимости введения квалифицированного со-

става, в следующей редакции: «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, находящимся в зависимом положении от виновного». Субъектом данного преступления должно быть совершеннолетнее лицо, являющееся родственником по восходящей линии или имеющее какую-либо власть над потерпевшим в силу своего положения (воспитательное, педагогические, медицинские работники и т. д.).

Под субъективной стороной преступления в науке уголовного права понимается психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления. Образую психологическое содержание общественно опасного деяния, субъективная сторона преступления является его внутренней (по отношению к объективной) стороне. Вопрос о содержании субъективной стороны преступления, точнее — о ее соотношении с виной, до сих пор является дискуссионным в юридической науке.

Применительно к половому сношению и иным действиям сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет, для отграничения состава преступления важную роль имеет прямой умысел лица, когда оно осознавало общественную опасность своих действий, предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, желало (а не допускало) наступление последствий. [Томин В. Т. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации. М.: Юрайт-Издат, 2007. с. 703.]

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины. Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ из диспозиции статьи исключено указание на заведомое знание о возрасте потерпевших. Ранее подобное изменение редакции уже произошло в ст. 131 и ст. 132 УК РФ, ввиду чего следует применять выработанные практикой применительно к данным статьям правила квалификации. Согласно им, в настоящее время не является обязательным установление достоверного знания виновного о возрасте потерпевших.

В то же время, следует учитывать возможность добросовестного заблуждения виновного о возрасте потерпевших (например, в силу того, что возраст потерпевшего лица приближается к 18-летию или в силу акселерации оно выглядит взрослее своего возраста). Судебная практика исходит из того, что исключение указания на «заведомость» из редакции статей Уголовного кодекса РФ не освобождает органы следствия от обязанности доказывания наличия у виновного лица умысла на совершение инкриминируемых ему действий. О возрасте потерпевшего лицо может судить как на основании достоверных сведений (например, если оно является её родственником, знакомым, соседом), так и на основании, например, внешнего облика.

Стоит отметить, что исключение признака заведомости, породило ряд точек зрения связанных с наличием неосторожности наряду с умышленной формой вины, а в частности небрежности.

Критерии небрежности: объективный (обязанность предвидеть общественно опасные последствия совершаемого деяния) и субъективный (возможность предвидеть

эти последствия при проявлении необходимой внимательности и предусмотрительности).

К примеру, совершеннолетний молодой человек познакомился с девушкой в ночном клубе, после чего они проехали к нему домой, где совершили половой акт в естественной форме по обоюдному согласию. По физиологическому окончанию полового акта, девушка показывает ему свой паспорт, согласно которому ей всего пятнадцать лет. Представляется возможным допустить, что данное деяние не может быть признано виновным, так как лицо, достигшее совершеннолетия, добросовестно заблуждалось относительно возраста потерпевшей и не могло осознавать того, что нарушает уголовный закон. Молодой человек встретил потерпевшую в клубе, который посещают лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста, как туда попала несовершеннолетняя, он не знает и, что является вполне естественным, он не стал спрашивать у неё документы, подтверждающие её личность и возраст.

В приведенном примере налицо неосторожная форма вины, однако, совершение данного преступления возможно только по прямому умыслу.

Полагаем, что вполне целесообразно, если будет доказана небрежность в конкретном деле, то её можно вменять обвиняемому. Исходя в первую очередь из того, что законодатель исключил критерий заведомости, значит делаем вывод, что он допускает наличие как умышленной, так и неосторожной формы вины.

Однако не стоит исчерпывать субъективную сторону исключительно формами вины, здесь надо разграничивать форму вины по отношению к деянию и суждения виновного лица о личности потерпевшего лица — умысел охватывает и суждения виновного относительно потерпевшего (в такой категории, как направленность умысла), но данный компонент субъективной стороны не характеризуется умыслом или неосторожностью, а характеризуется в уголовном праве качеством заведомости. Указанная позиция Верховного Суда СССР отражена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4, где также присутствовала формулировка «виновный знал или допускал». В связи с этим Дьяченко А. П. также отмечал то обстоятельство, что «малолетний или несовершеннолетний возраст потерпевшей — вовсе не последствие преступного деяния по отношению к субъекту, которому возможно вменение вины по неосторожности, а предусмотренное законом необходимое и особо квалифицирующее обстоятельство, характеризующее потерпевшую». [Цит. по: Дьяченко А. П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений. М.: Юристъ, 1995. с. 30.]

Так, неприемлемость позиции Верховного Суда РФ аргументировалась необоснованным включением в состав насильственного полового преступления элементов неосторожной формы вины, что противоречит самой сущности такого преступления. Но если говорить о насильственных преступлениях против половой свободы и

неприкосновенности личности, то наличия неосторожной форме вины вполне имеет место быть.

Подводя итог анализу признаков субъективной стороны полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, целесообразно сформулировать следующий вывод.

Литература:

1. Авдеева, М. В. Об усилении уголовной ответственности за сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних/М. В. Авдеев // Журнал российского права. — 2011. — № 4. — с. 21–24.
2. Боженюк, С. А. Квалификация преступлений против личности: учебное пособие/ С. А. Боженюк. — М.: Проспект, 2015. — 94 с.
3. Бочаров, Е. В. Эволюция норм об ответственности за половые преступления против несовершеннолетних/ Е. В. Бочаров // Актуальные вопросы юридической науки и практики, сборник научных трудов «ассоциации юристов России». — 2012. — № 3 — с. 12–16.
4. Бриллиантов., А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /А. В. Бриллиантов. — М.: Кнорус, 2012. — 324 с.
5. Уголовное дело № 1–135/2015. — 112 л. — Архив Калининского районного суда г. Тюмень.

Полагаю, что вполне правильно, если будет доказана небрежность в конкретном деле, то её можно вменить обвиняемому. Исходя в первую очередь из того, что законодатель исключил критерий заведомости, значит делаем вывод, что он допускает наличие как умышленной, так и неосторожной формы вины.

Особенности регулирования параллельного импорта лекарственных препаратов в Европейском Союзе

Нургалеев Марат Сабинович, аспирант

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва)

На уровне юридической доктрины, одобренной Комиссией ЕС, действует следующее определение параллельного импорта: параллельный импорт (parallel import) или параллельная торговля (parallel trade) связаны с продажей товаров, которые идентичны или существенно схожи с товарами, которые выводятся на рынок через официальные дистрибьюторские сети производителей или оригинальных поставщиков, но продаются за пределами таких сетей (часто параллельно с ними).

Параллельная торговля имеет потенциал в случае существенных различий в цене продаваемых товаров в разных странах — участницах ЕС и характерна для многих секторов экономики, в частности для сектора обращения лекарственных препаратов и препаратов для защиты растений (pharmaceuticals and plant protection products)».

Таким образом, параллельный импорт — понятие не совсем правовое, а, скорее, доктринальное, так как регулируется данная категория экономических и правовых отношений целым комплексом нормативно-правовых актов.

Ключевыми нормативно-правовыми актами ЕС, регулирующими параллельный импорт лекарственных препаратов, являются:

1) Договор о Европейском Союзе (Договор ЕС), статьи 28–29 которого устанавливают принципы общего рынка, и статья 30 — устанавливает исключения из применения принципов функционирования общего рынка (в

сводной версии Договора о Европейском Союзе и Договора о функционировании Европейского Союза это статьи 34–36 соответственно);

2) Договоры о присоединении отдельных стран-участниц к ЕС в части отступлений от принципа свободного движения товаров на внутреннем рынке ЕС;

3) Директива 2001/83/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС от 6 ноября 2001 года «О своде законов Сообщества в отношении лекарственных препаратов для человека» в части регулирования порядка вывода лекарственных препаратов на рынок ЕС;

4) Директива 2011/62/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС от 8 июня 2011 года о внесении изменений в Директиву 2001/83/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС от 6 ноября 2001 года «О своде законов Сообщества в отношении лекарственных препаратов для человека» для предотвращения попадания в дистрибьюторскую сеть фальсифицированных лекарственных препаратов;

5) Директива 89/104/ЕЭС Совета от 21 декабря 1988 года «О сближении законодательств государств-членов в отношении товарных знаков и знаков обслуживания» в части регулирования принципа исчерпания исключительных прав;

6) Информационное письмо Комиссии ЕС в отношении параллельного импорта лекарственных препара-

ратов, интеллектуальная собственность на которые защищена, и которые были допущены к обороту (1982 год) в части регулирования условий и ограничений параллельного импорта лекарственных препаратов в рамках единого товарного рынка ЕС;

7) Информационное письмо Комиссии ЕС в отношении параллельного импорта лекарственных препаратов, интеллектуальная собственность на которые защищена, и которые были допущены к обороту (2003 год) в части уточнения регулирования условий и ограничений параллельного импорта лекарственных препаратов в рамках единого товарного рынка ЕС.

Регулирование параллельного импорта в ЕС основывается на двух базовых принципах: принципе свободного движения товаров на внутреннем рынке ЕС и региональном принципе исчерпания исключительных прав внутри объединенного рынка ЕС. Суд ЕС неоднократно указывал на то, что к лекарственным препаратам применяются общие правила о допустимости параллельного импорта. Тем не менее в своих решениях он также отмечал, что определенные меры, ограничивающие параллельный импорт лекарственных препаратов, могут быть обоснованы с точки зрения защиты исключительных прав, а также защиты жизни и здоровья населения в соответствии с положениями Договора ЕС.

Статья 7 (1) Директивы 89/104/ЕЭС Совета от 21 декабря 1988 года «О сближении законодательств государств-членов в отношении товарных знаков и знаков обслуживания» указывает, что «право на товарный знак не позволяет правообладателю запрещать использование такого товарного знака при продаже товаров, которые были выведены на рынок Сообщества под соответствующим товарным знаком самим правообладателем или с его согласия». Такая формулировка означает, что внутри ЕС применяется принцип регионального исчерпания исключительных прав на товарный знак, так как в указанной выше Директиве идет речь о территории «Сообщества», то есть территории стран — участниц ЕС, а параллельный импорт из стран, не входящих в ЕС, запрещен.

Таким образом, если правообладатель впервые вывел товар на рынок за пределами территории ЕС, он вправе препятствовать продаже товара, маркированного принадлежащим ему товарным знаком, если такой товар импортируется в ЕС из стран, не являющихся участницами союзного договора. Иными словами, параллельный импорт лекарственного препарата, например, из Африки, считается в соответствии с законодательством ЕС незаконным, если на такой импорт не было получено согласие правообладателя.

В более широком смысле принцип исчерпания исключительных прав внутри ЕС также означает, что обладатель исключительных прав, который получил защиту в определенной стране — участнице ЕС в соответствии с ее национальным правом, не может на основании норм такого права и полученной защиты препятствовать импорту соответствующего товара из другой страны — участницы ЕС.

Иными словами, защита исключительных прав считается исчерпанной с момента первого вывода товара на рынок в любой из стран — участниц ЕС. Тем не менее принцип свободы торговли, а также национального исчерпания исключительных прав внутри ЕС исторически ограничивался для отдельных стран, вступающих в ЕС. Например, в 2004 году при присоединении к ЕС Кипра, Мальты, Чешской Республики, Венгрии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Словении и Словакии специальное положение было включено в статью 22 Договора о Присоединении (положение действовало для всех указанных стран, кроме Кипра и Мальты), которое ограничивало параллельный импорт некоторых лекарственных препаратов с территории присоединяющихся стран, т. к. в указанных странах (кроме соответственно Кипра и Мальты) не были приняты законы, обеспечивающие общепринятый в ЕС уровень защиты интеллектуальных прав на лекарственные препараты. Ранее подобное исключение также действовало для Испании и Португалии.

В частности, во всех указанных странах (кроме Кипра и Мальты) сравнимые с требованиями ЕС законы о патентной защите лекарственных препаратов появились только в начале 1990-х гг. При этом на Кипре и Мальте такие законы существовали дольше, поэтому к указанным странам специальные оговорки о параллельном импорте не применялись. Включенные в указанный выше Договор о Присоединении оговорки, касающиеся ограничения параллельного импорта определенных категорий лекарственных препаратов, были сконструированы следующим образом. Патентообладатель или обладатель прав на так называемый дополнительный охранный сертификат (supplementary protection certificate), который получил соответствующий патент или сертификат на лекарственный препарат в одной из стран — участниц ЕС в период, когда в Чешской Республике, Эстонии, Латвии, Литве, Венгрии, Польше, Словакии или Словении соответствующие права не могли быть защищены, был вправе препятствовать параллельному импорту соответствующего лекарственного препарата из указанных восьми стран, если на момент обращения за получением соответствующего патента или охранный сертификат в одной из действующих стран — участниц ЕС в соответствующей присоединяющейся стране отсутствовала эквивалентная защита интеллектуальных прав.

В теории данный механизм может быть проиллюстрирован следующим образом. Заявление на получение патента было подано в Великобритании в 1992 году, а патент получен в 1998 году, при этом препарат был впервые зарегистрирован в ЕС в 2000 году в Эстонии, однако, в 1992 году отсутствовала патентная защита каких-либо лекарственных препаратов. Патент, выданный на лекарственный препарат в Великобритании, истекает в 2012 году, а выданный в Великобритании охранный сертификат истекает в 2015 году. Таким образом, лекарственный препарат не может быть ввезен параллельным импортером в Великобританию до 2015 года.

Если лекарственный препарат получает наднациональную регистрацию, регистрационное удостоверение на такой препарат описывает форму выпуска, тип и размер упаковки, а также первичную упаковку препарата и информацию, которая должна быть указана на первичной и вторичной упаковке препарата. Суд ЕС указал, что детализированные требования к упаковке, направленные на то, чтобы исключить риск введения в заблуждение потребителей, и таким образом защитить права и интересы пациентов в области здравоохранения, не допускают последующей возможности изменения установленной упаковки и изменения маркировки препарата. Однако Суд ЕС также отметил, что изготовление новой упаковки допускается, если переупаковка очевидно необходима для того, чтобы импортированные препараты получили доступ на рынок одной из стран — участниц ЕС. Таким образом, при регистрации препарата через «централизованную процедуру», параллельный импортер вправе осуществлять только самые простые и необходимые операции по переупаковке (например, перевод листка-вкладыша, маркировку на другом языке). Параллельный импорт в этом случае требует обязательного уведомления правообладателя, национальных регулирующих органов ЕС и Европейского агентства по оценке лекарственных средств (ЕМА). Европейское агентство по оценке лекарственных средств проверяет соответствие параллельно импортируемого препарата законодательным требованиям ЕС и данным регистрационного досье, а национальные регулирующие органы осуществляют надзорные функции (идентификацию партий препарата, соблюдение требований фармаконадзора и т. д.). Если параллельный импортер нарушает какие-либо из указанных выше требований, национальные надзорные органы могут отозвать товар с рынка, приостановить лицензию на продажу лекарственных средств и так далее.

В случае национальной регистрации лекарственных препаратов также установлены специальные правила для авторизации параллельного импорта. Так, в соответствии с судебной практикой ЕС, национальные контрольные органы не вправе требовать от параллельного импортера прохождения повторной полной процедуры регистрации лекарственного препарата (к такому препарату будет применяться упрощенная процедура получения разрешения/лицензии для вывода на рынок), если параллельно импортируемый препарат:

- а) надлежащим образом зарегистрирован в экспортирующей стране,
- б) существенным образом схож с препаратом, уже зарегистрированным в импортирующей стране.

При этом судебная практика ЕС также перечисляет критерии, определяющие, что препараты являются существенно схожими. В частности, такие препараты должны производиться по одной технологии, полученной от одного правообладателя и в соответствии с одной и той же формулой, а также содержать одно и то же активное вещество и иметь одинаковый терапевтический эффект.

В то же время возможно возникновение ситуации, когда национальная регистрация препарата внутри импортирующей страны прекращается, что может создавать определенные последствия для разрешения/лицензии на параллельный импорт (parallel imports licence). Так, в частности, если регистрация прекращается по формальным основаниям, не связанным с обеспечением безопасности жизни и здоровья пациентов, то разрешение на параллельный импорт может сохранить свою силу. Такая ситуация может возникнуть в случае, если старая версия препарата прекращает обращение на рынке импортирующей страны (в то время как на рынке экспортирующей страны регистрация действует, и старая версия препарата находится в свободном обращении), и на рынок импортирующей страны выводится новая версия препарата.

Разбирая подобную ситуацию, суд ЕС указал, что прекращение/отзыв регистрационного удостоверения на старую версию препарата не должны автоматически приводить к прекращению действия лицензии на параллельный импорт, если безопасность и эффективность старой версии препарата не ставятся под сомнение самим фактом отзыва регистрационного удостоверения на старую версию препарата в импортирующей стране. Тем не менее суд также указал, что ограничение параллельного импорта может быть оправдано, если компетентные органы импортирующей страны приходят к выводу, что одновременное наличие на рынке двух версий препарата может создать риски для здоровья пациентов.

В некоторых случаях, если национальное право страны — участницы ЕС устанавливает требования к типу и размеру упаковки, а также языку маркировки и инструкции по применению препарата, для вывода препарата на рынок параллельным импортером требуется переупаковка такого препарата и повторное нанесение на такую упаковку товарного знака производителя (или уполномоченного им лица).

По общему правилу в ЕС действует национальный принцип исчерпания исключительных прав на товарный знак внутри границ общего рынка. Тем не менее Директива 89/104/ЕЭС Совета от 21 декабря 1988 года «О сближении законодательств государств-членов в отношении товарных знаков и знаков обслуживания» допускает отступление от данного принципа и наделяет правообладателя товарного знака правом препятствовать вводу товара в обращение, если при его переупаковке/выводе на рынок третьим лицом изменяется или ухудшается первоначальное качество товара.

Прецедентное право ЕС разработало ряд правил и принципов в отношении пределов реализации права оригинального производителя запрещать параллельному импортеру использование такого товарного знака. Позднее указанные принципы были дополнены положениями Директивы 2011/62/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС от 8 июня 2011 года о внесении изменений в Директиву 2001/83/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС от 6 ноября 2001 года «О своде законов Сообщества в отно-

шении лекарственных препаратов для человека» для предотвращения попадания в дистрибьюторскую сеть фальсифицированных лекарственных препаратов.

В частности, обладатель прав на товарный знак не может препятствовать параллельному импорту лекарственных препаратов, если:

— реализация права на защиту товарного знака будет способствовать искусственному разделению рынка внутри ЕС;

— переупаковка препарата не может негативным образом повлиять на оригинальное качество такого препарата;

— внешняя упаковка параллельно импортированного препарата содержит указание на то, кто является производителем оригинального препарата, а кто переупаковщиком;

— в результате переупаковки препарата не создается рисков для репутации производителя препарата или репутации бренда;

— обладатель прав на товарный знак заранее получает от параллельного импортера уведомление о начале продаж и образцы переупакованного препарата на проверку.

Согласно подходу, выработанному судебной практикой ЕС, параллельный импортер обязан идентифицировать себя. В этой связи новая упаковка препарата должна однозначно указывать, кто произвел переупаковку, а также содержать наименование производителя. При этом соответствующие сведения должны быть напечатаны таким образом, чтобы они были понятны обычному человеку. Если при этом оригинальная упаковка препарата чем-то дополняется (например, спреем, который не производится/не выводится на рынок обладателем прав на товарный знак), параллельный импортер должен четко идентифицировать такое дополнение, чтобы исключить возможное впечатление о том, что обладатель прав на товарный знак несет ответственность за такое дополнение.

Согласно подходу, выработанному судебной практикой ЕС, при параллельном импорте должна защищаться репутация оригинального бренда. В частности, прецедентное право ЕС указывает, что внешний вид переупакованного препарата не должен быть направлен на то, чтобы нанести ущерб репутации правообладателя или принадлежащего ему товарного знака.

Новая упаковка параллельно импортированного препарата не должна иметь дефектов, должна иметь надлежащее качество и целостность и не должна быть неаккуратно выполнена. При этом суд, оценивая индивидуальные обстоятельства дела, решает, может ли нанести ущерб репутации правообладателя или принадлежащего ему товарного знака такое нарушение целостности оригинальной упаковки, в результате которого происходит включение в одну внешнюю упаковку одновременно оригинальной упаковки и неупакованных незакрепленных блистеров или в результате которого происходит обрезание оригинальной блистерной упаковки.

В настоящий момент пункт 16 раздела V приложения 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе — ЕАЭС (подписан в г. Астане 29 мая 2014 года) устанавливает следующий принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак ЕАЭС: «на территориях государств-членов применяется принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза, в соответствии с которым не является нарушением исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза использование этого товарного знака, товарного знака Союза в отношении товаров, которые были правомерно введены в гражданский оборот на территории любого из государств-членов непосредственно правообладателем товарного знака и (или) товарного знака Союза или другими лицами с его согласия».

Данное регулирование возникло не само по себе, а стало результатом разумного компромисса между законодательствами стран — участниц ЕАЭС, который был достигнут уже на ранних этапах интеграции. Так, в 2010 году, когда было принято решение о создании Единого экономического пространства в дополнении к уже существующему Таможенному союзу, одним из ключевых аспектов стала охрана и защита исключительных прав. В этой связи было разработано Соглашение о единых правилах и принципах охраны и защиты прав интеллектуальной собственности, подписанное Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан. До подписания указанного соглашения в перечисленных трех странах действовали различные системы исчерпания прав на товарный знак: в Беларуси и России — национальный принцип, в Казахстане — де-факто международный принцип, при котором любой ввоз брендовых товаров из любой страны не требует согласования с правообладателем. Тем не менее для целей защиты внутреннего рынка нового интеграционного объединения было принято решение о закреплении в международных договорах ЕАЭС регионального принципа исчерпания прав на товарный знак. Таким образом, в ЕАЭС на сегодняшний день параллельный импорт из третьих стран запрещен, а принцип исчерпания прав на товарный знак регулируется по аналогии с законодательством ЕС.

В рамках Евразийской экономической комиссии действует специальная рабочая группа по выработке предложений в отношении дальнейшего применения принципа исчерпания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности (далее — Рабочая Группа ЕЭК). Рабочая Группа ЕЭК в рамках заседания в марте 2015 года подтвердила основные цели ЕЭК, к которым относится защита внутреннего инвестора и производителя, в том числе с помощью регионального принципа исчерпания прав, а также создание условий (в рамках политики импортозамещения) для развития собственного производства. В то же время Рабочая Группа ЕЭК обсудила возможность установления исключений из применения регионального принципа в отношении отдельных категорий товаров на временной или постоянной основе.

Такие исключения возможны для тех товаров, которые доступны на внутреннем рынке ЕАЭС в недостаточном количестве, качестве, по завышенным ценам, а также в случаях, обусловленных иными государственными интересами (например, для борьбы с недобросовестной конкуренцией). В соответствии с состоявшимся обсуждением решения об установлении исключений должны приниматься Евразийским межправительственным советом или Советом ЕЭК. Принятию решений о выборе категорий товаров должен предшествовать детальный анализ ситуации на конкретных товарных рынках. В частности, должен быть проведен анализ конкуренции, оценка наличия и масштабов локализованных производств, социальной значимости товаров и т. д. Такой анализ должен проводиться ЕЭК совместно с органами государств — участников ЕАЭС, уполномоченными в сфере антимонопольного регулирования, выработки промышленной и торговой политики, а также органов защиты прав потребителей. При этом критерии и механизмы определения категорий товаров, а также методику анализа необхо-

димо разработать и закрепить в отдельном документе, утверждаемом ЕЭК.

Наиболее приемлемо придерживаться позиции параллельных импортеров за международный принцип исчерпания права, так как данный принцип максимально содержит в себе как интересы потребителей, так и правообладателей, и параллельных импортеров. С одной стороны он позволяет правообладателям получить полагающуюся им прибыль за реализацию товаров на рынке, а также никаким образом не умаляет их права на само средство индивидуализации, защищая их от контрафакта. С другой стороны, данный принцип дает возможность развития малого и среднего бизнеса, которого не хватает именно в нашей стране, а также международный принцип исчерпания позволяет вести нормальные конкурентные отношения, принятые во всем мировом сообществе.

Также данный принцип наделяет покупателя возможностью реального выбора удобного ему продавца, как в плане ценовой политики, так и в плане ассортимента и качества товара [1].

Литература:

1. Мария Борзова. Регулирование параллельного импорта лекарственных препаратов: зарубежный опыт // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике, май 2015, с. 6

Понятие и система государственной службы в Российской Федерации

Панова Наталья Евгеньевна, магистрант
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Государственная служба как один из видов государственного управления сложилась еще в конце XX века. В соответствии с Федеральным законодательством РФ государственной службе в России отводится достаточно значимая роль, именно она призвана управлять политической и социально-экономической сферами жизнедеятельности государства, способствовать укреплению государственности и проводить максимально эффективное реформирование общества.

В качестве правовой основы данного вида службы в законодательстве Российской Федерации можно назвать в первую очередь Конституцию РФ, Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ, и ряд других федеральных законов и нормативно-правовых актов Российской Федерации. Кроме того, нормативную основу также составляют конституции, законы, уставы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации.

Указом Президента в 2002 году был издан нормативный акт, который был направлен на совершенствование практически всех основ государственной службы (организационных, правовых, финансовых и методических). Необходи-

мость в подобных реформах назрела не только в связи с оттоком наиболее квалифицированных кадров из государственного аппарата в негосударственный (коммерческий) сектор экономики, где уровень материального вознаграждения за труд на сегодняшний день существенно выше, но и была обусловлена слабыми механизмами для профилактики коррупции в рядах чиновничества, а также борьбы с ней.

Термин «государственной службы» относится к одному из основных понятий административно-правового законодательства. Федеральным законом от 31 июля 1995 года «Об основах государственной службы Российской Федерации» (на данный момент утратил силу) были нормативно закреплены термин и понятие государственной службы. В соответствии с этим законом под государственной службой понималась «профессиональная деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий государственных органов, а также лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Федерации». С течением времени понятие государственной службы стало приобретать более широкое значение и определяться как

вид деятельности работников государственных организаций, осуществляемый на профессиональной основе.

Одной из важных правовых характеристик государственной службы является осуществление гарантий и норм Конституции РФ, таких, например, как право граждан России на равный доступ к государственной службе. Это право реализуется гражданами, как при поступлении на государственную службу, так и при ее прохождении в соответствии с действующим законодательством.

Изначально государственная служба классифицировалась исключительно по уровням (на федеральную и по субъектам Российской Федерации). Однако для современной организации государственной службы характерна другая, можно сказать, абсолютно новая система, установленная Федеральным законом «О системе государственной службы Российской Федерации», и имеющая свою видовую классификацию. То есть, государственная служба подразделяется на три вида — гражданскую, военную и правоохранительную. При этом из перечисленных видов службы, государственная гражданская служба в свою очередь также подразделяется еще на два уровня: федеральную государственную гражданскую службу и государственную гражданскую службу субъектов Российской Федерации. Военная и правоохранительная службы наряду с государственной гражданской службой считаются видами федеральной государственной службы. Как особый вид служебных отношений, некоторые исследователи выделяют муниципальную службу, которая не относится к видам государственной службы, однако является вполне самостоятельной.

Федеральными законами о видах государственной службы и многими иными нормативными правовыми актами Российской Федерации регулируются особенности каждого из этих видов службы, и регламентируется специальный административно-правовой статус государственных гражданских служащих, военнослужащих, сотрудников правоохранительной службы.

Для построения государственной службы и для выполнения задач и функций, возложенных на неё, федеральным законодательством Российской Федерации были установлены принципы, обеспечивающие её функционирование:

1. Федерализм. Данный принцип обеспечивает единство системы государственной службы и соблюдение разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации в соответствии с Конституцией РФ.

2. Законность. Под данным принципом подразумевается обязанность исполнительных органов и должностных лиц строго соблюдать законы и иные нормативные правовые акты при осуществлении своих задач и функций. При этом, всякое правонарушение неизбежно должно повлечь за собой привлечение к ответственности виновных лиц.

3. Взаимосвязь государственной и муниципальной службы. Этот принцип реализуется через единство ос-

новных квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы и должностей муниципальной службы, требований к профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации государственных гражданских служащих и муниципальных служащих. Кроме того, можно соотнести также основные условия пенсионного обеспечения и оплаты служебной деятельности, а также социальных гарантий.

4. Приоритет прав и свобод человека и гражданина. Данный принцип достаточно новое явление в российском законодательстве и подразумевает под собой в первую очередь надежную защиту гражданина от произвола органов государства и его работников.

5. Равный доступ граждан к государственной службе. Сущность данного принципа заключается в том, что не может быть каких бы то ни было прямых или косвенных ограничений в зависимости от расы, пола, национальности, языка, социального происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, наличия или отсутствия гражданства субъекта Федерации, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям при приеме на государственную службу. Однако Федеральным законодательством устанавливаются определенные требования для лиц, желающих занять должность государственной службы, из них к обязательным относятся: владение государственным языком РФ и достижение определенного возраста.

6. Профессионализм и компетентность государственных служащих. Профессионализм означает исполнение государственным служащим своих должностных обязанностей постоянно (в течение определенного времени) по приобретенной профессии за регулярно получаемое вознаграждение, проявляя при этом глубокое и всестороннее знание правил и процедур, владение практическими навыками в определенной сфере деятельности. Компетентность отражает объем знаний и опыт работника. В период проведения глубоких социально-экономических и политических реформ, значение профессионализма и компетентности постоянно возрастает.

7. Единство правовых и организационных основ государственной службы. Как на федеральном, так и на уровне субъектов Федерации должен быть законодательно закреплён единый подход к организации службы. Конечно, в рамках своей компетенции, субъекты Федерации, имеют право самостоятельно определять структуру своих органов власти, органов по вопросам государственной гражданской службы и осуществлять кадровую политику. Тем не менее, в основе должна быть общероссийская система государственных должностей, классов чинов, единый порядок прохождения государственной гражданской службы.

8. Открытость государственной службы, её доступность контролю общественности. Деятельность государственных служащих не должна быть скрытой от общества, потому что это важная часть эффективности функционирования государственного аппарата. Кроме

того, это основа реализации статьи 15 Конституции РФ, которой установлено, что законы подлежат обязательному опубликованию, законы, которые не опубликованы применятся не могут. Таким образом, любые нормативно-правовые акты, которые затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Из сказанного напрашивается вывод, что гласность и официальное освещение деятельности органов государственной власти в СМИ — это действительный контроль и возможность критики государственных служащих. Однако, как показывают недавние события в Ступино с индивидуальным предпринимателем Константином Фокиным, за реализацию своего права присутствовать на заседании совета местных депутатов, установленную статьями 6 и 15 Федерального закона № 8 от 09.02.2009 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», в условиях Российской действительности приходится бороться.

9. И последний, но не по значимости — это принцип защиты самих государственных служащих от незаконного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность. Данный принцип необходим, в первую очередь, для исключения фактов коррупции и принятия непропорциональных решений.

Учитывая особенности функционирования разных видов государственной службы, законодательно могут быть предусмотрены и другие принципы их построения и функционирования. Реализация же вышеперечисленных принципов обеспечивается федеральными законами о видах государственной службы. Рассмотрим ниже в общих чертах федеральные законы по видам государственной службы.

В соответствии с Федеральным законом от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» *государственная гражданская служба* — вид государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях государственной гражданской службы по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации. Данный Федеральный закон в полной мере устанавливает и определяет основы государственной службы, её правовой и организационной систем, закрепляет общие правила государственной службы России, которые должны применяться при правовом регулировании всех видов и уровней службы (ФЗ от 27.05.2003 № 58-ФЗ).

Поступление гражданина на гражданскую службу или замещение гражданским служащим другой должности гражданской службы осуществляется, как правило, по результатам конкурса. Федеральным законом устанавливается

закрытый перечень, в соответствии с которым конкурс на замещение должности гражданской службы может не проводиться.

По своей сути профессиональная служебная деятельность государственного служащего направлена в первую очередь на осуществление государственных задач и функций, будучи выражением скорее публичной власти, а не власти лиц, которые замещают «конституционные» должности. При этом, естественно, объем полномочий государственного служащего меньше.

В соответствии с законом «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 г. *военная служба* — особый вид федеральной государственной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации и во внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации, в инженерно-технических, дорожно-строительных воинских формированиях и в спасательных воинских формированиях, Службе внешней разведки Российской Федерации, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки, воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формированиях. Особенностью данного вида государственной службы является то, что проходить военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации и воинских формированиях могут также и иностранные граждане.

Следующий вид государственной службы — это *правоохранительная служба*. Данный вид службы представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, борьбе с преступностью, защите прав и свобод гражданина. В настоящее время к правоохранительной службе относятся служба: в органах внутренних дел, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, таможенных органах и т. д. Правовую основу государственной службы в органах внутренних дел составляет Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ, Федеральный закон от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».

Для военной и правоохранительной службы характерной особенностью является то, что многие вопросы службы регулируются уставами, положениями о конкретных органах и их структурных подразделениях, предназначенных для выполнения специфических задач и функций.

Как уже упоминалось выше, *муниципальная служба* — это особый вид службы, представляющий собой профессиональную деятельность в органах местного самоуправления по исполнению их полномочий. Правовую основу муниципальной службы составляет Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 16.07.2005 № 116-ФЗ.

Федерации» от 02.03.2007 № 25-ФЗ. В первую очередь, специфика данного вида службы заключается в её особом статусе как профессиональной деятельности, которая осуществляется на постоянной основе на муниципальной должности, не являющейся выборной.

По факту муниципальная служба не относится к государственной. Во-первых, потому, что муниципальная служба представляет собой профессиональную деятельность граждан, осуществляемую на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта). Во-вторых, для муниципального служащего нанимателем является муниципальное образование. При этом, представителем нанимателя может быть руководитель органа местного самоуправления, глава муниципального образования, или иное лицо, имеющее полномочия исполнять обязанности представителя нанимателя.

Кроме того, можно выделить следующие различия статуса муниципального и государственного служащего:

— деятельность муниципального служащего финансируется за счет средств местного бюджета. Денежное вознаграждение государственных служащих осуществляется из средств федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ;

— нормативно-правовую основу статуса муниципального служащего по большей части определяется законами субъектов РФ, компетенция федерального законодательства в этой сфере ограничена. Например, реестры муни-

ципальных должностей утверждаются Законами субъектов РФ. Кроме того, только законом субъекта РФ может быть установлен порядок прохождения муниципальной службы.

Однако, муниципальную службу, не смотря на наличие существенных отличий от государственной, можно в какой-то степени трактовать как вид государственной службы. Потому, как и отличия, в нормативно-правовом регулировании муниципальной и государственной службы можно выделить и общие особенности. Например, ограничения, связанные с муниципальной службой и статусом государственного гражданского служащего, установленные Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации», преимущества и социально-правовые льготы, которые законодательно устанавливаются для государственных служащих. И муниципальный, и государственный служащий имеют правовое положение должностного лица, и их обязанности и права совпадают полностью. И те, и другие наделены властными полномочиями.

Подводя черту, можно сделать вывод, что в целом современная система государственной службы учитывает не только федеративное устройство страны, но и специфику условий гражданской, военной и правоохранительной службы. Муниципальная же служба в систему государственной не входит и требует своего правового регулирования.

Лицензирование в сфере пассажирских автобусных перевозок как гарантия безопасности пассажиров

Пеньшин Николай Васильевич, кандидат экономических наук, доцент;

Попова Елена Васильевна, магистрант

Тамбовский государственный технический университет

В статье рассматриваются вопросы функционирования системы лицензирования в Российской Федерации, а также ее проблематика.

Ключевые слова: лицензирование, лицензия, автомобильный транспорт, лицензионные требования, перевозки пассажиров, заказные перевозки, аварийность

Действующая в России система лицензирования как метод государственного контроля и надзора в отношении деятельности по перевозке пассажиров направлена, прежде всего, на повышение безопасности пассажиров, снижение аварийности на дорогах, предоставляя возможность пользоваться транспортным средством исключительно профессионалам. По мнению ученых В. П. Бычкова, И. А. Венгерова [1,3], необходимость государственного регулирования данного вида деятельности объясняется целым рядом причин. Только государственные органы вправе устанавливать и контролировать нормы, стандарты и правила в области охраны окружа-

ющей среды, безопасности движения, условий труда на транспорте, а также единые технические стандарты, финансировать и организовывать постоянную работу в области повышения безопасности транспорта, снижения вредных воздействий транспорта на окружающую среду, контроля выполнения соответствующих требований [2]. Лицензирование — основной инструмент регулирования автотранспортной деятельности в условиях рынка, которое должно допускать на рынок транспортных услуг подготовленного перевозчика [4].

С 1992 года по 2012 год нормативно-правовая база документов, устанавливающая перечень лицензионных тре-

бований при осуществлении перевозок автотранспортом менялась пять раз. С каждым документом этот перечень расширялся и корректировался, менялись виды работ (деятельности), сроки действия лицензии, требования к предоставляемым документам и т. д.

Если раньше, до 2001 года лицензирование распространялось на весь комплекс автомобильного транспорта, кроме силовых ведомств и государственному регулированию к тому времени подвергалось более 95% всех хозяйствующих субъектов РФ, то с принятием новых Федеральных законов был определен новый порядок лицензирования, связанный только с коммерческой деятельностью предприятий.

В настоящее время основным законодательным актом в сфере лицензирования является Федеральный закон от 04.05.2011 г. N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». Статья 12 данного закона предусматривает в перечне видов деятельности, на которые требуются лицензии, деятельность по перевозкам пассажиров автомобильным транспортом, оборудованным для перевозок более восьми человек (за исключением случая, если указанная деятельность осуществляется по заказам либо для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя) [5].

Согласно установленным нормам законодательства, перевозки пассажиров имеют право осуществлять юридические лица или частные предприниматели, получившие документ (лицензию), позволяющий осуществлять это право. Организация перевозки пассажиров требует от искателей лицензии, в дальнейшем лицензиатов, серьезного подхода и качественного обеспечения данной деятельности: аналитического (исследование пассажиропотоков, разработка маршрутов и т. д.); административного (контроль за уровнем профессиональной подготовки водителей и квалификации остальных сотрудников, организация труда и отдыха водителей); технического (подготовка и экипировка транспорта; прохождения необходимого технического обслуживания и т. д.). Таким образом, наличие лицензии у перевозчика является неким гарантом безопасности для пассажиров, знаком того, что предприниматель или организация сделали все необходимое для максимального улучшения уровня предоставляемых ими услуг.

К большому сожалению, не все перевозчики, осуществляющие перевозки людей, готовы пойти на существенные затраты для обновления транспортного парка, ведения всей необходимой документации и соблюдения действующей нормативно-правовой базы. Соответственно растет рынок нелегальных перевозок. Перевозчики пользуются лазейками, имеющимися в федеральном законодательстве: раньше там было четко определено, что такие заказные перевозки, например транспортировка сотрудников предприятия или перевозка экскурсионных групп. Сейчас круг расширился, и мы наблюдаем насыщение регионов нелегальными компаниями, которые маскируются под заказные, но работают как регулярные. Чтобы открыть легальный автобусный маршрут перевозчику не-

обходимо привести в соответствие документацию, закупить транспорт, либо отремонтировать имеющийся, организовать технический и медицинский контроль, выиграть тендер на маршрут, согласовать его с надзорными органами. Заказным автобусам всего лишь достаточно иметь документы на машину и список пассажиров. Так, проще, дешевле и выгоднее. В итоге добросовестный законопослушный перевозчик недополучает пассажиропоток, у него уменьшается прибыль, соответственно он меньше платит отчисления в бюджет.

В последнее время «зоной повышенного риска» активно становится сектор малого бизнеса, особенно индивидуальные предприниматели, у которых нет ни необходимой производственной базы, ни квалифицированных специалистов, но зато оформлены фиктивные договоры на проведение технических обслуживаний и медицинских осмотров. Такие перевозчики пытаются экономить на всем: принимают на работу неквалифицированных сотрудников, обслуживают автобусы не в сертифицированных центрах, а в нелегальных гаражах, увеличивают интенсивность рабочего времени водителей, не заботятся об обновлении подвижного состава, его техническом состоянии, а значит, подвергают опасности пассажиров, которые пользуются их услугами, и повышают вероятность аварийности на дороге.

Перевозчиков-нелегалов не пугают даже штрафные санкции, предусмотренные законодательством. Сумма штрафа разная для каждой категории нарушителей и составляет: 50 тысяч рублей для должностных лиц 100 тысяч для индивидуальных предпринимателей, 400 тысяч — самая большая сумма предусмотрена для юридических лиц. Если нарушение происходит не в первый раз, то в дополнение к сумме штрафа у граждан и индивидуальных предпринимателей могут конфисковать автомобиль, а юридическим лицам еще и приостановить предпринимательскую деятельность (до 90 дней). Уголовная ответственность наступает в том случае, если нелегальная деятельность: причинила крупный ущерб — гражданам, предприятиям, организациям или государству; связана с незаконным получением доходов в больших размерах.

Необходимо отметить, что штрафные санкции — не самоцель инспекторских проверок и не конечное требование законодателей. Скорее способ обязать перевозчиков действовать на рынке транспортных услуг по правилам, соблюдая российское транспортное законодательство, а также сформировать в предпринимательской среде такую психологию, которая связывает воедино коммерческий успех и интересы потребителя, общества, государства.

Из-за того, что граждане не всегда могут увидеть разницу между легальными и нелегальными перевозчиками, незаконная перевозка пассажиров для них имеет неблагоприятные последствия. Частные автовладельцы нередко видят сферу пассажирских перевозок как привлекательный и простой автотранспортный бизнес. Для того, чтобы защитить себя от таких рискованных поездок, прежде всего, потребитель-потенциальный пассажир должен убедиться, что организация имеет необхо-

димую лицензию. Информация о лицензии должна быть размещена в доступном месте (салоне автобуса, сайте организации и т. п.) Только наличие лицензии может доказать профессиональную пригодность юридических и физических лиц.

В свое время законодатели отменили лицензирование на многие виды деятельности из-за благой цели — убрать бюрократические препоны на пути бизнеса. Однако последствия этого обернулись большими проблемами: возросшей аварийностью, неуправляемостью рынка транспортных услуг, невозможностью осуществления надлежащего контроля и надзора.

Литература:

1. Бычков, В.П. Предпринимательская деятельность на автомобильном транспорте: Учеб.-практич. пособ. — СПб.: Питер, 2004. — 448 с.: с ил.
2. Кушлин, В.И. Государственное регулирование рыночной экономики / В.И. Кушлин, Н.А. Волгин. — М.: Экономика, 2001. — 734 с.
3. Материалы третьей Всероссийской практической конференции по вопросам обеспечения безопасности дорожного движения 6–7 декабря 2000 года, 2000. — 260 с.
4. Пеньшин, Н.В. Основы государственного регулирования автотранспортной деятельности/ Тамбов: Вестник ТГТУ, 2005. — 80 с.
5. Федеральный закон от 04.05.2011 г. N 99-ФЗ (ред. от 29.07.2017 г.) «О лицензировании отдельных видов деятельности».

Проанализировав данные по динамике роста основных показателей аварийности на пассажирском транспорте, мы приходим к выводу о назревшей необходимости внесения изменений в действующую систему лицензирования, предполагающих возвращение лицензирования в сфере всех видов пассажирских автоперевозок. Это своевременная и необходимая мера, вкуче с повышением ответственности за нарушение правил дорожного движения, по нашему мнению, распространит лицензионные требования и условия, как на регулярные, так и на заказные перевозки, создаст равные условия для работы всех перевозчиков, обезопасив тем самым потенциальных пассажиров.

Формы защиты прав потребителей в сфере дистанционной торговли

Пимаева Олеся Алексеевна, магистрант

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В представленной статье автором сделана попытка разяснить формы защиты прав потребителей в сфере дистанционной торговли.

Ключевые слова: дистанционная торговля, защита права, формы защиты, механизм защиты

Законодательство о защите прав потребителей имеет своей целью создавать дополнительные правовые гарантии соблюдения прав и интересов граждан-потребителей, т. е. субъектов, которые находятся в неравном положении с контрагентами с учётом экономических условий, уровня образования, покупательной способности. Цель защиты более слабой стороны правоотношений может быть достигнута при помощи гражданско-правовых средств. С того момента, как продавец (исполнитель) нарушил конкретное право потребителя, перед последними встает вопрос о выборе формы защиты. Под формой защиты прав следует понимать комплекс особых процедур, которые осуществляются органами правоприменения и самим управомоченным лицом, с целью восстановить нарушенное право.

Механизм защиты прав потребителей включает разные средства, особое значение среди которых отводится юрис-

дикционным и неюрисдикционным формам защиты. Действия по защите прав, совершаемые самостоятельно, т. е. не обращаясь к государственным и иным компетентным органам, носят название «неюрисдикционная форма защиты» [10]. По мнению А. С. Кузьменко данная форма — это своего рода мера оперативного воздействия [13]. К примеру, законодатель наделил покупателя правом отказа от товара в любое время до того, как он (товар) будет передан или в течение 7 дней после передачи.

В ситуации, когда продавец не проинформировал потребителя о сроках возврата товара, в том числе надлежащего качества и не предоставил такую информацию в письменной форме, когда товар был доставлен, то покупатель имеет право, в течение 3 месяцев, отказаться от товара. Следует помнить, что отказ возможен, если покупатель сохранил документы, подтверждающие факт покупки товара, а также его потребительские свойства.

Возвращая товар надлежащего качества следует составлять накладную или акт о возврате товара. Нельзя отказываться от товара, обусловленного индивидуально-определенными свойствами, т. е. товар не может использоваться никем другим, кроме приобретающего его лица.

Отсутствие документов, подтверждающих факт приобретения товара, не лишает потребителя возможности предоставить иные доказательства приобретения товара.

Если всё-таки потребитель приобрёл товар ненадлежащего качества, то законодатель наделяет такого потребителя правом потребовать от продавца:

- безвозмездного устранения недостатков товара или возмещения расходов по их устранению;
- соразмерного уменьшения покупной цены;
- замены на товар аналогичной марки (или другой марки) с соответствующим перерасчетом покупной цены.

Кроме прочего, покупатель имеет право на отказ от исполнения договора и возврат уплаченных за товар денежных средств.

В случае если покупатель при нарушении его субъективных гражданских прав не может применить по отношению к продавцу неюрисдикционные формы защиты, он применяет юрисдикционные формы. Под юрисдикционной формой защиты следует понимать защиту гражданских прав, осуществляемую государственными или уполномоченными государством органами [10]. Данной форме свойственны два порядка защиты: общий (судебный) и специальный (административный) [9].

Основной закон страны гарантирует гражданам равный доступ к судебной защите. В ст. 47 Конституции РФ регламентировано, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом [1]. Данное конституционное положение находит воплощение в ст. 3 ГПК РФ, в которой говорится о том, что заинтересованное лицо имеет право обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов [1].

Судебная защита прав потребителей — это одна из важных гарантий охраны прав, способная обеспечивать гласность и объективность решения конфликтных ситуаций, строжайшее соблюдение норм как материального, так и процессуального характера [18].

Требованиям потребителя присущ гражданско-правовой, преимущественно, материальный характер, выражающий личную заинтересованность, основанную на том, что другая сторона не выполнила свои обязательства. Потребитель имеет право обращаться в судебные органы относительно нарушений любого его права, которое установлено на уровне законодательства и подлежит судебному рассмотрению.

Следует отметить, что при дистанционной торговле, как и при стационарной розничной торговле, к продавцу, если им нарушены условия заключенных договоров розничной купли-продажи, применяется имущественная ответственность. При этом ответственность за имущественные пра-

вонарушения при дистанционной торговле является договорной.

В литературе по исследуемой проблематике многие авторы предлагают условно подразделять гражданские правонарушения, которые связаны с исполнением продавцом договора дистанционной продажи товаров, на 8 видов:

- 1) заказ игнорируется;
- 2) представляется ложная информация о наличии товара на складе;
- 3) когда заказ подтверждается цена на товар увеличивается;
- 4) сообщается о том, что по указанной цене будет произведена поставка некомплектного товара;
- 5) доставка товара задерживается;
- 6) товар доставляется в неоговоренное время;
- 7) доставленный товар отличается от заказанного;
- 8) продавец (исполнитель) отказывается от возврата товара [12].

В письме Роспотребнадзора от 12 октября 2007 г. № 0100/10281—07—32 [8] особо акцентировано внимание на недопущение передачи потребителю товара, который не соответствует предварительной договоренности, если такая передача сопровождается требованием об обязательной оплате товаров. В практической деятельности подобные ситуации не являются редкостью, особенно, если продажа осуществляется при помощи почтовой связи, когда потребителю при получении заказанного товара, упакованного в бандероль, посылку и др., в отделениях связи предлагают производить доплату, после чего при вскрытии почтового отправления выясняется, что присланные товары потребителем (полностью или частично) не заказывались [18].

Игнорирование заказа товара, который оформлен потребителем, также можно встретить повсеместно. Данный факт может быть связан с некоторыми причинами. К примеру, некоторые интернет-магазины временно или окончательно прекращают свою работу, не удалив интернет-сайт; или помещают в каталоги большее число товаров, чем имеют в наличии, указывая на данные товары наиболее низкую цену, так как стремятся привлечь потребителей; или, вполне возможно, являются только прикрытием для сбора персональных данных покупателей (как известно, при оформлении заказа потребители должны указывать свои персональные данные (ФИО, телефон, email и адрес, а иногда и другие персональные данные)). При этом согласие на обработку персональных данных, которые связаны исключительно с исполнением договора, не требуется, но последующее их использование, как правило, взаимосвязано с направлением потребителю рекламной информации, что требует обязательного согласия потребителя. Установление потребителем личности продавца в период осуществления торговли дистанционным образом не просто, поскольку ряд интернет-магазинов функционируют незаконно. Обязанность актуализировать информацию на интернет-сайтах для их владельцев четко нигде не оговаривается. И если

претензия потребителя определяется по существу, исключительно той информацией, которая обозначена на сайте, то доказать взаимосвязь между сайтом и продавцом очень сложно. Владелец и продавец зачастую разные лица. По данным, приведенным в исследовании А. Ю. Зака, порядка 30% интернет-магазинов, зарегистрированных в службе market. yandex. ru («Яндекс. маркет»), вообще не определяют на своем сайте ни юридический адрес, ни полное наименование продавца. Ряд магазинов (еще около 30%) сообщают адрес, однако наименование сайта и продавца, указанного на сайте, и наименование продавца по чеку не совпадают [13]. Л. Махонина пишет о том, что «около 80% реального товарооборота при дистанционной торговле приходится на анонимных продавцов, в связи с чем информация о продавце вообще не представляется или представляется в виде абонентского ящика, что не позволяет идентифицировать продавца и определить надлежащего ответчика по делу» [16]. Схожая проблема может возникать и при отсутствии подробной информации о товаре, что тоже неблагоприятно сказывается при возникновении ситуации, когда приобретенный товар явно разнится с изображением или описанием в интернете [20].

Установить личность продавца можно по данным, которые содержатся в реестре Российского НИИ развития общественных сетей (РосНИИРОС). В то же время, информация, которая содержится в данном реестре, часто является отличной от действительной. Следовательно, найти нарушителей сложно, зачастую поиски сведены лишь к общению с предоставившей телефонный номер телекоммуникационной компанией, которую также следует предварительно установить [13, С. 83].

Трудности у потребителя могут возникать с определением факта инициирования заключения самого договора. В соответствии с п. 2 ст. 434 ГК РФ электронный акцепт должен быть направлен способом, позволяющим достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. В литературе встречается мнение, что таким способом может быть только подписание документа электронной цифровой подписью (ЭЦП) [12]. Однако, электронный документооборот среди российских граждан не настолько распространен, как в странах запада.

Если такие ситуации возникают на практике, то некоторые ученые предлагают применять прием аналогии закона, когда в нормативно-правовом акте можно обнаружить механизм регулирования аналогичных по своей сути отношений, но не нашедших нормативного регулирования применительно к конкретной ситуации. Так, если заказ обрабатывался автоматизированной системой управления интернет-магазином (СМS), покупатель совершил все необходимые действия для того, чтобы получить имеющейся в наличии товар (заполнил бланк заказа), а магазин на своем сайте опубликовал правила оформления заказа и доставки товара, то можно применить по аналогии норму ст. 498 ГК РФ о продаже товаров через автомат. В таком случае договор будет считаться заключенным в силу совершения покупателем необходимых

действий, а получение от магазина автоматического подтверждения о принятии заказа будет доказательством получения оферентом акцепта [15, С. 226].

Зачастую на практике может возникать вопрос: обязательно ли потребителю перед тем как обратиться в суд предъявлять требования продавцу относительно продажи некачественного товара [21]. Обязательно соблюдать досудебный порядок урегулирования споров, если такой порядок предусмотрен законом или договором, требуют положения ГПК РФ [3], к примеру, ст. ст. 131, 132, 135. В таких случаях спор должен быть передан на рассмотрение суда или арбитражного суда после того, как был соблюден досудебный порядок. Полагаем, что, потребителю результативнее обратиться к продавцу с письменным обоснованным требованием. К этому побуждает также требование ст. 483 ГК РФ [2] (об извещении продавца о нарушении договора) и ст. 452 ГК РФ (о порядке изменения и расторжения договоров).

До того периода, пока не был введен в действие новый АПК РФ, понятие «досудебный порядок урегулирования споров» часто отождествляли с понятием «претензионный порядок урегулирования споров» [4]. В настоящее время анализ норм как АПК РФ, так и ГПК РФ показывает, что досудебным может считаться не только претензионный, но и иной порядок урегулирования споров, который может быть предусмотрен как договором, так и федеральным законом. Под «иным» порядком в данном случае понимается регулирование спора, к примеру, при помощи обмена письмами, телеграммами и иными документами, с помощью подачи заявления и предоставления ответа на него, а также иные согласительные процедуры, которые могут быть реализованы в документальной форме. Судебная практика исходит из того, что возможность проведения переговоров до передачи спора в суд неверно расценивать как установление досудебного порядка урегулирования спора, так как под досудебным порядком следует понимать установление в договоре условий о направлении претензии или информационного письма, установление сроков для ответа на неё и других условий, которые позволяют определять, что договор содержит четкую запись об установлении такого порядка [19].

Исходя из п. 2 ст. 11 ГК РФ, защита гражданских прав в административном порядке должна осуществляться только в случаях, которые предусмотрены законом [5]. Федеральный государственный надзор в области защиты прав потребителей должен:

1. Организовывать и проводить проверки того, как изготовители (исполнители, продавцы) соблюдают требования, установленные законодательством;
2. организовывать и проводить проверки соответствия товаров обязательным требованиям, по обеспечению безопасности товаров для жизни и здоровья потребителей, окружающей среды;
3. применять меры пресечения нарушений обязательных требований, выдавать предписания о прекращении нарушений прав потребителей, о прекращении нарушений

обязательных требований, об устранении выявленных нарушений обязательных требований, привлечение к ответственности лиц, которые совершили нарушения;

4. проводить систематическое наблюдение за исполнением обязательных требований, анализировать и прогнозировать состояние исполнения обязательных требований при осуществлении изготовителями (исполнителями, продавцами, уполномоченными организациями или уполномоченными индивидуальными предпринимателями, импортерами) своей деятельности;

5. проводить систематическое наблюдение за тем, как обеспечивается защита прав потребителей, учитывать и анализировать случаи причинения вреда жизни и здоровью потребителей, окружающей среде и имуществу потребителей, связанного с приобретением и использованием товаров;

6. каждый год проводить анализ и оценку результативности федерального государственного надзора в области защиты прав потребителей;

7. каждый год подготавливать доклад о защите прав потребителей в Российской Федерации [7].

Некоторые авторы отмечают, что действия Федерального госнадзора в области защиты прав потребителей не должны быть сведены лишь к применению мер административного воздействия на нарушителей, так как он имеет намерение предъявлять иски в суды о признании действий продавца противоправными в отношении неопределенного круга потребителей [17]. Такая возможность предоставлена госнадзору ст. 46 Закона РФ «О защите прав потребителей» [7]. Иски будут предъявлять к продавцам, которые систематически нарушают права потребителей при продаже товаров дистанционным путем. В том случае, если иск будет удовлетворён, продавец-нарушитель будет обязан через СМИ или иным способом довести решение суда до сведения потребителей.

В соответствии со ст. 2 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [6], под органами местного самоуправления следует понимать выборные и другие органы, которые наделены полномочиями для решения вопросов местного значения, которые не входят в систему органов государственной власти. С целью защиты прав потребителей на территории муниципального образования органы местного самоуправления имеют право:

- принять и рассмотреть жалобу от потребителя (лей);
- проконсультировать потребителя (лей) относительно вопросов защиты прав потребителей, полагаем, это относится и к торговле, производимой дистанционным способом;

- обратиться в судебные органы с целью защитить права потребителя (неопределенного круга потребителей) [6].

Как нами уже отмечено, защита прав потребителей может осуществляться не только уполномоченными государственными органами, но и общественными организациями, целевое функционирование которых сводится к

тому, чтобы помочь в защите интересов покупателей на уровне независимых, самоорганизуемых объединений, которые государство наделило некоторыми правами, изложенными в ст. ст. 30, 33, в п. 2 ст. 45 Конституции РФ [1], в ст. 45 ФЗ «О защите прав потребителей» [7], в ст. ст. 13, 27 ФЗ «Об общественных объединениях» [23]. В то же время нельзя не отметить, что общественные некоммерческие организации нацелены, в первую очередь, на защиту своих имущественных интересов, защита прав потребителей — это не сфера их прямых интересов.

Применительно к торговле дистанционным способом граждане очень редко обращаются к общественным некоммерческим организациям. В то же время, можно предположить, что ситуация может быть изменена и примером тому может служить Национальная Ассоциация Дистанционной Торговли (НАДТ). Данная Ассоциация является профессиональной некоммерческой организацией, которая создана не только для того, чтобы создавать благоприятные условия для развития дистанционной торговли в России, но, прежде всего, цивилизованного рынка данной отрасли, который невозможно представить без соблюдения и защиты прав потребителей.

В настоящее время НАДТ является одной из старейших некоммерческих организаций, которая защищает не только интересы рынка дистанционной торговли в России и за рубежом, но и права потребителей.

Выделим первостепенные **задачи** и направления деятельности Ассоциации:

1. разработка российской нормативно-правовой базы, позволяющей четко регламентировать коммерческую деятельность компаний, занимающихся дистанционной торговлей, а также права и обязанности потребителей.

2. Популяризация дистанционной торговли в России и просвещение потребителей.

3. Повышение профессионального уровня компаний, которые занимаются дистанционной торговлей, за счет проведения мероприятий, имеющих направленность на то, чтобы улучшить качество предоставляемых ими товаров (международные конференции, выставки, круглые столы и семинары по актуальным вопросам дистанционной торговли).

Основной документ, который регламентирует деятельность компаний дистанционной торговли, входящих в состав Ассоциации — это «Европейская конвенция о международной почтовой и дистанционной торговле» [22]. Именно этим документом регулируются отношения между продавцом и потребителем.

Изложенное позволяет констатировать следующий вывод: законодательство о защите прав потребителей имеет своей целью создавать дополнительные правовые гарантии соблюдения прав и интересов граждан-потребителей, т. е. субъектов, которые находятся в неравном положении с контрагентами с учётом экономических условий, уровня образования, покупательной способности.

Механизм защиты прав потребителей включает разные средства, особое значение среди которых отводится юрис-

дикционным и неюрисдикционным формам защиты. Действия по защите прав, совершаемые самостоятельно, т. е. не обращаясь к государственным и иным компетентным органам, носят название «неюрисдикционной формой защиты».

В том случае, если покупатель при нарушении его субъективных гражданских прав не может применить по отношению к продавцу неюрисдикционную форму защиты, он применяет юрисдикционную форму. Под юрисдикционной формой защиты следует понимать защиту гражданских прав, осуществляемую государственными или уполномо-

ченными государством органами. Данной форме свойственны два порядка защиты: общий (судебный) и специальный (административный).

Применительно к торговле дистанционным способом граждане очень редко обращаются к общественным некоммерческим организациям.

При дистанционной торговле к продавцу, если им нарушены условия заключенных договоров, применяется имущественная ответственность. При этом ответственность за имущественные правонарушения при дистанционной торговле является договорной.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием) 12 декабря 1993 г. // РГ. 1993. 25 декабря; 2014. 4 августа.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
5. Федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5497.
6. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
7. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 01.05.2017) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
8. Письмо Роспотребнадзора «О контроле за соблюдением правил продажи товаров дистанционным способом» от 12.10.2007 № 0100/10281-07-32 // Документы и комментарии. — 2007. — № 22.
9. Алексеев, С. С. Право — предназначение // Екатеринбург, 2011. — с. 17.
10. Гражданское право: учебник в двух томах / Отв. ред. Суханов Е. А. — М., 2015. — Т. 2. — с. 109.
11. Гражданское право: учебник в трех томах / Под ред. Сергеева А. П., Толстого Ю. К. — М., 2012. Т. 1. — с. 290
12. Дмитрик, Н. А. Способы осуществления субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей с использованием сети Интернет: Автореф.... к. ю. н. М., 2007. — с. 9, 17–18.
13. Зак, А. Ю. Нарушения прав потребителей при ненадлежащем исполнении договора дистанционной продажи в Интернете и способы их преодоления // Современное право. — 2010. — № 8. — с. 83.
14. Кузьменко, А. С. Договор розничной купли-продажи в сфере дистанционной торговли. Автореферат дис.... кандидата юридических наук. — М., 2010. — с. 21.
15. Масыкин, А. Н. Традиции защиты прав потребителя в обеспечении качества товара // Вестник ТГУ. — 2007. — № 10 (54). — с. 226.
16. Махонина, Л. У виртуального продавца — виртуальное качество // ЭЖ-Юрист. — 2015. — № 46. — с. 15.
17. Мошкович, М. М. Мошкович Н. Завойкина, Ю. Терешко // Телемагазины под контролем. — ЭЖ-Юрист, 2007. — № 42. — с. 23.
18. Пешехонов, А. В. Особенности административной ответственности за совершение правонарушений в сфере дистанционной торговли // Научно-исследовательские публикации. 2013. — № 2. — с. 76.
19. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу РФ (части второй) / Отв. ред. Садиков О. Н. — М., 2011. — с. 43.
20. Саинская, Л. А. Проблемы защиты прав потребителей при дистанционной торговле через сеть «Интернет» // Отечественная юриспруденция. — 2015. — № 1. — с. 11.
21. Селянин, А. В. Защита прав потребителей. — М., 2015. — с. 15.
22. Европейская Конвенция о Международной Дистанционной и Почтовой Торговле [электронный ресурс] Адрес доступа: <http://zpp74.ru/zakonodatelstvo/300.html> (Дата обращения 22.10.2017).
23. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере дистанционной торговли

Пимаева Олеся Алексеевна, магистрант

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Механизм участия потребителей в дистанционных договорах занимает важное место в системе экономической и социальной политики современного государства. С принятием ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [4] первоочередное значение имеет разработка регулирования дистанционной торговли — единственной формы розничной торговли, упомянутой, но не урегулированной данным законом. Отечественное законодательство в исследуемой области недостаточно развито и обеспечивает меньшую степень защищенности потребителей, чем законодательство ЕС, США, Японии, других стран. Вместе с тем, развитие правового регулирования дистанционной торговли имеет первостепенное значение для России: обширная территория и низкая плотность населения нашей страны не позволяют удовлетворить потребительский спрос посредством традиционной розничной торговли.

На сегодняшний день регулирование отношений в сфере дистанционной торговли представлено в ряде документов, некоторые из которых уже обозначены: Стратегия развития торговли [7], ГК РФ [1], Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» (ст. 26.1) [5], Федеральный закон от 13.03.2006 № 38 ФЗ «О рекламе» [2], Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» [6]. Кроме указанных документов можно выделить ФЗ «О персональных данных» [3] и ГОСТ Р 51304–2009 «Услуги торговли. Общие требования» [8]. В соответствии с последним, «дистанционный способ реализации товаров осуществляется посредством ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товаров, содержащимся в каталогах, проспектах, буклетах, а также посредством электронных средств массовой информации, средств связи (телерадиореклама, телемагазин, почтовая связь, интернет-торговля, электронный магазин) или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления покупателя с товаром либо образцом товара. Дистанционный способ реализации товаров предполагает оказание услуг по доставке товаров путём их пересылки покупателям почтовыми отправлениями или иными способами» [8].

Часть 1 ст. 26.1 Закона «О защите прав потребителей» выделяет дистанционный способ договора в отдельный: «Договор розничной купли-продажи может быть заключен на основании ознакомления потребителя с предложенным продавцом описанием товара посредством ка-

талогов, проспектов, буклетов, фотоснимков, средств связи (телевизионной, почтовой, радиосвязи и других) или иными исключающими возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора (дистанционный способ продажи товара) способами» [5].

Применительно к дистанционному способу продажи товаров, требования к предоставляемой покупателю при заключении договора информации и её состав формулируются в статьях 8–11 Закона «О защите прав потребителей» [5], а также в п. 2 ст. 26.1 названного закона и Правилах продажи товаров дистанционным способом [6]. Так, потребителю продавцом должна быть предоставлена информация об основных потребительских свойствах товара, об адресе (месте нахождения) продавца, о месте изготовления товара, о полном фирменном наименовании (наименовании) продавца (изготовителя), о цене и об условиях приобретения товара, о его доставке, сроке службы, сроке годности и гарантийном сроке, о порядке оплаты товара, а также о сроке, в течение которого действует предложение о заключении договора. Кроме того, продавец должен сообщить покупателю информацию:

- о необходимости использования квалифицированных специалистов по подключению, наладке и пуску в эксплуатацию технически сложных товаров, которые по техническим требованиям не могут быть пущены в эксплуатацию без участия соответствующих специалистов (п. 3 Правил продажи товаров дистанционным способом);

- о том, что товар был в употреблении или в нем устранялся недостаток (п. 10 указанных Правил);

- о сроке, в течение которого действует предложение о продаже товара дистанционным способом (п. 13 обозначенных Правил), и др. [6].

Дискуссионным представляется вопрос о моменте заключения договора в сфере дистанционной торговли. В соответствии со ст. 497 ГК РФ «договор розничной купли-продажи, заключенный дистанционным способом продажи товара, считается исполненным с момента доставки товара в место, указанное в таком договоре, а если место передачи товара таким договором не определено, с момента доставки товара по месту жительства покупателя-гражданина или месту нахождения покупателя-юридического лица» [1].

Так, по мнению Е. А. Суханова, договор розничной купли-продажи дистанционным способом является реальным договором и должен считаться заключенным с момента передачи товара покупателю. Однако данное правило не применяется к договору, который считается заключенным

с момента выдачи продавцом покупателю кассового или товарного чека или иного документа, подтверждающего оплату товара. Это обстоятельство имеет важное значение для определения момента возникновения прав и обязательств сторон по договору [11]. А. Блинов связывает момент заключения договора в сфере дистанционной торговли с моментом выдачи продавцом покупателю кассового или товарного чека либо иного документа, который подтверждает оплату товара, или с моментом получения продавцом сообщения о намерении покупателя приобрести товар [10].

В п. 20 «Правил продажи товаров дистанционным способом» сказано, что «Договор считается заключенным с момента выдачи продавцом покупателю кассового или товарного чека либо иного документа, подтверждающего оплату товара, или с момента получения продавцом сообщения о намерении покупателя приобрести товар. При оплате товаров покупателем в безналичной форме или продаже товаров в кредит продавец обязан подтвердить передачу товара путем составления накладной или акта сдачи-приемки товара» [6].

Анализируя форму договора, мы можем согласиться с мнением С. Левашова, что во взаимосвязи с ГК РФ, позволяющим по соглашению использовать при заключении сделок электронно-цифровую подпись или иной аналог собственноручной подписи, можно утверждать, что электронная форма договора, заключенного посредством сети Интернет, законом приравнена к письменной форме договора [9]. С учетом специфики договора, а именно того, что для оформления акцепта следует всегда заполнять конкретные формы и бланки, более того, следует включать определенную информацию, требуемую нормативным правовым актом, форма договора купли-продажи дистанционным способом практически всегда письменная. Договор же заключается особыми средствами обмена информацией, путем использования электронных данных, писем и т. п.

Одним из условий договора дистанционной купли-продажи выступает цена. Ни один возмездный договор не может обойтись без условия о цене, так как цена является необходимым условием, которое имеет важное значение для договора данного вида. Если в тексте договора цена не отмечена, то обязанность оплаты полученных товаров сохраняется. И при возникновении конфликтной ситуации суд, бесспорно, должен исходить из того, что при заключении договора стороны предполагали, что исполнение договора будет оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги [13]. В соответствии с вышесказанным покупатель должен оплатить товар по цене, которая объявляется продавцом в момент заключения договора. Это правило действует, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не вытекает из существа обязательства. Если договором дистанционной торговли предусмотрена предварительная оплата товара, то в случае неоплаты покупателем товара

в определенный договором срок (и если иное не установлено соглашением сторон) это будет признано отказом покупателя от исполнения договора [1]. Статьей 491 ГК РФ регламентировано сохранение права собственности за продавцом товара до оплаты товара или наступления иных обстоятельств. Следует помнить, что покупатель не вправе до перехода права собственности к нему отчуждать товар или распоряжаться им каким-либо иным способом, кроме случаев, когда обратное установлено законом, договором или вытекает из назначения и свойств товара [1]. Поскольку договор в дистанционной торговле является договором присоединения, покупатель не участвует непосредственно в ценообразовании, в связи с чем цена (по правилам публичного договора) должна устанавливаться одинаковой для всех покупателей.

Специфична и оплата товара по договору с условием дистанционной розничной продажи. Оплата товара совершается наличными деньгами при доставке товара курьером или при наличии агентского договора и «электронными деньгами». Специфичен в дистанционной купле-продаже механизм возврата денег покупателю. Наиболее четко определяется в императивной норме срок такого возврата. В обязанности продавца входит вернуть покупателю уплаченную сумму не позднее чем через 10 дней с момента предъявления покупателем соответствующего требования. Этот срок не связан с моментом возврата товара. Из этого следует, что даже если момент обратной передачи товара откладывается, денежные средства следует вернуть в установленный срок.

Проанализировав законодательную базу, выделим ряд признаков, характеризующих именно дистанционный способ заключения договора купли-продажи:

1. Товар покупается на основании описания в каталоге, размещенном на сайте либо же в печатных изданиях.
2. Ознакомление с описанием товара по каталогу или другими вышеперечисленными способами, к примеру на сайте, исключает возможность непосредственного ознакомления с товаром или его образцом.

3. Специфичным является и порядок расторжения дистанционного договора. Согласно ст. 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей» потребитель имеет право отказаться от договора продажи товара дистанционным способом в любое время до передачи товара и в течение семи дней после его передачи, а если продавец при передаче товара не исполнил свою информационную обязанность и не сообщил потребителю письменно о его праве вернуть товар надлежащего качества, — в течение трех месяцев с момента передачи товара [5]. Следовательно, потребителю предоставляются дополнительные условия и сроки по возврату товара. Однако если покупатель пропустил установленный законом срок, это означает, что он более не имеет права на возврат товара. На наш взгляд, это с неизбежностью повлечет за собой возможность нарушения прав потребителя, что является недопустимым, исходя из смысла законодательства о защите прав потребителя [12].

В связи с вышесказанным представляется, что следует более подробно урегулировать механизм действия такого способа заключения договора розничной купли-продажи, как дистанционный, в частности необхо-

димо увеличить срок, предоставляющий потребителю возможность для расторжения договора ввиду того, что он является слабой, незащищенной стороной договора купли-продажи.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
4. Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 2.
5. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 01.05.2017) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
6. Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 (ред. от 04.10.2012) «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4894.
7. Приказ Минпромторга России от 25.12.2014 № 2733 «Об утверждении Стратегии развития торговли в Российской Федерации на 2015–2016 годы и период до 2020 года». Текст приказа официально опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».
8. ГОСТ Р 51304–2009 «Услуги торговли. Общие требования». М.: Стандартинформ, 2010. 8 с.
9. Белова, О.А. Правовая характеристика существенных условий договора дистанционной купли-продажи определяющих его место в системе договоров купли-продажи // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. — 2015. — № 1 (26). — С. 110.
10. Блинов, А. Продажа товаров дистанционным способом // Новая бухгалтерия. — 2015. — 24 дек. (№ 1).
11. Гражданское право. В 4 т. Т. 3. Обязательственное право / под ред. Е. А. Суханова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2008. — с. 78.
12. Тужилова-Орданская, Е.В. Гражданско-правовое регулирование дистанционного договора // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. — 2016. — № 6. — с. 258.
13. Чурсина, И. Ю. Торгуем на расстоянии // Индивидуальный предприниматель: бухгалтерский учет и налогообложение. — 2015. — № 3. — С. 32.

Налоговая система Российской Федерации

Полунин Сергей Константинович, студент
Российский новый университет (г. Москва)

Российская Федерация — самое большое государство в мире, и одновременно одно из самых сложных по своей структуре в мире. В государстве действует сложная система налогообложения. Вся налоговая система Российской Федерации делится на 3 уровня налогов, не считая специальных налоговых режимов. Федеральные налоги, региональные налоги и местные. Для каждого налога существуют свои особые критерии. Для каждого налога различны налоговые ставки, налоговая база, налоговый период и кем будет являться налогоплательщик. В Российской Федерации существует два вида налогоплательщиков — юридические лица и физические лица. Юридические лица подразделяются на государственные, частные, коммерческие, некоммерческие, и многие другие,

в зависимости от вида их деятельности. Физическое лицом является каждый гражданин Российской Федерации, или же лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя. Каждое лицо, являющееся гражданином Российской Федерации, несет на себе обязанность уплачивать законодательно установленные налоги и сборы, вне зависимости от того является он физическим лицом, юридическим лицом, или же индивидуальным предпринимателем. Налоги являются необходимым звеном экономических отношений в обществе с момента возникновения государства. Налоги также являются основной формой доходов государства. Налоговые поступления в бюджет составляют основную часть всех доходов государства. Также помимо сугубо финансовой функции на-

логовый механизм используется для экономического воздействия государства на общественное производство, его динамику и структуру, на состояние научно-технического прогресса. При наличии профицита бюджета большее количество средств можно направить на улучшение какой-либо отрасли. Возникновение налогов как экономического явления обусловлено становлением товарного производства, разделением общества на классы и формированием государственных институтов, которым требовались средства для осуществления своих функций, в том числе на содержание армии, судов, чиновников и другие нужды. За последние 20 лет налоговая система Российской Федерации постоянно изменялась под влиянием множества факторов и условий, таких как социально-экономических, так и политических. Хозяйственные процессы вызывают изменения фактически всех составляющих налоговой системы Российской Федерации — ставок налогов, их состава, методик расчетов, налогового законодательства, налогового администрирования и т. д. Многие из этих изменений в налоговой политике имели положительные результаты, ряд из них — отрицательные. Вместе с тем, именно налоговый механизм является главным инструментом государственного регулирования экономики. От того, насколько эффективной будет налоговая система государства, зависит и эффективность функционирования страны и народного хозяйства в целом.

Говоря о проблемах в современной налоговой системе Российской Федерации, следует отметить проблему налогового администрирования — налоговая система РФ по-прежнему остается очень громоздкой, неэкономичной и малоэффективной. Большое количество налогов — федеральных, региональных и местных, непростые методики их расчета, наличие огромного количества бюрократических процедур приводят к значительному увеличению трудоемкости как налогового учета, так и налогового инспектирования. В связи с этими и другими параметрами налоговая система не в состоянии работать максимально эффективно. Из-за огромного количества документов и процедур, необходимых налогоплательщику для того чтобы, например, сделать налоговый вычет, тратятся часы, переполняются декларации, а в итоге человек срывается на сотрудников налоговой инспекции. Также этой ситуацией пользуются сторонние коммерческие фирмы — за определенную сумму денег они сами заполняют декларацию, и налогоплательщику не придется тратить ни сил, ни своего времени. В результате государство теряет хоть незначительную, но прибыль, которую можно было бы распределить на нужды страны и граждан.

В данной ситуации мы получаем огромные очереди в налоговых инспекциях, очень большое количество людей, которые просто не понимают, за что им был начислен тот или иной налог, но в конечном итоге данные проблемы никого не волнуют. Совершенствование налогового администрирования представляет собой одну из первоочередных задач налоговой политики РФ на современном этапе и на среднесрочную перспективу. Качество налогового адми-

нистрирования определяет эффективность налоговой системы страны, ее фискальную отдачу.

Несовершенство налогового администрирования, некоторые аспекты при осуществлении налогового контроля и другие проблемы, связанные с налоговым законодательством, часто обсуждаются специалистами. Если провести анализ множества точек зрения по данному вопросу в области налогового администрирования, то все выявленные проблемы можно распределить по группам:

1. Проблемы правового характера. Налоговое администрирование имеет перед собой такую цель, как соблюдение налогового законодательства всеми участниками налогового процесса, будь то налоговый орган, или же налогоплательщик, вне зависимости от того, является он физическим или юридическим лицом. Основная проблема заключается в том, что налоговое законодательство Российской Федерации, слишком неустойчиво и запутанно. Кроме того, на данный момент в налоговом законодательстве Российской Федерации существует определенное количество неурегулированных моментов, которые приводят к созданию новых и использованию старых налоговых схем.

2. Проблемы, связанные с организационной частью. Для надлежащего и качественного исполнения функции администрирования налогов требуется:

— наличие высококвалифицированных специалистов в налоговых органах;

— наличие новых технологий (программных продуктов) для осуществления многих функций для упрощения многих процедур, как для работников налоговых органов, так и для налогоплательщиков;

Что касается внедрения и использования информационных технологий при проведении администрирования, то данные процедуры проводятся на хорошем уровне. Налоговые инспекции устанавливают программные продукты, создают единые базы данных, широко стал использоваться сайт Федеральной налоговой службы для работы с налогоплательщиками. На данном сайте существует весьма продуманная схема помощи по определенным вопросам как налогоплательщикам, так сотрудникам налоговых инспекций, и работникам схожих отраслей. После введения электронного доступа, как и сайте Федеральной налоговой службы, так и с помощью терминалов в самих налоговых инспекциях существенно упростился прием налогоплательщиков и скорость, с которой происходит обслуживание. Если раньше налоговые инспекции работали по принципу «живой очереди» в разные кабинеты, то теперь достаточно просто подойти к терминалу, выбрать необходимый вид услуги и получить чек с примерным временем вызова. После этого на большом экране и с помощью голосовой команды подойти к названному окну, где высококвалифицированный сотрудник решит ваш вопрос.

3. Проблемы социального и психологического характера. На данный момент налоговая культура в Российской Федерации остается крайне невысокого уровня.

Проблемы социально-психологического характера складываются из множества факторов, например таких как:

— менталитет российского налогоплательщика, который направлен, прежде всего, на сокрытие доходов и минимизацию налогов. По статистике каждый второй налогоплательщик относится крайне негативно к налоговым органам. Вероятнее всего, это связано с недоверием, подозрениями в коррупции и другими факторами. Как не печально признавать, но на данный момент практически в каждой отрасли существует коррупция. На данный момент существуют специализированные органы, которые борются с коррупцией, проводятся специальные тренинги в государственных органах о противодействии коррупции. Также среди некоторых неплательщиков налога греет мысль о том, что именно они избегают наказания.

— экономическая неграмотность налогоплательщиков;

Налогоплательщики в большинстве своем экономически неграмотны, но в тоже время делают все, чтобы налоговая нагрузка оказалась минимальной. Экономическую неграмотность налогоплательщиков можно оценивать с двух сторон. С одной стороны можно смело утверждать, что налоговые органы не в полном объеме или же недоброкачественно исполняют свои обязанности по информированию налогоплательщиков о действующих налогах и сборах (или же изменению вышестоящих). С другой же стороны большинство налогоплательщиков игнорируют установленные правила и нормы в сфере налогообложения.

В настоящее время Министерство финансов совместно с Федеральной Налоговой Службой в качестве основной цели ставит перед собой формирование и функционирование эффективной налоговой системы. Одной из важ-

нейших целей в формировании идеальной налоговой системы в Российской Федерации будет являться снижение налоговой нагрузки (налогового бремени) на тех налогоплательщиков, которые своевременно выполняют свои обязанности по исчислению и уплате налогов. Налоговая система должна постоянно совершенствоваться, и настраиваться на запросы и современные реалии существующей в данный момент экономической действительности, так, чтобы при максимальном наполнении бюджета права любого из субъектов налоговых отношений не были ущемлены. В связи с этим улучшать и подстраивать систему можно практически до бесконечности.

За прошедшие годы налоговая система Российской Федерации стремительно развивалась и продолжает развиваться. Каждый год поступают сотни предложений от депутатов по поводу ее реформирования и улучшения. В конечном итоге это приведет к упрощению налоговой системы и увеличению ее эффективности, что позволит собирать большее количество доходов в бюджеты всех уровней, и соответственно грамотней распределять их. Помимо создания соответствующей мощной информативно — правовой базы в основе совершения налоговой системы должны быть усовершенствованы налоги и сборы. Еще одним немаловажным шагом в улучшение всей системы должны стать поправки в Налоговый Кодекс, дабы исключить возможность «двойного» трактования какого-либо закона или налога. Но естественно для подобных улучшений должны пройти месяцы, или даже годы, только после этого можно будет сказать о том, какие улучшения привели к положительным результатам, а какие требуют более глубокого внимания на различных уровнях всей системы.

Литература:

1. Налоговый кодекс РФ;
2. Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ.

Профиль риска как основной элемент таможенного контроля при выявлении таможенных преступлений

Саломатова Ксения Александровна, студент
Тюменский государственный университет

Понятие «таможенные преступления» раскрывается в ст. 1 «Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств — членов таможенного союза» от 05 июля 2010 года. «Таможенные преступления» — нарушения таможенного законодательства таможенного союза и законодательства Сторон, контроль за соблюдением которого

возложен на таможенные органы, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность законодательством Сторон. [1]

Согласно Уголовного кодекса Российской Федерации к таможенным преступлениям относятся: 1) ст. 173.1 УК РФ — Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица; 2) ст. 173.2 УК РФ — Незаконное использование документов для образования (соз-

дания, реорганизации) юридического лица; 3) ст. 174 УК РФ — Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем; 4) ст. 174.1 УК РФ — Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления; 5) ст. 189 УК РФ — Незаконные экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники; 6) ст. 190 УК РФ — невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей; 7) ст. 193 УК РФ — уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации; 8) ст. 193.1 УК РФ — совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов; 9) ст. 194 УК РФ — Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица; 10) ст. 200.1 УК РФ — контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов; 11) ст. 200.2 УК РФ — контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий; 12) ст. 226.1 УК РФ — Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов; 13) ст. 229.1 УК РФ — Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ. [2]

Перечень таможенных преступлений, предусмотренных УК РФ исчерпывающий, но несмотря на это, они наносят колоссальный вред экономической и национальной безопасности государства в целом, поэтому их предотвращение и раскрытие является одной из важнейших функций таможенных органов.

Выявление таможенных преступлений имеет свои особенности. Главным образом таможенные преступления выявляются в процессе таможенного контроля. Переход осуществления таможенного контроля от тотальности на

принципах выборочности с внедрением системы управления рисками повлек за собой концептуальное изменение деятельности таможенных органов по проверке и обеспечению соблюдения участниками внешнеэкономической деятельности таможенного законодательства Таможенного союза.

В соответствии с подпунктом 31 пункта 1 статьи 4 Таможенного кодекса Таможенного союза (ТК ТС) таможенный контроль — совокупность мер, осуществляемых таможенными органами, в том числе с использованием системы управления рисками, в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и законодательства государств — членов таможенного союза (Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации), контроль за исполнением которого возложен на таможенные органы.

Осуществление эффективного таможенного контроля, основанного на применении системы управления рисками, подразумевает использование механизмов минимизации рисков. Механизмы минимизации рисков — это широкое понятие, включающее в себя совокупность инструментов, технологий, методик управления рисками и систему мер их минимизации. [3]

Основным инструментом механизма минимизации рисков, при осуществлении должностными лицами таможенных органов, осуществляющих таможенный контроль является профиль риска.

В ТК ТС дано следующее понятие «Профиль риска — это совокупность сведений об области риска, индикаторов риска, а также указания о применении необходимых мер по предотвращению или минимизации риска». [4]

Что же такое профиль риска в практической деятельности таможенных органов? Под профилем риска понимается формализованное описание объекта и области риска, его индикатора, и указание на необходимые меры воздействия с целью минимизировать риски.

Существует различные квалификации профилей рисков, которые неразрывно связаны между собой, но все они определены международным стандартом ISO 31000 «Менеджмент рисков. Принципы и руководящие указания». Квалификация профилей рисков для выявления таможенных преступлений имеет свои особенности, которые представлены для наглядности в таблице 1, составленной автором.

На мой взгляд, представленная таблица представляет структурированную квалификацию, которая подробно раскрывает каждый вид профиля риска в отдельности. В практическом смысле профиль риска является фактически доведённой до высокой степени конкретизации криминологической и криминалистической характеристикой правонарушения, совершенного или потенциального, включающий меры предотвращения и пресечения. В таком качестве профили риска обладают двумя существенными для практики таможенного дела свойствами: они становятся информацией для служебного пользования; информация, служащая для конструирования профилей риска,

Таблица 1. Классификация профилей рисков

Классификационный признак	Вид профиля риска	Значение профиля риска
В зависимости от региона применения	Общероссийский	действует на всей территории РФ
	Региональный	действует в регионе деятельности одного РТУ
	Зональный	действует в регионе деятельности одной таможни
В зависимости от сроков действия	Краткосрочный	от 1 дня до 1 месяца
	Среднесрочный	от 1 до 3 месяцев
	Долгосрочный	от 3 до 6 месяцев
	Постоянный	более 6 месяцев
В зависимости от способа реализации	Обязательными	для особых категорий товаров
	Целевыми	рассчитываются по фактическим данным таможенной системы
	Случайными	определяются случайным образом, по своей сути не являются риском и используются для проверки эффективности работы системы таможенного контроля
По содержанию	автоматические	доводимые до таможенных органов в электронном виде, риски по которым выявляются без участия должностного лица программными средствами;
	автоматизированные	профили рисков, доводимые до таможенных органов в электронном виде, область риска которых определена в программных средствах частично и применяемые по решению должностного лица после проведения им проверки отдельных индикаторов риска
	неформализованные	доводимые до таможенных органов на бумажном носителе, риски по которым выявляются должностным лицом самостоятельно, исходя из области риска.

может сопрягаться с информацией, используемой в оперативно-розыскной деятельности.

Согласно приказа ФТС России № 1200 от 6 июня 2011 года «Об утверждении Инструкции о действиях должностных лиц таможенных органов при подготовке и рассмотрении проектов профилей рисков, применении профилей рисков при таможенном контроле, их актуализации и отмене»: «При этом профили рисков используют все должностные лица, осуществляющие таможенный контроль, а оперативно-розыскную работу ведут только специализированные подразделения таможенных органов. Таким образом, процессуальное оформление профиля риска определяет законность и обоснованность его применения в целях таможенного контроля». [6]

Совершенно очевидно, что процесс формирования совершенного таможенного контроля, как одного из основополагающих способов выявления таможенных преступлений продолжается, более того, он безграничный, поскольку диктует установление нового порядка таможенных правоотношений. Очевидно, что само по себе внедрение системы управления рисками не решило поставленных таможенным органам современными реалиями задач. Успешное функционирование данной системы стало возможно только при одновременном освоении иных перспективных технологий, процедур и институтов, международных стандартов, направленных как на повышение эффективности таможенного дела в государстве в целом, так и на качественное выявление таможенных преступлений в целом.

Литература:

1. «Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств — членов таможенного союза» от 05 июля 2010 года;
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017);
3. Костин, А. А. Система управления рисками при осуществлении таможенного контроля / Костин А. А. — СПб: Интермедия — 2013 г. — 222 с;
4. «Таможенный кодекс Таможенного союза» (ред. от 08.05.2015) (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 N 17);

5. Приказ ФТС России № 778 от 24 апреля 2014 года «Об утверждении Временной инструкции о действиях должностных лиц таможенных органов при реализации системы управления рисками»;
6. Приказ ФТС России № 1200 от 6 июня 2011 года «Об утверждении Инструкции о действиях должностных лиц таможенных органов при подготовке и рассмотрении проектов профилей рисков, применении профилей рисков при таможенном контроле, их актуализации и отмене»

Криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств

Саломатова Ксения Александровна, студент
Тюменский государственный университет

В отличие от иных таможенных преступлений «контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ» (статья 229.1 УК РФ) [1] наносит непоправимый вред экономической и национальной безопасности государства. На сегодняшний день контрабанда наркотических средств является одним из основополагающих факторов роста незаконного оборота наркотических средств в России, что в свою очередь приводит к асоциальному поведению в обществе. Согласно Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» «необходимо учитывать, что правовое регулирование таможенных отношений в Российской Федерации осуществляется в соответствии с международными договорами и законодательством Российской Федерации о таможенном деле». [2] Эта особенность данного вида преступления во многом усложняет процесс выявления, предотвращения преступления, предусмотренного ст. 229.1 УК РФ. В настоящее время необходимо ответить, что суды, при вынесении приговора, а таможенные органы наряду с органами следствия руководствуются Таможенным Кодексом Таможенного Союза, утвержденным 27 ноября 2009 года до вступления в законную силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года.

К важным элементам криминалистической характеристики контрабанды наркотических средств относятся: во-первых, психотропные и наркотические вещества. Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Существуют различные квалификации наркотических средств, такие как по источнику происхождения, по воздействию на человека и другие.

Во-вторых, прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, которые в свою очередь обязательно должны быть включены в таблицы I и II списка IV Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 N 681 (в ред. от 23.11.2012).

В-третьих, растения, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры и части растений, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры.

В-четвертых, это инструменты или оборудование, находящиеся под специальным контролем и используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ.

Контрабанда наркотических средств считается оконченной с момента покушения на незаконное перемещение одного из предметов данного преступления.

Основные способы совершения данного преступления, согласно УК РФ: «вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах; с сокрытием от таможенного контроля; с недостоверным декларированием или не декларированием предметов преступления; с использованием документов, содержащих недостоверные сведения об этих предметах; с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации». [3]

Данный перечень способов совершения контрабанды наркотических средств не исчерпывающий.

Контрабанда наркотических средств может быть совершена в различных формах. Контрабанде могут предшествовать специальные подготовительные действия преступника — выбор им времени совершения преступления, оружия, подручных и маскировочных средств, определение места. Специфическими могут быть и действия по сокрытию следов преступления.

При анализе обстановки совершения преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств, весьма продуктивен уровневый подход. Согласно которому возможно разделить её на общегосударственный, региональный и местный уровень. Что касается государственного уровня, необходимо отметить, что либерализация

внешнеэкономической деятельности была осуществлена, на мой взгляд, без должного учета допускаемых международной практикой мер государственного регулирования. Применительно же к общегосударственному уровню можно отметить следующее, что несовершенство правовой базы и особенно таможенного законодательства еще более усугубило ситуацию. Постоянно изменяющееся таможенное законодательство содержит противоречия с другими контактирующими отраслями права. Третий уровень — это обстановка совершения рассматриваемых преступлений в таможенных и на таможенных постах. К элементам данного уровня относятся: положение таможи в системе внешнеэкономической деятельности. Важную роль играет географическое расположение таможи или таможенного поста, так как от этого зависит количество перемещаемого товара и оснащение

таможен техническими средствами проведения таможенного контроля. Категория таможи, поскольку от нее зависит структура и штатная численность, расположение мест таможенного контроля и оформления, оптимальность распределения между ними объема работы, создание надлежащих условий для их функционирования. Квалификация сотрудников таможенных органов также играет важную роль. Состояние материально-технической базы таможи или таможенного поста, в том числе обеспечение технико-криминалистическими и техническими средствами таможенного контроля, о котором говорилось ранее.

Обратимся к статистике таможенных преступлений за отчетный период 9 месяцев с 2013 по 2017 года, которая для наглядности представлена в таблице 1, составленной автором.

Таблица 1. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 9 месяцев 2013 по 2017 года

	2013	2014	2015	2016	2017
По ст. 229.1 УК РФ	977	894	793	723	574
По ст. 200.1 УК РФ	42	54	78	44	49
По ст. 194 УК РФ	289	289	488	562	400
По ст. 193 УК РФ	168	105	142	148	135
Всего уголовных дел	1415	1518	1617	1864	1747
Доля дел по контрабанде	69%	62,5%	55%	42%	52%

[Таблица составлена автором]

Исходя из которой, мы видим, что произошло значительное снижение исследуемого вида преступлений. Так в 2013 году было выявлено 977 уголовных дел предусмотренных ст. 229. УК РФ, а в 2017 году 574 дела, что на 42% меньше, что говорит о том, объясняется изменениями в ведении статистики, если в отчеты за 2013 год включались все выявленные наркотические средства, будь то самостоятельно или совместно, то в 2017 году в отчет включались только наркотические средства, выявленные самостоятельно таможенными органами.

Уголовные дела о контрабанде при наличии достаточных данных о совершенном преступлении возбуждаются сразу после ознакомления с исходными материалами. Это обеспечивает принятие всех предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Если же исходной информации недостаточно, проводится проверка первичных материалов с целью установления законных оснований для возбуждения уголовного дела. [4]

Таможенный сотрудник или следователь должен уметь обнаруживать, анализировать и фиксировать признаки, свойства и состояние предметов контрабанды при следственном осмотре. По делам о контрабанде это может быть осмотр места происшествия, местности или

помещений (не являющихся местом происшествия), предметов и документов, а также освидетельствование. Осмотр предметов контрабанды обычно связан с обследованием места их нахождения. Чаще всего это ручная кладь и багаж, одежда, обувь и тело физических лиц, контейнеры, грузовые платформы, отсеки транспортных средств. Нередко осматриваются кабины, салоны, отсеки легковых и грузовых автомашин, служебные и пассажирские помещения железнодорожных вагонов, морских и речных судов, самолетов, вертолетов и других транспортных средств, международные почтовые отправления.

Для выявления предметов контрабанды при осмотре нужно использовать следующую досмотровую технику: рентгеновскую и рентгено-телевизионную аппаратуру, приборы эхолокации, металлодетекторы, приборы-сигнализаторы, эндоскопы, щупы, устройства для определения объема стратегически важных сырьевых товаров, средства для вскрытия упаковки ящиков, контейнеров и другие специальные приспособления. [5]

Из вышеизложенного следует, что криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств служит познавательным целям при возникновении и решении вопросов, связанных с практической деятельностью следователей.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017);
2. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде»;
3. «Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» (постатейный) (10-е издание, дополненное и измененное) (под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева, 2014);
4. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. — М., 2000.
5. Электронный ресурс: <http://lawtoday.ru/razdel/biblio/kriminalistika/116.php>

К вопросу об административной ответственности за правонарушения в таможенной сфере

Сергиенко Анастасия Арамаисовна, студент
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

В судебной практике об административной ответственности особо актуально недекларирование либо недостоверное декларирование товаров, по которому предусмотрена административная ответственность по статье 16.2 КоАП РФ. Необходимо предпринять попытки обжаловать постановление о привлечении к ответственности. Суды зачастую соглашаясь с доводами защиты признают нарушения малозначительными, либо принимают решение об отсутствии вины.

Статья 16.2 КоАП РФ охватывает несколько составов: недекларирование товаров, подлежащих таможенному декларированию; заявление недостоверных сведений при декларировании товаров, если такие сведения послужили или могли послужить основанием для освобождения от уплаты пошлин, налогов или для их занижения; заявление недостоверных сведений при декларировании товаров либо представление недействительных документов, по причине которых были нарушены запреты и ограничения. Рассмотрим способы оспорить штраф по каждому из пунктов. При определенных обстоятельствах суд может признать незаконным и отменить постановление о привлечении лица к ответственности по части 1,2,3 статьи 16.2 КоАП РФ, вынесенное уполномоченным органом. Например, когда: суд установил отсутствие события правонарушения; административный орган не смог доказать нарушение закона; административный орган не смог доказать вину; административный орган неправильно квалифицировал правонарушение. Но даже если нарушение действительно было, в ряде случаев привлечение к ответственности можно оспорить по процессуальным основаниям. Кроме того, суд может признать административное правонарушение малозначительным. Если не задекларировать товары по установленной форме, могут привлечь к ответственности в виде штрафа. В отношении граждан, предпринимателей и юридических лиц вместо штрафа суд

может назначить только конфискацию предметов правонарушения. Для расчета штрафа, налагаемого на граждан, используют стоимость товаров для личного пользования, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза. Из этой стоимости исключают стоимость товаров, перемещаемых через границу с освобождением от уплаты пошлин и налогов (примечание 1 к ст. 16.2 КоАП РФ). Такая ответственность установлена в части 1 статьи 16.2 КоАП РФ. Ее нужно отличать от ответственности за недекларирование либо недостоверное декларирование физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, которая установлена статьей 16.4 КоАП РФ. В части 1 статьи 16.2 КоАП РФ не упоминаются индивидуальные предприниматели, но они несут ответственность как юридические лица (примечание 1 к ст. 16.1 КоАП РФ). Субъектами ответственности выступают декларант и таможенный представитель [1]. Чтобы избежать ответственности по части 1,2,3 статьи 16.2 КоАП РФ достаточно правильно оформить необходимую таможенную декларацию. Дела об административных правонарушениях по части 1 статьи 16.2 КоАП РФ рассматривают: Мировой судья, если административный орган передал дело для рассмотрения ему [2]. Это возможно, если административный орган посчитает, что лицо, привлекаемое к ответственности, заслуживает конфискации товаров, ставших предметами правонарушения. На это решение влияет характер правонарушения, личность нарушителя и другие обстоятельства [3]. Таможенные органы в лице: Федеральной таможенной службы (ФТС России); региональных таможенных управлений; таможен, в том числе Центральной энергетической таможни; таможенных постов.

Постановление о привлечении организации или предпринимателя к ответственности можно обжаловать в арбитражный суд по правилам параграфа 2 главы 25 Арби-

тражного процессуального кодекса РФ. Постановление о привлечении к ответственности должностного лица можно обжаловать в суд общей юрисдикции в порядке, установленном в главе 30 КоАП РФ. Одно из обстоятельств, подлежащих выяснению по делу об административном правонарушении, — виновность лица в его совершении [4]. Лицо признают виновным, если у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, но оно не приняло меры по их соблюдению.

Пример из практики: суд признал незаконным и отменил постановление о привлечении общества к ответственности за неуказание в декларации товаров, поскольку посчитал, что таможня не доказала вину общества. ООО «Д». (далее — Общество), действовавшее в качестве таможенного представителя, задекларировало товары народного потребления различного наименования. В ходе проведения досмотра таможня обнаружила прикрепленные к товарам пластиковые защитные устройства (противокражные датчики), не указанные в декларации. В связи с этим таможня вынесла в отношении Общества постановление о привлечении его к ответственности по части 1 статьи 16.2 КоАП РФ (далее — Постановление). Штраф составил 651525 руб. 20 коп. Общество не согласилось с Постановлением и обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным и отмене. Суд удовлетворил заявление Общества, поскольку посчитал, что таможня не доказала вину Общества. Он исходил из того, что «при визуальном осмотре товара в упаковке определить наличие вместе с ним иных предметов (защитных устройств), а равно предположить, что имеющиеся предметы не относятся к упаковочному материалу, не представлялось возможным» (постановление ФАС Московского округа от 14 октября 2013 г. по делу № А41—57882/12). При наличии состава правонарушения есть возможность освободиться от ответственности в силу малозначительности нарушения. Такую возможность предоставляет статья 2.9 КоАП РФ. Ключевой признак малозначительности — отсутствие «существенной угрозы охраняемым общественным отношениям» [5] (далее — постановление № 10).

Пример из практики: суд признал незаконным и отменил постановление о привлечении общества к ответственности за неуказание количественных сведений о товарах в декларации, поскольку посчитал совершенное правонарушение малозначительным. ООО «С». (далее — Общество) составило и подало в таможенную декларацию на товары. Таможня установила, что Общество указало в ней только вес товаров, но не указало количественные сведения о них. В связи с этим таможня вынесла в отношении Общества постановление о привлечении его к ответственности по части 1 статьи 16.2 КоАП РФ (далее — Постановление). Штраф составил 575950 руб. 17 коп. Общество не согласилось с Постановлением и обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным и отмене. Суд удовлетворил заявление Общества, поскольку посчитал правонарушение малозначительным.

Он исходил из того, что правонарушение не содержало существенной угрозы охраняемым общественным отношениям (постановление ФАС Дальневосточного округа от 24 декабря 2013 г. № Ф03—6441/2013 по делу № А51—10854/2013). Такие обстоятельства, как, например, личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не свидетельствуют о малозначительности правонарушения. Но их учитывают при назначении наказания (п. 18 постановления № 10). Также суд учитывает смягчающие обстоятельства, такие как раскаяние, совершение правонарушения впервые. Обязанность доказать обстоятельства, послужившие основанием для привлечения к ответственности, возложена на административный орган, принявший оспариваемое решение [6]. Доказательствами по делу будут любые фактические данные, на основании которых суд устанавливает обстоятельства дела (ч. 1 ст. 26.2 КоАП РФ). Если у административного органа таких доказательств нет, суд отменит постановление.

Пример из практики: суд признал незаконным и отменил постановление о привлечении общества к ответственности за заявление недостоверных сведений при таможенном декларировании товаров, поскольку посчитал, что таможня не доказала факта правонарушения. ЗАО «С». (далее — Общество) представило таможенную декларацию, в которой заявило стоимость товара в размере 24360 евро (982926 руб.). В ходе проверки таможня установила, что в пакете документов, сопровождающих товар, был инвойс, по которому стоимость товара составляла большую сумму — 31652 евро 34 евроцента (1602369 руб. 95 коп.). В связи с этим таможня вынесла в отношении Общества постановление о привлечении его к ответственности по части 2 статьи 16.2 КоАП РФ (далее — Постановление). Штраф составил 122406 руб. 29 коп. Общество не согласилось с Постановлением и обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным и отмене. Суд удовлетворил заявление Общества, поскольку посчитал, что таможня не доказала факта нарушения. Он исходил из того, что спорный инвойс выставила компания «Э». с которой Общество не состояло в договорных отношениях. Он не содержал ссылки на контракт, заключенный Обществом, и иные условия поставки.

Цена, подлежащая уплате за товар по контракту, была определена в другом инвойсе. Кроме того, паспорт сделки Общество открыло к контракту, заключенному с компанией «Е». поэтому Общество не могло оплатить инвойс компании «Э». (постановление ФАС Волго-Вятского округа от 24 октября 2013 г. по делу № А82—485/2013). Если суд установит, что событие правонарушения объективно отсутствовало, вне зависимости от доказательств, представленных административным органом, то он не привлечет лицо к ответственности (либо признает постановление незаконным и отменит его). Например, если лицо, привлеченное к ответственности, представило декларацию о соответствии, которая не содержала недо-

верных сведений. Пример из практики: суд признал незаконным и отменил постановление о привлечении общества к ответственности за представление таможенными декларациями с недостоверными сведениями, поскольку установил отсутствие события правонарушения. Таможня установила, что ООО «С». (далее — Общество) представило декларацию о соответствии, содержащую недостоверные сведения о протоколе испытаний, который к декларируемой партии товара (орехи) не относился.

Таможня посчитала, что Общество должно было провести экспертизу (испытания) образцов каждой конкретной партии товара. В связи с этим таможня вынесла в отношении Общества постановление о привлечении его к ответственности по части 3 статьи 16.2 КоАП РФ (далее — Постановление). Штраф составил 100100 руб. Общество не согласилось с Постановлением и обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным и отмене. Суд удовлетворил заявление Общества, поскольку установил отсутствие события правонарушения. Он исходил из того, что испытания не проводятся в отношении каждой конкретной партии товара, а проводятся на «образцах, конструкциях, состав и технология изготовления которых должны быть такими же, как у продукции, поставляемой потребителю» (постановление ФАС Московского округа от 25 сентября 2012 г. по делу № А40–29847/12–119–283). Если суд установит, что оспариваемое постановление содержит неправильную квалификацию, он признает его незаконным и отменит. Однако это не означает, что можно избежать ответственности, поскольку суд возвращает материалы дела административному органу. Такие разъяснения содержит пункт 9 постановления Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях».

Пример из практики: суд признал незаконным и отменил постановление о привлечении общества к ответственности за представление таможенными декларациями с недостоверными сведениями, поскольку таможня неправильно квалифицировала правонарушение. Таможня провела в отношении ООО «Э». (далее — Общество) камеральную проверку. По ее итогам она установила, что количество товаров, которые Общество задекларировало, составило 648 штук. Это больше, чем указано в сертификате соответствия, на 148 штук. В связи с этим таможня посчитала сертификат недействительным и вынесла в отношении Общества постановление о привлечении его к ответственности по части 3 статьи 16.2 КоАП РФ (далее — Постановление). Штраф составил 110 тыс. руб. Обще-

ство не согласилось с Постановлением и обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным и отмене. Суд удовлетворил заявление Общества, поскольку посчитал, что таможня неправильно квалифицировала правонарушение. Он указал, что его следовало квалифицировать по части 1 статьи 16.3 КоАП РФ (за непредставление сертификата соответствия на товар в количестве 148 штук). Суд указал, что таможня не представила доказательств, что Сертификат был недействительным в смысле, придаваемом примечанием № 2 к статье 16.1 КоАП РФ (постановление ФАС Дальневосточного округа от 5 февраля 2013 г. № Ф03–6594/2012 по делу № А59–2120/2012). Подход к разрешению дела о признании незаконным и отмене постановления о привлечении к административной ответственности в той ситуации, когда суд установил неправильную квалификацию правонарушения, у судов общей юрисдикции и арбитражных судов различен. Согласно позиции арбитражных судов при неправильной квалификации правонарушения суд принимает решение о признании незаконным оспариваемого постановления и его отмене. Такое правило установлено в пункте 9 постановления № 10. Согласно позиции судов общей юрисдикции при неправильной квалификации судья вправе переквалифицировать правонарушение на другую статью (часть статьи) КоАП РФ, имеющую единый родовый объект посягательства. Иначе говоря, обе статьи (или их части) должны входить в одну главу КоАП РФ. Причем суд может самостоятельно переквалифицировать правонарушение и в случае, если рассмотрение дела по правильной квалификации отнесено к компетенции должностных лиц или несудебных органов. Однако необходимо одно условие: назначаемое наказание не должно ухудшить положение лица, в отношении которого ведется производство по делу. Этот же подход применяется и в отношении тех дел, в которых к ответственности привлекает суд по заявлению административного органа или прокурора. Такие правила установлены в абзаце 2 и 3 пункта 20 постановления Пленума Верховного суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Особенно важен этот вопрос в свете прошедшей судебной реформы, упразднившей Высший арбитражный суд РФ. Весьма вероятно, что арбитражные суды постепенно перейдут к применению в своей практике указанной позиции судов общей юрисдикции. В настоящее время такое применение (при оспаривании постановлений и заявлений о привлечении к ответственности) спорно, поскольку постановление № 10 не отменено.

Литература:

1. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 апреля 2014 г. № 15АП-3044/2014 по делу № А32–14696/2013.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 30.10.2017) ст. 23.1 ч. 3 абз. 6 ч. 2.

3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. п. 3 подп. «в»
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 30.10.2017) ст. 26.1
5. Постановления Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» п. 18
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 29.07.2017)

Квалификация преступления «Неисполнение обязательств налоговым агентом», предусмотренного ст. 199.1 УК РФ

Ударова Анастасия Игоревна, магистрант
Тюменский государственный университет

В уголовном законодательстве Российской Федерации налоговые преступления относятся к преступлениям, связанным с экономической деятельностью организации либо физического лица. Соответственно, составы преступления определяются из жизни хозяйственно-экономической деятельности организации или физического лица.

Экономическая деятельность определяется из термина «экономика» и напрямую связана с ним. Значение данного термина — комплексность действий на различных уровнях хозяйствования, в конечном итоге люди удовлетворяют свои желания путем производства товаров, предоставления услуг или обмена материальными ценностями. Из этого вытекает терминология хозяйственно-экономической деятельности организации или физического лица, которая должна работать в рамках действующего законодательства Российской Федерации и возникает в связи с производством товаров, выполнением услуг или какого-то другого вида деятельности для удовлетворения экономических или социальных интересов заинтересованного лица. Заинтересованным лицом может выступать учредитель, руководитель, сотрудник организации или физическое лицо.

К объективным признакам относится неисполнение обязанностей налогового агента.

В ст. 199.1 предметом преступления выступают налоги и (или) сборы.

Неисполнение обязанностей налогового агента является объективной стороной состава преступления.

Обязательства налогового агента прописаны в п. 3 ст. 24 НК РФ:

1. Налогоплательщик должен в установленные законом сроки начислить, удержать и перечислить налоги, полученные с доходов, в казну налогового органа, которая является частью бюджетной системы РФ.

2. Налогоплательщик обязан в письменной форме уведомлять налоговый орган, к которому он относится, если не представляется возможность удержать налог, и о просроченной сумме задолженности по налогам. Срок

уведомления налоговым агентом налогового органа составляет один месяц.

3. Налогоплательщик обязан вести учет полученных доходов и выплаченных расходов, начисленных, удержанных и перечисленных налогов в казну налогового органа РФ, в том числе по каждому налогоплательщику (сотруднику организации) отдельно.

4. Налогоплательщик обязан предоставлять отчетность и документы в налоговый орган по месту учета, который осуществляют необходимый контроль за правильностью начислений, удержаний и перечисления налогов.

5. Налогоплательщик обязан обеспечить сохранность документов, из которых начислен, удержан и перечислен налог.

Проанализировав данные обязанности, можно сделать вывод, что все они связаны между собой, но неисполнение любой из них является уголовно наказуемым деянием — неисполнением обязанности налогового агента своевременно и правильно начислить, удержать и перечислить налоги.

В соответствии с действующим налоговым законодательством РФ обязанность налогового агента по исполнению, удержанию у налогоплательщика и перечислению в бюджетную систему РФ налогов возникает в нескольких случаях:

1) в соответствии с п. 1 ст. 226 НК РФ налоговые агенты, от которых или в результате отношений с которыми налогоплательщик получил доходы, обязаны исчислять, удерживать и перечислять в бюджетную систему Российской Федерации НДФЛ;

2) в соответствии со ст. 161 НК РФ налоговые агенты, состоящие на учете в налоговых органах Российской Федерации, приобретающие на территории Российской Федерации товары (работы, услуги) у иностранных лиц, не состоящих на учете в налоговых органах Российской Федерации, обязаны исчислять, удерживать у налогоплательщика и уплачивать в бюджет налог на добавленную стоимость;

3) в соответствии с п. 4 ст. 286 НК и ст. 310 НК РФ российские или иностранные организации, осуществляющие деятельность в Российской Федерации через постоянное представительство, выплачивающие доход иностранной организации, получающей доходы от источников в Российской Федерации, не связанные с постоянным представительством в Российской Федерации, обязаны исчислять, удерживать и перечислять в бюджет налог на прибыль;

4) в соответствии с п. 5 ст. 286 НК РФ российские организации, выплачивающие налогоплательщикам доходы в виде дивидендов, а также в виде процентов по государственным и муниципальным ценным бумагам, обязаны исчислять, удерживать и перечислять в бюджетную систему Российской Федерации налог на прибыль.

Обязательный признак состава преступления для ст. 199.1 УК РФ — крупный или особо крупный размер неперечисленных налогов и (или) сборов, определенный в примечании к ст. 199 УК РФ.

Для квалификации деяния налогоплательщика необходимо установить, имеется ли крупный или особо крупный размер неуплаченных налогов и (или) сборов, а также установить момент окончания преступления.

В соответствии со ст. 199.1 преступление считается оконченным с того времени, как налоговый агент не перечислил в установленный законодательством срок по налогам и сборам, суммы налогов и (или) сборов составляют крупный или особо крупный размер, которые налогоплательщик обязан был исчислить, удержать у налогоплательщика и перечислить в бюджетную систему Российской Федерации.

Рассмотрим субъективные признаки неисполнения обязанностей налогового агента.

Согласно ст. 199.1 УК РФ к субъектам преступления относятся налоговые агенты.

В соответствии с п. 1 ст. 24 НК РФ налоговыми агентами являются лица, на которых возлагаются обязательства по исчислению, удержанию с налогоплательщика и перечислению налога в бюджет налогового органа.

Согласно ст. 199.1 УК РФ субъектами преступления являются следующие лица:

- нотариус, занимающийся частной практикой;
- адвокат, учредивший адвокатский кабинет;
- индивидуальный предприниматель;
- руководитель организации;
- главный бухгалтер;
- лицо, выполняющее обязанности руководителя организации, главного бухгалтера;
- другие сотрудники организации, ответственные за начисление, удержание и перечисление налогов в бюджет налогового органа.

Субъективная сторона состава преступления, относящегося к ст. 199.1, определена как умышленное неисполнение обязанностей налогового агента.

Ст. 199.1 УК РФ отличается от ст. ст. 198, 199 видом умысла. Ответственность за несоблюдение обязанностей

налоговым агентом может быть только прямой. Мотивация, подталкивающая к совершению данного преступления, определяется личной заинтересованностью преступника.

Личная заинтересованность как мотив преступления, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ, основывается на стремлении извлечения выгоды имущественного, неимущественного характера и может быть обусловлена различными побуждениями: стремлением к карьерному росту, протекционизмом, семейственностью, желанием улучшить существующее положение, направленное на получение взаимной услуги и т. п.

Рассмотрим на примере.

Приговором Центрального районного суда г. Тюмени, Тюменской области от 15.03.2016 года гражданин К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 199.1 УК РФ, а именно — неисполнение обязанностей налогового агента, совершенное в особо крупном размере.

К., являясь генеральным директором общества с ограниченной ответственностью, достоверно зная о реальном финансово-экономическом положении организации, об имеющейся значительной задолженности перед бюджетом по перечислению НДФЛ (налога на доходы физических лиц), имея личную мотивацию в стремлении наладить бесперебойную работу организации для получения наибольшей прибыли и, как следствие, обеспечить всех работников, в том числе себя, заработной платой, дополнительными премиальными вознаграждениями, выплатой дивидендов и иными выплатами из прибыли, а также для поднятия личного авторитета перед работниками предприятия, за счет неполного перечисления в бюджет НДФЛ направлял с 2013 по 2015 годы денежные средства на следующие цели:

1) на выдачу в подотчет сотрудникам, которые расходовали их:

- на приобретение материалов,
- ремонт автомобиля,
- оплату услуг (коммунальных, связи, банков, почтовые расходы),
- расчеты с разными кредиторами,
- прочие расходы;

2) на производственные расходы (расчеты с поставщиками);

3) на непроизводственные расходы:

- на выплату дивидендов учредителю общества (являвшемуся женой К.);
- на предоставление займов работникам предприятия (значительные денежные займы выдавались из кассы предприятия сотрудникам, занимающим руководящие должности: заместителю директора, главному бухгалтеру, начальнику участка, другим работникам, в том числе директору общества);
- на уплату транспортного налога за физических лиц — собственников транспортных средств (на основании заключенных с обществом договоров аренды автомобилей).

Вместе с тем, если личная заинтересованность субъекта преступления выражается в стремлении извлечь выгоду имущественного характера, что свидетельствует о корыстных побуждениях, связанных с незаконным изъятием денежных средств в свою пользу или в пользу других лиц, которые должны быть исчислены, удержаны у налогоплательщика и перечислены в бюджетную систему Российской Федерации, содеянное им следует при наличии на то оснований квалифицировать по совокупности с преступлениями, предусматривающими уголовную ответственность за хищение чужого имущества.

Учитывая прямое указание в диспозиции ст. 199.1 УК РФ на то, что данное преступление совершается только в связи с личными интересами, следует признать, что неисполнение обязанностей налогового агента, не связанное с личной заинтересованностью, не образует состава преступления, даже если это неисполнение было совершено в крупном или особо крупном размере.

Также правоприменителю следует иметь в виду, что если налогоплательщик не исполняет обязанности налогового агента и при этом уклоняется от уплаты установленных налогов и (или) сборов, его деяния следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 199.1 УК РФ и ст. 199 УК РФ.

Однако в данном случае следует учитывать, что налоговый агент и налогоплательщик — разные субъекты, участвующие в налоговых правоотношениях, в которых налогоплательщик обязан уплачивать соответствующие налоги и (или) сборы из собственных средств, находя-

щихся в его распоряжении, а налоговый агент обязан исчислять, удерживать и перечислять в бюджетную систему Российской Федерации не собственные, а не принадлежащие ему денежные средства, а именно — денежные средства налогоплательщиков.

В связи с этим в процессуальных документах правоприменителем при квалификации деяния субъекта, одновременно уклоняющегося от уплаты налогов и (или) сборов и не исполняющего обязанности налогового агента, необходимо четко разграничивать, какие суммы налогов и (или) сборов он не уплатил в качестве налогоплательщика, а какие — как налоговый агент.

Деяствия налогового агента, нарушающие налоговое законодательство по начислению, удержанию и перечислению налогов и (или) сборов в бюджетную систему Российской Федерации, совершаемые из корыстных целей и приводящие к изъятию денежных средств или имущества для получения своей выгоды или выгоды другого лица, следует приобщить к дополнительной квалификации как хищение чужого имущества.

Если ответственное лицо не исполняет обязанность налогового агента по исчислению, удержанию и перечислению налогов и при этом уклоняется от уплаты налоговых обязательств с физических лиц или с организации в крупном или особо крупном размере, содеянное следует дополнительно квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 199.1 УК РФ и дополнительно ст. ст. 198, 199, в зависимости от того, кто совершил преступное деяние — физическое лицо или организация.

Сокращённое дознание как одна из форм предварительного расследования

Худякова Ольга Сергеевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Эффективная защита участников уголовного судопроизводства должна быть обеспечена на любом его этапе, особенно на досудебном. В Российской Федерации такое производство осуществляется посредством проведения предварительного следствия, дознания и с 2013 г. — дознания в сокращенной форме.

Федеральным законом Российской Федерации от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ введена в действие глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме», которая может быть применима лишь при наличии фактических и юридических оснований.

Согласно ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ, дознание в сокращенной форме производится на основании ходатайства подозреваемого и согласия потерпевшего при наличии следующих условий:

1) уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ;

2) подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела;

3) отсутствуют обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, предусмотренные ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ. [1].

Данная форма расследования явилась результатом комплексного реформирования органов предварительного расследования, направленной на обеспечение защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, соблюдения принципа разумности срока и своевременности возмещения потерпевшему причиненного общественно опасным деянием ущерба [1, с. 36]

Основная цель введения сокращенной формы дознания — экономия времени и средств при расследовании простых дел. Сокращение указанных расходов достигается

за счет расширения круга следственных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела и, как следствие, отсутствие необходимости выполнения большого количества следственных действий дублирующего характера в ходе расследования.

Главные особенности сокращенного дознания состоят в следующем [1]:

1. Сокращенное дознание может проводиться только по преступлениям, относящимся к подследственности дознавателя и по уголовному делу, возбуждаемому в отношении конкретного лица (п. 1 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ);

2. Подозреваемый должен полностью признать свою вину и согласиться с правовой и фактической оценкой деяния, включая размер и характер вреда (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ);

3. Для производства дознания в сокращенной форме необходимо ходатайство подозреваемого и согласие потерпевшего (п. 6 ч. 1 ст. 226.2, ст. 226.3 УПК РФ);

4. Сокращенное дознание не может производиться в случае несовершеннолетия подозреваемого, наличия оснований для применения особого порядка производства в порядке главы 52 УПК РФ, а также производства по применению принудительных мер медицинского характера и др. (п. 1–5 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ);

5. Обвиняемый и его защитник в обязательном порядке должны быть ознакомлены с обвинительным постановлением, причем в пределах срока сокращенного дознания (ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ);

6. По окончании сокращенного дознания составляется обвинительное постановление (ч. 2 ст. 226.7 УПК РФ);

7. Сокращенное дознание влечет за собой судебное разбирательство уголовного дела в особом порядке.

Упрощение дознания достигается главным образом за счет: во-первых, сокращения предмета доказывания, во-вторых, отказа от дополнительной проверки сведений, содержащихся в материалах предварительной проверки, в-третьих, права дознавателя не проверять доказательств, не оспоренные подозреваемым, потерпевшим и их представителями.

Сущностные черты дознания в сокращенной форме могут быть сгруппированы следующим образом:

Во-первых, дознание в сокращенной форме проводится только по определенным преступлениям небольшой и средней тяжести, прямо перечисленным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Причем, этот перечень является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Во-вторых, эта форма дознания не применяется в отношении несовершеннолетних, лиц, в отношении которых подлежат применению принудительные меры медицинского характера, специальных субъектов, перечисленных в ст. 447 УПК РФ, лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства.

В-третьих, сокращенное дознание связано с рядом ситуационных факторов, свидетельствующих о пониженной, в сравнении с дознанием в общем порядке, сложности

расследуемых уголовных дел. К таким факторам можно отнести позитивное посткриминальное поведение подозреваемого, который признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Однако исключительно указанными признаками все своеобразие дознания в сокращенной форме не исчерпывается. Довольно мощным потенциальным зарядом в сущности этой формы заложены диспозитивные начала. Именно они обязывают учитывать при выборе указанной формы как позицию подозреваемого, так и потерпевшего. Последний должен не возражать против производства дознания в сокращенной форме (п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ) по аналогии с особым порядком судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, предусмотренным главой 40 УПК РФ.

Однако в данном случае законодатель идет гораздо дальше. Именно с волеизъявлением сторон он связывает возможность дальнейшего продолжения расследования и рассмотрения уголовного дела в упрощенной форме. Дело в том, что подозреваемому, обвиняемому потерпевшему и его представителю предоставлено право заявить ходатайство о прекращении дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора [2, с. 147].

Иными словами, они вправе изменить свою позицию на противоположную, причем в любой момент производства по делу. А поскольку такое ходатайство подлежит удовлетворению со стороны лица, в производстве которого находится уголовное дело, то получается, что сторонам вовсе не обязательно свое ходатайство сколь-нибудь убедительно обосновывать перед дознавателем, прокурором или судом. Последствием удовлетворения такого ходатайства станет применение положений ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ по аналогии.

То есть дознаватель, к которому поступит указанное ходатайство, должен будет вынести постановление о производстве дознания в общем порядке, прокурор — постановление о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке, а суд — постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке.

Дознаватель на протяжении всего расследования просто вынужден быть озабоченным не только его качеством, сроками и результатами, но и стабильностью психологического состояния его участников. А при отсутствии соответствующих специальных психологических знаний этот процесс превращается либо в гадание на кофейной гуще, либо в заискивание перед участниками расследования ни то, ни другое нельзя считать приемлемым при осуществлении публичной, официальной деятельности представителя власти [3, с. 194].

В качестве контраргумента нам могут указать на то, что возможность изменить свою позицию относительно формы производства по делу у участников имеется не только при сокращенном дознании. В ходе судебного разбирательства, проводимого в особом порядке, подсудимый может не подтвердить заявленное при окончании предварительного расследования ходатайство, и в таком случае судья должен перейти к рассмотрению уголовного дела в общем порядке. (ч. 6 ст. 316 УПК РФ). Ст. 317.7 УПК РФ распространяет это правило и на порядок проведения судебного заседания в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Согласно смыслу ч. 5 ст. 325 УПК РФ обвиняемый может на предварительном слушании отказаться от ранее заявленного ходатайства о рассмотрении его дела судом присяжных. Последующий отказ подсудимого от рассмотрения его дела судом с участием присяжных заседателей не принимается.

В отношении сокращенного дознания законодатель пошел гораздо дальше. Решение потерпевшего или его представителя, а также обвиняемого (подсудимого) не просто предопределяет выбор процессуальной формы в будущем, но и способно повлечь за собой возвращение уголовного дела на более ранний этап судопроизводства. Это перечеркивает усилия не только дознавателя, систематизировавшего результаты предварительного расследования и составившего итоговый процессуальный документ,

но и прокурора, ознакомившегося с уголовным делом и утвердившего обвинительное постановление, а также в отдельных случаях судьи, осуществившего все необходимые действия по подготовке уголовного дела к судебному разбирательству и приступившего к его рассмотрению.

В результате оказываются безвозвратно потерянными не только время, но и бюджетные средства, необходимые для повторного производства всего объема действий, связанных с окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд. И все это без выяснения объективно оправданных предпосылок, обусловивших принятие указанного решения участниками процесса [4, с. 18].

Единственным и нерушимым критерием, отвечающим упрощенному производству, является то, что дознание в сокращенной форме должно проводиться по очевидным делам, при наличии ряда условий: уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица, которое признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела, и согласно с ведением уголовного судопроизводства в сокращенной форме. При этом дела в отношении «уязвимой категории лиц»: несовершеннолетних, психически нездоровых, лиц, обладающих иммунитетом и т.д., не расследуются в упрощенном порядке.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: редакция от 29.07.2017 г.]. ИПС «Консультант Плюс».
2. Василенко, Л. А., Науменко О. А. Дознание в сокращенной форме и его эффективность в досудебном производстве // Общество и право. 2013. № 2 (44). — 361 с.
3. Горкина, Е. В., Похлебаев И. В. Институт сокращенного дознания — новая форма упрощенного производства в российском уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 4. — 357 с.
4. Дикарев, И. С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения. // Уголовное право. 2015. № 3. — 721 с.
5. Зайцев, О. Д., Абдуллаев Ф. К. Процессуальное положение дознавателя по УПК РФ // Законность. 2012. № 12. с. 16–18.

Права и обязанности субъектов обязательного государственного страхования в России

Черныш Дарья Владимировна, магистрант
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

В статье рассмотрено понятие обязательного государственного страхования, его объекты и субъекты, а также права и обязанности страховщика и страхователя.

Ключевые слова: обязательное страхование, страховщик, государство

На сегодняшний день вопрос относительно прав и обязанностей субъектов государственного страхования в Российской Федерации довольно актуальный, так как страхование представляет собой систему по защите имущественных интересов граждан, организаций и государства, которую необходимо рассматривать как неотъемлемый элемент, составляющий социально-экономическую основу общества.

Важно отметить, что страхование необходимо рассматривать как самостоятельное звено финансовой системы России. Для него характерно наличие двух обособленных форм, таких как форма социального страхования (специального страхования) и собственно страхования, которое связан с наступлением непредвиденных событий.

Конституция РФ закрепляет правовые основы страхования. Так, ст. 72 Конституции РФ закрепляет, что реализация мер, связанных с борьбой с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, а также меры по ликвидации последствий таких стихийных бедствий находится в рамках совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации [1]. Основой и неотъемлемой составляющей страховой деятельности в Российской Федерации, является соответствующая правовая база, включающая в себя довольно большое количество нормативных правовых актов, которые в своей совокупности образуют основы страхового законодательства. Страхование представляет собой комплексный правовой институт, который объединяет нормы различных отраслей российского права, и в первую очередь гражданского и финансового права [4].

Как экономическая категория страхование необходимо рассматривать как систему определенных экономических отношений относительно процесса образования централизованных и децентрализованных резервов денежных и материальных средств, наличие которых необходимо для того, чтобы покрывать непредвиденные нужды общества и его членов.

Обязательное государственное страхование представляет собой меру по обеспечению со стороны государства социальной защиты определенным категориям государственных служащих РФ и включает в себя обеспечение страхования их жизни, здоровья и имущества. Процесс реализации обязательного государственного страхования осуществляется непосредственно, основываясь на норма-

тивных правовых актах, регулирующих данный вид страхования.

Рассматриваемый вид страхования отличается от других групп обязательного страхования, которые обусловлены специальными законами, тем, что оно реализуется в рамках государственных учреждений за счет средств, которые выделяются непосредственно на эти цели из соответствующего государственного бюджета (ст. 927 ГК РФ). В законах, которые регламентируют процесс реализации обязательного государственного страхования, указан перечень страховщиков, уполномоченных заниматься таким видом страхования, а также перечень лиц, которым вменена обязанность выполнять роль страхователя [2].

В ст. 969 ГК РФ содержится определение обязательного государственного страхования, анализируя которое можно прийти к выводу о том, что оно не отвечает некоторым признакам страхового обязательства. Так, согласно данной статье под обязательным государственным страхованием понимается некая совокупность общественных отношений, имеющая главной своей целью защищать социальные интересы граждан и интересы государства в случаях причинения вреда жизни и здоровью лиц, занятых на государственной службе, а также в случаях уничтожения и (или) порчи их имущества, за счет средств, которые выделяются из соответствующего бюджета министерствам и другим органам исполнительной власти [2].

Анализируя данное определение необходимо обратить особое внимание на следующие принципиальные моменты. Во-первых, законодатель четко дает понять, что главной целью, которую преследует обязательное государственное страхование является обеспечение социальных интересов граждан и интересов государства, тем самым законодатель акцентирует внимание на защитно-обеспечительной функции страхования вообще и обязательного государственного страхования в частности.

Во-вторых, названная статья определяет источник средств, финансирующий процесс обеспечения обязательного государственного страхования, бюджет соответствующего уровня, а также указывает тех лиц (страхователей), в отношении которых данные средства выделяются, министерства и другие органы исполнительной власти.

В-третьих, данная статья закрепляет, что так называемыми субъектами обязательного государственного страхования могут выступать жизнь, здоровье и имущество опре-

деленных категорий государственных служащих. В связи, с чем происходит ограничение числа граждан, которые подлежат обязательному государственному страхованию, таким гражданами могут быть только лишь государственные служащие, а в соответствии с этим круг объектов страхования, а именно: жизнь, здоровье и имущество указанных лиц.

Также из приведенного определения важно отметить, что субъектами, осуществляющими обязательное государственное страхование, могут быть исключительно государственные страховые или иные государственные организации (страховщики).

К числу субъектов обязательного государственного страхования относятся государственные учреждения и некоторые категории физических лиц. Согласно ст. 969 ГК РФ государственные учреждения обязаны страховать жизнь и здоровье таких категорий граждан, как:

- 1) военнослужащие;
- 2) граждане, которые призваны на военные сборы;
- 3) лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел РФ;
- 4) сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы;
- 5) сотрудники федеральных органов налоговой полиции;
- 6) сотрудники, военнослужащие и работники Государственной противопожарной службы.

Все указанные категории лиц имеют страховые гарантии в силу прямого указания специальных законов. Так, например, страховщики в рамках обязательного государственного страхования обязаны обеспечить обязательное государственное личное страхование за счет средств федерального бюджета, равным размеру 180 окладов денежного содержания (должностных окладов), которые установлены на день выплаты, всех сотрудников кадрового состава органов внешней разведки (ст. 22 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»). В данном случае роль страховщика при этом выполняет орган внешней разведки РФ, руководство которым осуществляет Президент РФ.

Также аналогичным образом подлежит обязательному государственному страхованию жизнь, здоровье и имущество судьи, финансируемое из средств федерального бюджета. Также важно отметить, что при этом жизнь и здоровье судьи подлежат страхованию на сумму его пятнадцатилетней заработной платы (ст. 20 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации») [5]. Согласно данному Закону, обязательное государственное страхование осуществляется в отношении:

- 1) судей всех судов общей юрисдикции и арбитражных судов, арбитражных заседателей, присяжных заседателей;
- 2) прокуроров;
- 3) следователей;
- 4) лиц, которые производят дознание;
- 5) лиц, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность;

6) сотрудников федеральных органов внутренних дел, которые осуществляют охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, а также исполняют приговоры, определения и постановления судов (судей) по уголовным делам, постановления органов расследования и прокуроров, в отношении:

- а) сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы;
- б) военнослужащих внутренних войск Министерства внутренних дел РФ, которые принимают непосредственное участие в пресечении действий вооруженных преступников, незаконных вооруженных формирований и иных организованных преступных групп;
- 7) сотрудников органов Федеральной службы безопасности;
- 8) судебных исполнителей;
- 9) работников контрольных органов Президента РФ, которые осуществляют контроль за исполнением законов и иных нормативных правовых актов, выявляют и пресекают правонарушения;

Как было отмечено ранее страховые гарантии военнослужащим, которые указаны в вышеназванном п. 6.2, и их право на возмещение вреда регулируются Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

Согласно данному закону, страховщиком является, например, Минюст России. Со дня начала службы и по день окончания службы жизнь и здоровье сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Минюста России представляют собой объект обязательного государственного страхования Минюста России (Приказ Минюста РФ от 13 апреля 2006 г. № 114 «Об утверждении Инструкции о проведении обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы»). Вышеуказанный перечень законов, который вменяет обязательное государственное страхование, не носит характер исчерпывающего [3].

Чаще всего в качестве страховщика в рамках обязательного государственного страхования выступает страховая компания, которая была выбрана на основе конкурса, и которая имеет разрешение (лицензию) на предоставление услуг по обязательному государственному страхованию. Страхователь, а именно компетентные должностные лица, которые являются представителями страхователя, и которые несут ответственность за процесс осуществления обязательного государственного страхования, в соответствии с законодательством в обязательном порядке должны знакомить застрахованных лиц с правилами осуществления обязательного государственного страхования, должны объяснять порядок оформления документов, которые необходимы для принятия решения о выплате страховых сумм, со способом выплаты страховых сумм [7, с. 274].

В обязанности компетентных должностных лиц выгодоприобретателей входит обязанность оказывать им всяческое содействие в процессе истребования и оформ-

ления документов, которые необходимы для принятия решения о выплате страховых сумм. Должностные лица, которые виновны в необоснованном отказе в предоставлении и оформлении застрахованным лицам (выгодоприобретателям) документов, которые необходимы для принятия решения о выплате страховых сумм, обязаны нести ответственность в порядке, который установлен законодательством РФ для таких случаев.

Для целей оперативности в осуществлении выплат страховых сумм и для того, чтобы исключить случаи их задержки в кадровом аппарате, в задачи которого входит оформление соответствующих документов, страховщики обязаны вести журнал по регистрации выдачи и направ-

ления документов по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья сотрудников, которые необходимы для процесса принятия решения о выплате страховых сумм [6, с. 75].

Таким образом, обязательное государственное страхование представляет собой меру по обеспечению со стороны государства социальной защиты определенным категориям государственных служащих РФ и включает в себя обеспечение страхования их жизни, здоровья и имущества. Процесс реализации обязательного государственного страхования осуществляется непосредственно, основываясь на нормативных правовых актах, регулирующих данный вид страхования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (1993) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря (ред. от 21.07.2014).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410 (ред. от 28.03.2017).
3. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. — 1998. — № 22. — ст. 2331 (ред. от 01.07.2017)
4. Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета. — 1993. — 12 января. — № 6 (ред. от 26.07.2017).
5. Закон «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 года N 3132-1 (ред. от 05.04.2005). — Справочная система гарант
6. Правовые основы страхования: учеб. пособие / Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. — М.: Проспект, 2013. — 127 с.
7. Страхование право: учебник для вузов / под ред. В. Н. Григорьева, А. Н. Кузбагарова, В. В. Шахова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Юнити, 2014. — 423 с.

Взятка как неклассический реляционный подход к пониманию договора дарения

Шушканов Павел Александрович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

В статье рассматриваются актуальные проблемы коллизий гражданского, антикоррупционного законодательства и законодательства о государственной службе в вопросах подходов к институту дарения в целом и совершения акта дарения в отношении государственного служащего в частности.

Ключевые слова: дарение, законодательство, реляционный договор, коррупция

Вопрос о разграничении договора дарения в отношении государственного служащего и факта коррупционного действия в российском законодательстве не является окончательно разрешенным. До настоящего времени не устранены коллизии между общими нормами о дарении и специальным законодательством о государственной службе.

Так, например, существуют определенные противоречия между Федеральным законом «О противодействии коррупции» и нормами Гражданского кодекса РФ. П. 7 ч. 3 ст. 12.1 Федерального закона «О противодействии коррупции» предусмотрено, что лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, для которых федеральными конституционными законами или

федеральными законами не установлено иное, лица, замещающие государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности и осуществляющие свои полномочия на постоянной основе, не вправе получать в связи с выполнением служебных (должностных) обязанностей не предусмотренные законодательством Российской Федерации вознаграждения и подарки от физических и юридических лиц. В то же время, п. 3 ч. 1 ст. 575 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусмотрен запрет дарения лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка

России в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей.

С одной стороны, обе нормы устанавливают запрет на дарение в отношении государственных служащих, но с другой — Гражданский кодекс устанавливает некоторые исключения из правил для обычных подарков, понятие которых законодательством не установлено. В то же время антикоррупционное законодательство не допускает подарков и на сумму до 3000 рублей. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация: один закон дает возможность получения подарка в разумных пределах и не связанного с осуществлением должностных обязанностей, другой же предусматривает за это ответственность.

Несогласованность норм ГК и Федерального закона «О противодействии коррупции» делает мертвыми нормами содержание п. 3 ч. 1 ст. 575 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку отношения в сфере государственной службы регулируются специальными законами.

Еще более странным является содержание п. 6 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее Закон о государственной службе): «Подарки, полученные гражданским служащим в связи с протокольными мероприятиями, со служебными командировками и с другими официальными мероприятиями, признаются соответственно федеральной собственностью и собственностью субъекта Российской Федерации и передаются гражданским служащим по акту в государственный орган, в котором он замещает должность гражданской службы, за исключением случаев, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации». Ведь фактически эта норма вводит в договор дарения третью сторону — выгодоприобретателя — государственный орган, что, согласно нормам ГК недопустимо. Более того, норма говорит о том, что «Гражданский служащий, сдавший подарок, полученный им в связи с протокольным мероприятием, служебной командировкой или другим официальным мероприятием, может его выкупить в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации», что вводит возмездность в изначально безвозмездное соглашение. Таким образом, нормы антикоррупционного законодательства и законодательства о государственной службе не только противоречат гражданско-правовым нормам, но и нарушают сами основы института дарения — его двусторонность, добровольность и безвозмездность.

Будет ли подарок государственному служащему взяткой, если абстрагироваться от норм Закона о государственной службе и оперировать нормами из гражданского, уголовного и антикоррупционного законодательства? Тут существует несколько позиций [1, 2, 3]. Одна основывается на приоритете гражданских норм, устанавливающих минимальный размер подарка, другая на нормах уголовного права, запрещающих любые подарки (взятки) государственным служащим. Последний подход

сохранен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 «О судебной практике по делам о взятках и об иных коррупционных преступлениях». В данном постановлении ссылка на гражданско-правовые нормы отсутствует вообще.

Единственная попытка увязать гражданско-правовой и уголовно-правовой подходы к подарку государственному служащему предпринята в Законе о государственной службе, где речь идет о добровольном выкупе подарка, который становится собственностью государственной организации. Нужно ли говорить, что данный подход серьезно нарушает принципы гражданского права и в частности принцип свободы договора (свободы выбора контрагента). Получается парадокс: я дарю вещь конкретному лицу, а согласно Закону о государственной службе, это лицо подменяется другим без моего согласия. И, с другой стороны, как в данном случае быть с такой разновидностью дарения как прощение долга? Простить долг государственному служащему можно, но не госоргану. И уж тем более нельзя выкупить прощение долга у госоргана, который изначально не был стороной долгового обязательства.

Принято считать основным отличием взятки от дарения безвозмездный характер правоотношения. Однако, на практике данное разграничение не действует. Подарок, совершенный в отношении государственного служащего сам по себе будет являться взяткой вне зависимости от его взаимосвязи с какими-либо действиями со стороны государственного служащего, абсолютно не трогая доказательственную сторону. Таким образом, с точки зрения антикоррупционного законодательства и законодательства о государственной службе, безвозмездность — некая условность, имеющая значение только в гражданских правоотношениях, но не когда они касаются государственных служащих. Определенная логика в этом есть. Не безвозмездность подарка может иметь очень высокий уровень латентности (с задействованием большого количества лиц и отношений между ними), при котором отделить подарок от сделки будет практически невозможно. С другой стороны, неправильным, на наш взгляд, является пренебрежение гражданско-правовыми нормами в урегулировании данных вопросов. Игнорирование норм гражданского кодекса, в данном случае, следовало бы заменить устранением коллизий между нормативными актами.

Не разрешен вопрос о возможности последовательного заключения нескольких договоров дарения обычных подарков на сумму до 3000 рублей. Исходя из норм ГК РФ, нарушением это являться не будет, если подходить к договору с классической позиции определения его как соглашения. Каждая сделка, вне зависимости от предыдущей, понимается гражданским правом как совершенно самостоятельное и независимое действие. Три сделки по 3000 рублей, таким образом, не могут составлять «совокупную сумму сделок» в 9000 рублей, вне зависимости от субъекта, основания сделки и времени, прошедшего между заключением сделок. В то же время законодательство о противодействии коррупции не знает особенностей после-

довательности однородных сделок и здесь налицо подход к дарению с неклассической позиции как к реляционному договору (продолжающемуся).

Напомним, что теория гражданского права содержит два направления подходов к пониманию договора: классические (договор как сделка, договор как обязательство, договор как соглашение) и неклассические (реляционный договор, сетевой договор, договор-обещание и др.). Реляционный договор отличается от дискретного тем, что группа однородных соглашений воспринимается не дискретно (в отдельности каждое), а как единый бесконечно продолжающийся договор. Например, ежедневная заправка машины топливом на одной и той же автозаправке признается в неклассической теории как единый продолжающийся, а не последовательность конечных соглашений между теми же контрагентами.

Как правило, подтверждений обоснованности такого подхода к договору в практике немного. Однако, договор дарения, в случае, если одаряемый — государственный служащий, может являться ярким примером возможности существования реляционных договоров.

Как уже было указано выше, несколько фактов дарения подарков одному лицу другим лицом с небольшой периодичностью, но на сумму, не превышающую 3000 рублей рассматривается с точки зрения гражданского права как несколько отдельных договоров, не нарушающих действующее антикоррупционное законодательство.

Литература:

1. Яни, П. С. В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии // Российская юстиция. 2001. N 7,
2. Яни, П. С. Проблемы уголовной ответственности за экономические преступления // Законность. 2001. N 1.,
3. Пикуров, Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998.

Ограничение и лишение родительских прав как меры юридической ответственности

Юрина Анастасия Владимировна, магистрант;

Научный руководитель: Смирнская Е. В. Кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Юридическая ответственность — это правоотношение, представляющее собой как добровольное исполнение субъектами права установленных в нормативных актах правил поведения, так и порождающее неблагоприятные для них последствия, обеспечиваемые государственным принуждением, имущественного и личного неимущественного характера, в случае несоблюдения данных предписаний.

Среди правоведов наиболее популярной классификацией видов юридической ответственности является классификация в зависимости от её отраслевой принадлеж-

ности. С точки зрения антикоррупционного законодательства ситуация иная. Последовательное дарение нескольких подарков будет представлять собой уже взятку в сумме, превышающей 3000 рублей.

Таким образом, мы видим серьезную проблему несогласованности норм уголовного, гражданского, административного законодательства в подходе к договору дарения. Ситуация могла бы быть иной, если бы закон содержал понятие обычного подарка, но, к сожалению, выработанные гражданско-правовым обычаем подходы к данному понятию неприменимы ни в уголовном ни в административном праве. Вполне законный с точки зрения ГК РФ подарок государственному служащему в уголовном и административном законодательстве влечет за собой ответственность, поскольку и практика применения норм, регулирующих данные отношения, и судебная практика строятся на приоритете уголовных и административных норм.

Нормы же Закона о государственной службе, о перемещении сторон в договоре дарения и возможности выкупа подарка вообще следовало бы исключить из законодательства как грубо нарушающие основные гражданско-правовые принципы института договора дарения.

С другой стороны, практика признания верховенства уголовных норм над гражданско-правовыми в данном вопросе имеет и свои плюсы. Здесь мы сталкиваемся с одним из немногочисленных подтверждений состоятельности реляционной неклассической модели договора.

Считаем данную классификацию наиболее верной, и приведём следующие виды юридической ответственности:

- уголовная ответственность;
- административная ответственность;
- дисциплинарная ответственность;
- гражданско-правовая ответственность;
- семейно-правовая ответственность.

В настоящей статье, наше внимание будет зафиксировано на семейно-правовой ответственности. Итак, семейно-правовую ответственность представляется возможным

определить следующим образом: «...совокупность личных неимущественных и (или) имущественных мер принуждения, ограничивающих, лишаящих отдельных семейных прав, а также устанавливающих дополнительные обязанности, предусмотренных семейным, а в отдельных случаях и гражданским законодательством, применяемых судом, иным уполномоченным органом к лицам, совершившим семейное правонарушение либо допустившим иное действие (бездействие), признаваемое семейным законодательством в качестве основания ответственности» [1].

Не смотря на довольно длительное существование семейного права как самостоятельной отрасли права в российском законодательстве, в юридической литературе по сей день отсутствует единое мнение среди правоведов об отраслевой самостоятельности семейно-правовой ответственности как вида ответственности юридической.

О невозможности существования семейно-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности заявляет Д.А. Липинский, утверждая, что семейно-правовая ответственность отсутствует, за семейно-правовые нарушения наступает административная или уголовная ответственность. Лишение родительских прав, ограничение родительских прав он рассматривал в качестве семейно-правовых средств обеспечения дозволений и запретов [2].

Данной позиции придерживается и С.П. Гришаев, замечая, что «...не существует семейно-правовой ответственности в чистом виде, и к нарушителям применяются меры гражданского, уголовного и семейного права» [3].

Не может не радовать тот факт, что большинство правоведов выделяет семейно-правовую ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности. Так, в обоснование наличия такой самостоятельности Ю.Ф. Беспалов приводит следующие доводы, с которыми не представляется невозможным не согласиться:

- 1) семейное законодательство предусматривает меры ответственности для участников семейных отношений;
- 2) семейное право является самостоятельной отраслью российского права, и, бесспорно, имеется самостоятельный вид юридической ответственности — семейно-правовой;
- 3) семейно-правовая ответственность имеет множество особенностей, вызванных в том числе и тем, что семейные отношения подвергаются комплексному регулированию;
- 4) отсутствие фундаментальных научных исследований по проблемам семейно-правовой ответственности создает определенные трудности при применении норм семейного законодательства, а следовательно, влечет разные подходы в правоприменении, однако не может быть расценено как несуществование и отрицание семейно-правовой ответственности;
- 5) семейное правонарушение в некоторых случаях влечет применение норм административного, гражданского и уголовного права. Вместе с тем это не препят-

ствует применению мер семейно-правовой ответственности;

б) имеются существенные трудности в установлении семейного правонарушения, определении его последствий, а следовательно, и в применении мер семейно-правовой ответственности [4].

Семейно-правовая ответственность имеет своё самостоятельное отраслевое существование, что выражается в наличии её целей и функций, а также объекта, метода и форм, поэтому, считаем необходимым раскрыть цели и функции семейно-правовой ответственности.

Итак, к целям семейно-правовой ответственности представляется возможным отнести: предупреждение возможных правонарушений в семейных отношениях; побуждение членов семьи выполнять семейные обязанности и реализовывать свои права в пределах, установленных законом; воспитание среди членов семьи уважительного отношения к существующим семейным ценностям и нормам морали; наказание члена семьи, нарушившего норму права; сочетание публичного и частного интересов в семейных отношениях и т. д.

Среди функций семейно-правовой ответственности необходимо выделить следующие: карательная, восстановительная, регулятивная, воспитательная и превентивная. Стоит отметить, что все вышеназванные функции реализуются на определённых этапах осуществления семейно-правовой ответственности.

Очевидно, что семейно-правовая ответственность имеет свой объект, метод, цели и функции, формы, что, несомненно, характеризует её как самостоятельный вид юридической ответственности.

Российский законодатель устанавливает различные виды ответственности родителей за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей:

- уголовная ответственность;
- административная ответственность;
- гражданско-правовая ответственность;
- семейно-правовая ответственность.

Представляется интересным тот факт, что данные виды ответственности существуют одновременно. Например, если в действиях родителей содержатся элементы нескольких составов, например, уголовное преступление, предусмотренное ст. 156 Уголовным кодексом РФ, что подразумевает и совершение семейного правонарушения — жестокое обращение с ребенком, — то они должны быть привлечены и к уголовно-правовой, и к семейно-правовой ответственности.

Семейно-правовая ответственность реализуется через соответствующие меры. На взгляд автора, нашего пристального внимания заслуживают такие меры как ограничение и лишение родительских прав.

Как верно указывается в юридической литературе, «лишение родительских прав является исключительной мерой семейно-правовой ответственности родителей за виновное ненадлежащее осуществление родительских прав и обязанностей, когда исчерпаны другие способы

воздействия на недобросовестных родителей, поведение которых является противоправным, нарушающим права и интересы несовершеннолетних детей» [5].

В настоящее время в науке существуют различные подходы к определению понятия лишения родительских прав. Так, по мнению А.Е. Казанцевой, «...содержание семейно-правовой ответственности заключается в устранении обязанных лиц от личного воспитания детей, воплощающегося в различных формах, зависящих от основания возникновения правоотношений по воспитанию» [6]. К.Н. Толстой считает, что: «Лишение родительских прав, — санкция за неправомерное поведение родителей в отношении детей, направленная на защиту интересов детей и перевоспитание родителей» [7]. Л.М. Муратова дает следующее определение: «Лишение родительских прав является мерой семейно-правовой ответственности в форме лишения субъективных семейных прав» [8].

На взгляд автора, лишение родительских прав, бесспорно, является исключительной мерой семейно-правовой ответственности, что соответствует позиции Верховного суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. N 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей».

Несомненно, исключительность данной меры семейно-правовой ответственности состоит не столько в самой процедуре лишения родительских, сколько в противоположной ей процедуре — восстановлении таких прав. Ведь процедурой лишения родительских прав занимаются специально уполномоченные на это органы, что не вызывает необходимости родителя, лишаемого прав, совершать конкретные действия, ведь определённые действия, которые он уже совершил, повлекли данные негативные последствия; а вот процедурой восстановления родительских прав занимается, скорее, сам родитель через специально уполномоченные на это органы, что вынуждает его доказать существование определённых факторов, влекущих такое восстановление.

Стоит отметить, что ограничение родительских прав одного из родителей — это отобрание ребенка у одного из родителей без лишения его родительских прав с последующей передачей ребенка в зависимости от ситуации вто-

рому родителю, другим близким родственникам, органу опеки и попечительства.

В отличие от лишения родительских прав, отобрание ребенка предусмотрено в качестве меры защиты прав и интересов детей. Главная цель этой меры заключается не в наказании родителей, а в защите ребенка, оставление которого с родителями опасно для жизни, здоровья, нормального воспитания и развития ребенка. Поэтому для применения данной меры защиты наличие или отсутствие вины в поведении родителей не имеет значения, важно защитить ребенка от угрожающей ему опасности.

В случае ограничения родительских прав такие родители утрачивают свое право на воспитание ребенка и право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей. Дела об ограничении родительских прав также рассматриваются судом и в том же порядке, что и дела о лишении родительских прав с соблюдением тех же гражданско-процессуальных норм. Однако имеются и различия, заключающиеся в том, что с иском заявлением в суд могут обратиться один из родителей ребенка, орган опеки и попечительства, близкие родственники несовершеннолетнего ребенка. Различия ограничения от лишения родительских прав заключаются также и в том, что права и обязанности родителей только ограничиваются, а не лишаются, и ограничиваются на определенное время, а не бессрочно, как лишение прав.

В вышеприведённом отличии ограничения родительских прав от лишения их и заключается, на взгляд автора, исключительность данной меры семейно-правовой ответственности. Ведь ограничивая родителя в своих правах, государство, привлекая его таким образом к ответственности, даёт такому родителю шанс на исправление с последующим восстановлением родительских прав.

Таким образом, ограничение и лишение родительских прав являются самостоятельными мерами юридической ответственности, что выражается в их сущности, состоящей из направленности правовых последствий. Если одна из таких мер влечёт для родителей самые негативные последствия, то другая, при наличии определённых негативных последствий, имеет своей целью установление возможности родителям на исправление наличия тех факторов, которые повлекли применение к ним данной меры ответственности.

Литература:

1. Беспалов, Ю.Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав// Журнал российского права. — 2014, № 2//СПС КонсультантПлюс.
2. Липинский, Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности// Право и политика. — 2004, № 12//СПС КонсультантПлюс.
3. Гришаев, С.П. Семейное право в вопросах и ответах. — М., 2008//СПС КонсультантПлюс.
4. Беспалов, Ю.Ф. Семейно — правовая ответственность и ограничение семейных прав// Журнал российского права. — 2014, № 2//СПС КонсультантПлюс.
5. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) (постатейный) / О.Г. Алексеева, Л.В. Заец, Л.М. Звягинцева и др.; под ред. С.А. Степанова. Москва: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2015. 352 с.

6. Казанцева, Е.А. Обязанности и права родителей (заменяющих их лиц) по воспитанию детей и их ответственность за их нарушение. Томск. Изд-во Томского университета, 1987. — с. 130.
7. Толстой, Ю.К., Сергеев А.П. Гражданское право: учебник в 3 ч.. — М.: Проспект, 2002. — Ч. 3. — с. 246.
8. Муратова, С.А. Семейное право. Учебное пособие. — М.: Юриспруденция, 2001. — с. 159.

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал
Выходит еженедельно

№ 46 (180) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кошербаева А. Н.
Кузьмина В. М.
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадиров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Кошербаева А. Н. (Казахстан)
Курпаяниди К. И. (Узбекистан)
Куташов В. А. (Россия)
Кыят Э. Л. (Турция)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)
Шуклина З. Н. (Россия)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственный редактор: Осянина Е. И.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В., Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 29.11.2017. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25